

И.Ф. Панюхин

Я-Васька из КОКОШИНО

Иван Панюхин

Я – Васька из Кокошино

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Панюхин И. Ф.

Я – Васька из Кокошино / И. Ф. Панюхин — «ЛитРес: Самиздат»,
1997

«Васька» - детская книга для взрослых. Написана она не с целью удовлетворения любопытства читателей, а с целью пробуждения логики. В книге затронуты спорные темы. По ним изложены некоторые умозаключения. Но они не подаются как некие непреложные истины. Все спорные темы должны пробуждать у читателя желание задуматься — не принимать прочитанное на веру, а поискать свой логический вывод. Насколько удачен мой замысел — судить читателям. Я должен признаться, что я не писатель и не готовился им стать. Я всего-навсего обыкновенный человек, доживший до старости и накопивший за долгие годы нечто такое, чем захотелось поделиться со своими потомками. Суть книги в том, что меня всю жизнь возмущал фанатизм человека во всех его проявлениях, и я «восстал» против него. Замысел этой книги, наверное, и родился по этой причине. Дорогой мой читатель, не будь, пожалуйста фанатиком — иждивенцем чужого разума. Учись думать сам.

© Панюхин И. Ф., 1997

© ЛитРес: Самиздат, 1997

Иван Панюхин

Я – Васька из Кокошино

От автора читателю.

«Васька» – детская книга для взрослых. Написана она не с целью удовлетворения любопытства читателей, а с целью пробуждения логики. В книге затронуты спорные темы. По ним изложены некоторые умозаключения. Но они не подаются как некие непреложные истины. Все спорные темы должны пробуждать у читателя желание задуматься – не принимать прочитанное на веру, а поискать свой логический вывод. Насколько удачен мой замысел – судить читателям. Я должен признаться, что я не писатель и не готовился им стать. Я всего-навсего обыкновенный человек, доживший до старости и накопивший за долгие годы нечто такое, чем захотелось поделиться со своими потомками. Не надо меня судить за мою малограмотность, за примитивность языка, за художественное несовершенство. Не в этом суть. Суть в том, что меня всю жизнь возмущал фанатизм человека во всех его проявлениях, и я «восстал» против него. Замысел этой книги, наверное, и родился по этой причине. Дорогой мой читатель, не будь, пожалуйста фанатиком – иждивенцем чужого разума. Учись думать сам.

Я писал не в стиле классического повествования, а в стиле торопливого рассказа, Чтобы не утомлять Тебя, дорогой мой читатель, Чтобы мысли твои всегда были свежими, Чтобы прочитанное успеваешь обдумывать, чтоб прочитанное хорошо запомнилось.

Дай Бог, чтоб ты не в пустую убил своё драгоценное время над моим «Васькой»!

P.S. Дорогой мой читатель, я писал «Ваську» с ехидной улыбкой и горькими слезами. Смейся и плач – не стесняйся. Ведь жизнь наша, это – смех и слёзы. Когда жизнь человеческая наполнена поровну радостью и горем, душа человеческая, умытая слезами, чиста. Дорогой мой читатель, если у тебя не хватает терпения, интереса или любопытства прочесть мою писанину до конца, не обвиняй меня в том пожалуйста: в этом твоя беда. Мою писанину надо читать с первой до последней строки придирчиво, внимательно и вдумчиво. Непреложных истин преподносить тебе я не планировал: в преподнесении их смысла мало. Они, преподнесённые Тебе в готовом виде, превращают Тебя в иждивенца. А я этого не хочу. Думай сам. Такова о Тебе моя забота.

С уважением автор книги— Панюхин Иван Федорович.

1 Снежный человек

Кокошино – это деревня в которой я родился. Деревня наша прямая, без дополнительных улиц и прогонов. Растянулась по пригорку на правом берегу речки, в которой мы летом целыми днями купались, а зимой по её берегам катались на лыжах да санках. Подворье наше третье с края, это если идти от Лубянки, а от Костышевки, так третье с конца. А речка бежит за нашим огородом. Жил я в своей деревне и не знал ни горьких обид, ни серьёзных забот. Знал только хорошо маму да бабушку, которая жила в другой деревне – в Мякошино. Мякошино недалеко от Кокошино – в двух километрах, влево на выходе к Костышевке.

К бабушке я часто бегал – когда на меня сердилась мама. А когда на меня сердилась бабушка, я убежал к маме. И, конечно, у меня были друзья. Этим было полно. Как жить да скучать, я не знал. С друзьями мы исходили, облазили все поля, леса, овраги и скотные дворы. Часто крутились около механизаторов. Вот и случилось со мной такое, что в век не забуду.

Прислали к нам в колхоз самолёт, поля обрабатывать какой-то отравой. Ну, а мы с друзьями – тут как тут: «Прокати, дядя Серёжа! Прокати пожалуйста». Вот он меня и прокатил... Дядя Серёжа, он добрый. Давайте, говорит, я вас по-очереди – сегодня одного, завтра другого. Мы жребий метнули. Моя очередь была седьмая.

В тот день я был у бабушки. Она пироги стряпала. Накормила меня и говорит: «У тебя, Вася, у куртки все пуговицы оторваны. Дай-ка пришью». – Поглядел я на часы – бежать мне пора, а то дядя Серёжа без меня улетит. Схватил шпульку с иголкой да в карман сунул. Сам, говорю, пришью. А пироги-то мне понравились. Дай, думаю, прихвачу пирог для дяди Серёжи. Прибегаю на поле, а дядя Серёжа меня ждёт. Опаздываешь, говорит. Вскарабкался я в самолёт и мы полетели. Я всё в окошко смотрел. А сердце-то во как замирает, когда от земли отрывается. Я, конечно, об этом дяде Серёже ничего не сказал. Он смотрит на меня, посмеивается. А земля от нас всё дальше, дальше. А лес поля, овраги – как в кино. И вроде как на картинке, и живые. Красиво! Интересно!

А бабушка не зря вспомнила про пуговицы: небо-то всё в тучах. А тучи тяжёлые, плотные. Дядя Серёжа загляделся на меня, что-то, видно, хотел мне рассказать, да не успел: как врежется наш самолёт в тяжёлую снеговую тучу! Темно стало. Никакого движенья. И пропеллер остановился. А как он будет в снегу-то крутиться? Дядя Серёжа почесал затылок. «Да, – говорит, – врезались. Бери-ка, – говорит, – лопату. Выгребаться будем». – Дверку насилу открыл. Вылезли мы на тучу, огляделись – туча большущая, толстущая, длиннущая. Один хвост самолёта из неё торчит. Ничего себе, вот уж покопаешься! Тут снегу-то больше, чем на земле. Я первым делом пошёл пропеллер откапывать. Потом, думаю, крылья освободим. Копаю, а сам думаю: «А вдруг насквозь тучу проткну лопаткой... и улечу на землю без парашюта? Жутко!..» А потом думаю: «Да куда там... Туча-то толстенная». Ну и копаю себе, не оглядываюсь. А дядя Серёжа спустил трос на землю, там трактор зацепил трос и вытянул самолёт из тучи.

Когда самолёт стал отделяться от тучи, я испугался и отбежал на середину тучи. И вот не знаю, как так получилось, улетел дядя Серёжа, а меня оставил. Потом он долго летал между тучами. Меня наверное искал. То ли не запомнил, на какой туче я остался, то ли не смог сесть на тучу, чтобы меня забрать – улетел. И остался я на туче один. Ни друзей, ни дома, ни бабушки, ни мамы. Направо – тучи, налево – тучи, над головой – тучи, внизу – земля. Только земля далеко-далеко. И страшно мне стало! Сел я на снег и заплакал. Кругом тишина, аж в ушах звенит – ни собаки не лают, ни петух не кукарекает, ни даже воробей не чирикает. И чем тут займёшься? Ни дерева, ни травинки – один снег. Что у меня есть? Одна лопата и больше ничего. У Робинзона хоть ружьё было. Да здесь и стрелять-то не в кого. Чаю вскипятить – ни котелка, ни дров, ни спичек. Вспомнил я про пирог. Он у меня за пазухой был. Искрошился весь, пока я в снегу копался. А надолго ли мне его? А на что ещё мне надеяться? А куда мою тучу ветром утянет? А вдруг – на юг... Растает туча и выпадет я с дождём. Это без парашюта-то?.. Ладно, если в какую речку, в озеро или болото плюхнусь, может и жив останусь. А если на кочку, на дерево, на сухой сук наткнусь и кишки вон. Покоробило меня, холодно со страху стало. Зарылся я в снег, там ветра нет – теплее. Лежу и думаю: а вдруг меня за границу унесёт? Оттуда меня домой никак не пустят. Скажут: «шпион»! Иди вот, докажи, что я Васька из Кокошино, и ни какой не шпион. А я и языков-то других не знаю. Только и знаю по-немецки: «гутен морген». А вдруг меня утащит в Японию, а не в Германию, или ещё куда? Что тогда? А впрочем, неизвестно, останусь ли я жив, чтобы пережить об этом. Вот бабушку жалко, и маму тоже. Искать они меня будут. А где? На земле меня нет, сюда им не забраться. А дядя Серёжа?.. У него наверное бензин кончился. А тучи на месте не стоят – ему уже меня не догнать. Эх!.. Вон и солнышко за горизонт прячется. Всё!.. И опять я заплакал. Долго плакал, а утешить не кому. Так и уснул.

Утром проснулся – озяб. Давай зарядку делать. Маленько согрелся, доел пирог, думаю: «Как же мне спуститься на землю? Без парашюта – и думать нечего. А где его взять? Никто

мне его не приготовил». Поглядел на тучу – не убывает ли? Нет. Всё такая же большущая и толстенная. Глянул вниз, на землю – высоко, жутко. Холодок по телу пробежал. Я потуже стянул на себе куртку: она была без пуговиц. Вспомнил про нитки с иглой и подумал: «А куртка-то у меня болоньевая, плотная. Если постараться из неё парашют сшить можно, раз уж нитка с иглой в кармане имеются. Только куртку надо распороть и сшить зонтиком. Эх, ножницы бы...» В кармане оказался складешок. Ура! Распору им. А что не круглый выйдет, так мне не на базар его. Лишь бы спуститься. И стал я потрошить куртку. Верх снял, подклад оставил: всё-таки холодновато без куртки-то. Целый день кроил да шил – не успел. Темно стало. Пирог ещё утром доел – есть хочется. Не терпится: на землю охота. Плохо я спал вторую ночь. На землю погляжу – ничего не видать. Над головой появились звёзды: тучи поредели. Многие рассыпались и осели на землю в виде снегопада. Ну, думаю, как моя туча рассыплется – пропал я. Надо торопиться с парашютом. Утром, чуть рассвело – я за шитьё. К обеду сшил!

«А где верёвки взять? Стропы ведь нужны». Сел я и давай перебирать свою одежду – из чего можно верёвки свить? Штаны изрезать, рубашку, майку. Хватит ли? Да ведь пока режешь, да верёвки вьёшь да привязываешь – застынешь. А что делать? Изрезал штаны – свил. Изрезал рубашку – свил. Изрезал майку – свил. Стал верёвки связывать, увлёкся, на землю не гляжу. Солнышко пригрело – вроде не зябну. Вдруг толчок! И тучу мою надвое стало разрезать каким-то острым чёрным выступом. Я испугался, глянул на землю – горы! Побежал навстречу выступу, уцепился за него – пролетай, думаю, моя туча, я как-нибудь без парашюта спущусь. Но туча остановилась, повисела немного, разломилась и осела – прикрыла выступ и склоны горы, а я остался висеть над снежной лавиной. Прыгать – высоко, слезать – круто. Что делать? Кручу головой – направо гляжу, налево, вниз. Задел шапкой за острый камень, не успел поправить: руки-то заняты, и полетела моя шапка вниз, как подбитая ворона. Поглядел я ей вслед... И остался с голой головой. Ну, думаю, надо спешить, пока не озяб. Была не была, стал спускаться. Всем телом к скале прижимался, цеплялся и спускался. Подклад от куртки, служивший мне последней одеждой, быстро превратился в лохмотья. Эти лохмотья не только уже не грели, они мне мешали. Пришлось их сбросить. Силы мои кончались: Я ведь был голоден, мне было холодно, а до основания горы, ой, как ещё далеко! Я стал выбирать более удобный спуск, мечась по склону из стороны в сторону. И совсем вроде рядом, а спуститься не могу. И сил больше нет. Кое-как спустился до места на которое осела туча. На снегу от этой тучи ни кого кроме меня не было. Но вдруг я заметил кроме своих следов ещё чей-то человеческий след. Это меня обрадовало. Я пошёл по этому следу, а он начал петлять – туда, сюда. Что за чертовщина? Мне спускаться надо, а этот след меня с толку сбивает. Присесть бы, отдохнуть, да голому на снегу сидеть не с руки. Нагнулся я, упёрся руками в коленки: кончилась сила. Голову совсем опустил, чуть не до самого снега. Вдруг!.. Кто-то быстро накрыл меня холодным мешком. Чьи-то сильные руки меня в этот мешок втиснули, опрокинули и куда-то потащили. Сопrotивляться у меня уже не было никаких сил. Да и не знал я, надо ли сопротивляться? Вначале я дрожал от холода, а может быть и от страха. Но вот меня притащили куда-то в тепло и осторожно положили, не развязывая мешок. Я потихоньку согрелся и уснул. Сколько спал – не знаю. Наверное очень долго, потому что когда засыпал было тихо, а когда проснулся, услышал множество человеческих голосов. И я уже был не в мешке, а лежал на соломе. От человеческих голосов я был отгорожен какой-то решёткой. Когда люди увидели, что я проснулся, ещё больше загомонили. Я видимо всё-таки простыл: в голове стоял страшный шум, она была тяжёлой. Силы ко мне почти не вернулись. Сквозь шум в ушах я не мог уловить, о чём говорят люди. Один только вопрос радостно дошёл до моего слуха: «А чем его кормить?»

Немного погодя я увидел как мне просунули сквозь решётку кусок сырого мяса. Сырое мясо я никогда не ел. Но есть хотелось страшно. И я подумал: путешественники в бедственных условиях едят сырое мясо. Наверное поэтому мне его и подали. А может быть здесь принято есть сырое мясо? Ведь я не знал, куда я попал. Взял я мясо и стал кусать. Люди оживились. Я

не слушал о чём они говорят, только попросил соли. Соли мне насыпали прямо на пол, рядом с соломой. Сырое мясо своё дело сделало – ко мне стали возвращаться силы. Я решил встать, чтобы узнать где нахожусь. Огляделся и понял – в клетке. А рядом много таких же клеток с хищниками – медведями, тиграми, львами, волками... Выходит я в зоопарке! Почему?! Разве я зверь? Тем более, хищный? Я бросился к решётке, чтобы заявить свой протест: «Я – Васька! Из Кокошино! Выпустите меня!» Я сотрясал решётку громко доказывая: «Человек я! Человек! Я Васька из Кокошино!» Но люди меня не слушали, а что-то решали своё. Мало силы вернулось ко мне, не смог я доказать, что я не зверь, лёг снова на солому, отвернулся и долго плакал. Когда слёзы унялись я стал думать: «Куда я попал? Может быть меня унесло за границу, где по-русски не понимают? Как же можно спутать человека со зверем? Может быть это такая нехорошая шутка? А может это просто сон? Долго я лежал и думал, пока снова не заснул. Всё-таки я был, видимо, нездоров, потому что проснулся только на другой день. Моя клетка оказалась уже на другом месте – рядом с обезьянами. Перед клеткой было очень много людей и все смотрели на меня. И один человек громко объяснял: «Вот перед вами снежный человек. Зовут его – Васька из Кокошино. Недавно пойман в горах охотником и любезно доставлен сюда, для всеобщего обозрения. Редчайшее из редчайших явлений! Единственный в мире экспонат!»

Мой измученный недоумённый вид мог только подтверждать сказанное. Все охотно верили говорившему и со вниманием меня разглядывали. Мне это не нравилось. Очень не нравилось! Во мне закипало негодование. Я был готов броситься тигром на рассказчика. Люди, заметив во мне проявление дикого характера, стали отходить подальше от клетки.

«Прекратите издевательство! – закричал я на весь зоопарк. – Человек я! Человек!» – «Правильно. Я и говорю: снежный человек», – как бы оправдываясь ответил мне говоривший.

Тут подошёл мальчик, дёрнул говорившего за рукав и спросил: «Дяденька, а снежные человеки все по-русски говорят?»

«Дяденька» пожал плечами. Среди людей поднялся шум. «Дяденьку» схватили и начали трясти: стали требовать, чтобы меня выпустили из клетки. Подошёл к клетке старичок и спросил меня: «Ты кто?» А я говорю: «Я – Васька из Кокошино». – «Ну вот, – старичок говорит, – всё ясно».

Старичку-то всё ясно, а вот мне ни чего не ясно. Меня, конечно, тут же выпустили. А как я без штанов да без рубашки, без куртки да без денег к бабушке буду добираться?!

Люди стали расходиться, а старичок, который меня спрашивал, подошёл ко мне, потрепал за волосы и опять спросил: «Васька, а как ты в горы-то попал из Кокошино?» А я говорю: «Я есть хочу». Старичок спохватился, взял меня за руку и повёл за собой. А мне интересно поглядеть на зверей да на птиц: я ведь в зоопарке не бывал ещё никогда. Старичок меня за руку тянет, а я на клетки глаза таращу, отстаю от него. «Ты, – говорит, – что не торопишься?» – А я говорю: «Силы нет». Подвёл меня старичок к киоску. Тут, на территории зоопарка киоск работает, зрителям всякую чертовщину продают, чтобы они зверей подкармливали – семена всякие для птиц, крупу, червей для рыб..., ну и всякую всячину. Тут и крендели оказались. Купил старичок кренделей и сунул мне в руки. А я говорю: «Айда, на слона поглядим». Он согласился. Потом мы на верблюдов, на жирафа поглядели, на белого медведя, на тюленей, на моржа. Старичок глянул на меня: «Васька, а ведь на тебя самого интересно смотреть. Ты в одних трусах и в зимних ботинках».

А и вправду... Это у нас в октябре зимой попахивает, а тут – лето летнее. Мне и в одних трусах жарко. Оно бы ладно, что в одних трусах, а вот зимние ботинки на мне, пожалуй, не менее интересны, чем клыки у моржа. «Ладно, – говорю, – пойдём из зоопарка». Старичок повёл меня к себе домой.

Я не знаю, разглядывали меня прохожие на улице или нет – мне было не до них. Я сам заглядывался на большие дома и на их разнообразие. Я же в городе не бывал и ничего такого не видал. Пришли мы к одному большому дому, вошли в подъезд и к какой-то дверце

подошли. Старичок кнопку нажал, дверца отодвинулась и мы юркнули в маленькую кабинку. Дверца за нами закрылась сама. Старичок снова нажал какую-то кнопку и нас потянуло вверх. Потом кабинка остановилась, дверца сама собой открылась и мы вышли на площадку этажа. На стенке крупными буквами написано: «9-й этаж». Вошли в квартиру. Я растерялся. Я растерялся: совсем всё не так как у нас или у бабушки. Старичок завёл меня в маленькую комнатку, набрал в ванну воды, говорит: «Залезай». Ну, я – с удовольствием. Долго я булькался, купался. Старичок ко мне не заходил. Я уж подумал, что он про меня забыл. Всё же дождался. Подал он мне полотенце и бельё – другие трусы, майку, рубашку, штаны, носки и комнатные тапки. Бельё всё новенькое. Видно, пока я купался, сходил в магазин и купил. А вот тапки подал видно свои – большие и не новые. Потом мы сели за стол, ели суп, ещё что-то – я даже объяснить не могу. Вкусно очень. Вроде рыбой пахло. А потом он поставил на стол яблоки, груши, виноград, персики. У меня аж глаза разбежались. Я сначала съел грушу, потом взял персик. Съел его, а косточку сунул в рот и хотел раскусить. Старичок посмотрел на меня, покачал головой: «Вот теперь я верю, что ты Васька из Кокошино. Эту косточку молотком не сразу разобьёшь, а ты раскусить хочешь». А я действительно чуть зубы не сломал, но так и не раскусил. Положил косточку в карман. Виноград я есть не торопился: я его едал. А вот персики – это я с удовольствием. Старичок ко мне подсел и стал расспрашивать, как я из Кокошино на Кавказ попал? Ну я... всё по порядку... Старичок слушал, всё ужимал губы и качал головой. Вроде бы со мной соглашался, но похоже, верил не совсем.

«Ну, и где оно, это твоё Кокошино?» – спросил он меня. «Как, – говорю, – где? У нас. Там. Рядом с Мякошиным». Старичок рассмеялся. «А где это там? В какой области или республике?» А я и не знаю. «В советской, – говорю, – республике». – «А какой, – спрашивает, – полный-то адрес?» А я говорю: «Писем я ни кому ни разу не писал, адреса не знаю». – «Ну, а какие около вашего Кокошино есть города?» – «А я в города не ездил и пешком не ходил». – «Ну, а в гости к вам из города кто-нибудь приезжает?» Я пожал плечами и покачал головой. «А может быть родные в городе живут?» – продолжал допытываться старичок. Я отрицательно замотал головой. Старичок встал и прошёлся по комнате. «Что ты, – говорит, – Васька русский и живёшь в советской республике, в деревне Кокошино, это уже половина твоего адреса. А как же нам восстановить другую половину?» Походил, походил по комнате и говорит: «Ладно, собирайся». И сдал меня в милицию. Дуралей я! Надо было съесть все груши и персики. Я и не подумал, что он так быстро отведёт меня в милицию. Потом, всю дорогу до родного дома, я всё жалел об этом и думал: почему он меня сдал в милицию? Видно не поверил в моё путешествие. Наверное посчитал меня проходимцем.

В милиции со мной мало разговаривали: наверное старичок обо мне всё рассказал. Только милиционер ещё раз спросил, где моя деревня Кокошино? Какие ещё рядом деревни есть? Потом полистал какую-то толстую книгу, заполнил какие-то бумаги и спросил: «Ну, на чём домой поедем?» – «Как, – говорю, – на чём? На попутной». Я думал милиционер не умеет улыбаться, а он улыбнулся. «На попутке, – говорит, – это очень долго». – «А поезда и пароходы, – говорю, – к нам не ходят». – «Можно, – говорит, – на самолёте». – «Нет, – говорю, – на самолёте я уже накатался». – «Так ведь не на колхозном, а на пассажирском, на большом. Он выше туч летает». – «Ого, – говорю, – выше туч... А ну как если он крылом о небо цапнет? Отломится крыло, а на одном-то крыле далеко не улетишь». – «Весёлый, – говорит, – ты мужик, Васька». Потрепал меня за волосы и повёл на вокзал. Ну, дальше не интересно. Ехали на поезде, потом на автобусе и на попутной. В общем, домой меня доставили в целости и сохранности. Мама расписалась в какой-то бумажке, милиционер уехал и вот я дома. А мама оттрепала меня за уши, отколотила своими мягкими кулаками, не больно ни сколько, обняла меня, прижала к своей тёплой груди и заплакала.

«Ну, – говорю, – кабы эти твои слёзы я видел там на туче, мне бы куда было теплей». А она ещё пуще заплакала. Плачет, смеётся, за волосы меня треплет и приговаривает: «Глупый

ты мой». Тут я совсем ничего не понял: и плачет, и смеётся. «К бабушке, – говорю, – пойду. Я о бабушке соскучился». Вырвался из маминых объятий и побежал к бабушке. А бабушка, как меня увидела, так и присела на стул... и повалилась. Наверное в обморок хотела упасть да я подбежал, схватил её, говорю: «Бабушка, ты что? Это же я, Васька! Вот я, приехал». А она как-то тяжело встала, обняла меня, потом отпустила, схватила за уши и давай трепать. Потом снова обняла. Мне показалось, что она хотела меня поднять, взять на руки, заплакала, завсхлипывала, запричитала: «Миленький ты мой! Васенька! Жив! Жив! Жив!»

А тут и мама к бабушке пришла. Она на работу не пошла по случаю моего возвращения. Обняли меня обе враз, целуют, плачут. «Ну что вы, – говорю, – обливаете меня слезами? Надо радоваться, а вы плачете».

Кто знает сколько бы ещё они меня мусолили, если бы не ввалились в бабушкину избу мои дружки. Загладели, вцепились в меня, как в мешок с подарками: «Васька! Васька!» – Я думал куртку на мне порвут. Я забыл сказать: куртка на мне была новенькая, лучше той, которую я изрезал на парашют. Правда немного великовата. «На вырост», – сказал милиционер, когда на меня её одевал. А вот шапку он мне дал – так себе, можно сказать, дрянь. Дружки даже засмеялись над ней: «Ну и малахай!» В общем, потащили дружки меня на улицу и стали расспрашивать: Что случилось? Как было? Что видел? Вопросов была тьма. Я им всё рассказывал. Не по порядку только получилось.

Наша очередь по жребию кататься на самолёте была длинной. Мякошинские дружки не все в ней участвовали, но и те, которые не успели покататься на самолёте от своей очереди отказались. «Да-а-а, – говорили они, – оно, конечно, не плохо бы на туче покататься, но страшно».

И тут я вспомнил про дядю Серёжу. «А пойдёте, – говорю, – к нему!» А ребята присмирили, молчат. «Вы чего?» – спрашиваю. Опять молчат. Тут я пристал к Мишке Олашкину: «А ну, рассказывай, где дядя Серёжа? Что с ним?» А Мишка глаза опустил, потоптался, губы свои помусолил и стал неохотно рассказывать. Слово, другое скажет, потопчется и дальше: «Ну, понимаешь? Когда он тебя потерял, без тебя прилетел, пришёл в правление, рассказал, в милицию позвонил... Председатель его здорово ругал, кричал на него. Тебя, говорит, в тюрьму мало посадить! Что ты наделал?! А дядя Серёжа сам не свой. Хмурый, как туча. Ну, мне, говорит, всё равно, что в тюрьму, что на тот свет. Сел в самолёт и улетел. Куда улетел, ни кто не знает».

Глянул я на ребят – все стоят понурые. И страшный страх охватил меня и стыд: вот чем кончилась моя история. Накатался Васька на самолёте. Жалко. Ох как жалко дядю Серёжу!

Вернулся я к бабушке, позвал маму домой. Плохое было у меня настроение. Всю дорогу шёл, молчал. А мама весёлая. Идёт, со всеми здороваются. Как будто сто лет не виделась. Пришли домой, мама спрашивает: «Ты что не весёлый?» – «Дядю Серёжу, – говорю, – жалко». Мама тоже нахмурилась. «Да, – говорит, – из-за тебя всё это». А я и сам знаю, что из-за меня. Гулять я больше не пошёл. Мама тряпки какие-то стала перебирать. То с рубашкой, то со штанами ко мне подойдёт: «Ну-ка померяй. Большой ты у меня становишься». А мне на всё наплевать, дядя Серёжа из головы не выходит. Вот уже и стемнело. Мама ужин стала готовить. На улице стукнула калитка и кто-то тяжело протопал по двору. Мы уставились на дверь. Вошёл дядя Серёжа и уставился на меня, вроде как глазам своим не веря. Мы растерялись. Верить или не верить? Да может ли такое случиться? Потом я как брошусь к нему! Прямо в его сильные руки попал. Подкинул он меня к потолку, поймал и крепко-крепко к себе прижал. Ох, думаю, и сильный ты, дядя Серёжа! Обвил я руками его шею, щеками трусь о его лицо. А он не бритый, колется. А мне так охота было расцеловать его!

Мама глядела-глядела на нас, а потом вдруг заплакала, встала перед дядей Серёжей на колени и вроде как ищет что бы такое у дяди Серёжи поцеловать – то ли сапоги, то ли коленки. По щекам слёзы ручьём, что-то хочет сказать, а не получается. Отпустил меня дядя Серёжа, приподнял за плечи маму: «Ну хватит, хватит, – говорит. – Слава богу, всё хорошо закончилось. Ставь-ка, хозяйка, самовар. Я гостинцев привёз. Мама вдруг заулыбалась, заутиралась,

заметалась по избе, как напуганная, не зная в который угол сунуться, приговаривая: «Я сейчас, я сейчас, я сейчас...» Дядя Серёжа подхватил оставленную у порога сумку и стал доставать из неё яблоки, груши, персики, виноград. «Это тебе, Вася, друзья прислали». – «Какие, – говорю, – друзья?» – «Как какие? Твои, новые». – «А ты, – спрашиваю, – где, дядя Серёжа, был?» – «А вот сейчас чаю попью, я всё и расскажу».

Мама раскрыла русскую печь, и сразу по избе разошёлся крепкий запах тушёного мяса, каким у нас обычно в праздники пахнет. Так слюнки и потекли. День-то был такой, что и поесть толком некогда было. А тут вдруг – праздничный запах. Наставила мама на стол всякой всячины и виновато уставилась на дядю Серёжу: «Бутылочку бы надо – не ждала, не гадала». А дядя Серёжа улыбнулся: «Не печалься, хозяйюшка, не это главное».

Помыли мы руки и сели за стол. Дядя Серёжа ел с аппетитом, да и я уплетал за обе щеки. А мама почему-то ела мало, всё смотрела на нас да подставляла, что повкусней, приговаривая: «Ешьте, ешьте, милые, ешьте, дорогие».

Поели мы, поблагодарили маму и дядя Серёжа стал рассказывать. «Ну так вот... Не терял я тебя, Вася. Я боялся, что ты сам потеряешься». – «А что же, – говорю, – ты сразу не забрал меня с тучи?» – «А трактористу нельзя было ждать, когда ты в кабину самолёта залезешь. Туча-то двигается, а трактор за ней не поспевает. Я сам еле успел в кабину вскочить». – «А я думал ты тучу не запомнил». – «Запомнил, Вася». – «А что же вокруг тучи летал-летал, а меня не нашёл?» – «А вот что. Когда трос от трактора отцепили, я второпях его не прибрал, заторопился тебя догонять. Хочу подлететь к твоей туче, а трос за другие тучи цепляется, не пускает. Я уж со всех сторон пытался подлететь, потом пониже спустился трос возьми да за дерево зацепись! Самолёт чуть носом в землю не врезался. Хорошо, что сук у дерева не выдержал – обломился. А то бы не увиделись мы с тобой больше никогда». – «А потом?» – «А потом бензин кончился. Я на заправку полетел, а заправщика на месте нет. Пока его искал темнеть стало. Ну, я в правление пошёл, рассказал всё. А потом в милицию, на всякий случай, позвонил». – «Ну, а дальше что? Как ты меня искал? Откуда знал где меня искать?» – «А это просто, Вася. На самолёте есть приборы, которые определяют высоту и направление. Я запомнил, на какой высоте была твоя туча и в каком направлении она двигалась. Надо было только догнать». – «И что же ты долго меня догонял?» – «А не рисковал я, Вася, тебя по ночам догонять, чтобы снова в тучу не воткнуться. Ты же ночью и днём двигался, а я только днями. Ну вот, подлетаю я позавчера к той скале, где твоя туча остановилась. Ну, думаю, разбился ты. Сердце так и забилося. Никогда не знал где у меня сердце, а позавчера... почувствовал. Вот оно где, оказывается. Облетел скалу, нашёл пологий склон, приземлился. Подошёл к скале – шапка твоя валяется. Ну тут я и стал тебя искать. Вижу из снега что-то чёрное торчит, тряпка какая-то. Ещё пуще сердце забилося. Потянул – не пойму, что за тряпка? Вроде от твоей куртки, а по выкройке, что-то не то. Пригляделся – из лоскутьев сшито. Что же, думаю, это такое? Покопался в снегу – верёвки из тряпок свитые. Тут я догадался, что ты парашют сочинял, да видно не успел. Где же ты сам? Жив ли? Пошёл вправо, вижу – следы. Твои следы, маленькие. Пошёл по этим следам. А там другой след рядом появился. Ну, думаю, кто-то тебя подобрал значит. Надо тебя искать в городе, что поблизости. А где в городе искать? Конечно в милиции. Милиция всё знает. Ну я сразу туда... Не подбирали, спрашиваю, в горах мальчика? Нет, говорят, не подбирали. А может кто-нибудь к вам мальчика приводил? А какой он, спрашивают? Как зовут? Васей, говорю. Посмотрел на меня милиционер, подумал, снова спрашивает: а это, случаем, не Васька из Кокошино? Точно, говорю, он! Так его вчера домой отправили. Сопровождающий ещё не вернулся. А кто, спрашиваю, его к вам привёл? Да старичок какой-то. А могу ли я его увидеть? Мы же всё записываем – кто кого приводит, кто кого уводит. И дал мне адрес старичка. Зовут его – Тимофей Прокопыч. Симпатичный такой, добрый старичок. Это он тебе гостинцы прислал. Ты его не забудь отблагодарить. Хоть письмо ему напиши. Вот его адрес. Он мне рассказал, как тебя в зоопарке нашёл. А вот как ты в зоопарк попал, ты мне сам расскажешь».

Рассказал я, как в зоопарк попал. Дядя Серёжа долго смеялся, приговаривая: «Ну надо же...»

«А что такое снежный человек? – спрашиваю. – Почему меня за него приняли?» Дядя Серёжа пожал плечами и, немного подумав, сказал: «Снежный человек, Вася, это человеческая фантазия, рождённая страхом. Под воздействием страха какие только образы не возникают в воображении человека, не владеющего элементарной логикой. Сатана, леший, кикимора, баба-яга, чёрт, дьявол, змей, дракон... А кто-то придумал снежного человека. Ищут его, ищут. Многим так хочется его найти. А откуда ему взяться? С неба, что ли? Ну, вот ты с небес и сошёл..., и попал в зоопарк. Человек всю жизнь чего-нибудь боится. А то, чего он боится, всегда представляется в виде какого-то чуда, точнее даже чудища, похожего на человека. Страх, связанный с холодным снегом, породил в человеческом воображении образ человека, живущего в снегу или в заснеженных горах. Ну вот леший – это лесной житель, лесное чудо, кикимора – чудище болотное, а снежный человек – житель заснеженных гор. Никто его никогда не видел. Какой он – снежный человек? Никто не знает. А всем на это чудо посмотреть хочется. Вот тебя кто-то за снежного человека и принял, в зоопарк и принёс». – «А на самом деле, – спрашиваю, – снежных человеков не бывает?» – «Нет, конечно. Если бы они были, люди бы их видели. Ну, не все видели бы, а кто-нибудь, случайно, всё равно увидел бы. И увидели бы многие. И знали бы точно, какой он, снежный человек».

Дядя Серёжа похлопал меня по плечу и добавил: «Такого не может быть, чтобы за много тысяч лет никто из людей, из охотников или путешественников, не встретился случайно со снежным человеком..., ни с живым, ни с мёртвым. Хоть бы кости кто-нибудь нашёл. Нет...» – «А чем он питается?» – задал я дяде Серёже глупый вопрос. «Снегом, наверное, – потрепал меня за волосы улыбаясь дядя Серёжа. – Люди со страху не успели подумать об этом, не придумали для него пищу». – «А мне, – говорю, – сырое мясо подсунули. Без соли...» И уж тут дядя Серёжа рассмеялся особенно громко. «Без соли, говоришь?!» Он взял меня под мышки, подбросил под самый потолок, поймал, поставил на ноги и пошёл к порогу, сказав на прощанье: «Ну, спокойной ночи, снежный человек».

2 Черти!

Как-то так само собой получилось, что привязался я к дяде Серёже. Он никогда от меня не отмахивался, всегда был ко мне внимательный, добрый, как друг. На все мои вопросы охотно отвечал. А когда я что-нибудь просил, всегда охотно выполнял мои просьбы. Отца у меня нет: я инкубаторский, и дядя Серёжа для меня стал вместо отца. А дядя Серёжа – приезжий. У него никого в нашей деревне нет. После, когда я стал большим, я узнал, что он детдомовец. Он жил квартирантом у бабки Агафьи, недалеко от нас, на самом краю деревни. Я иногда забегал к нему. Собственно, мне больше и не к кому бегать-то было, кроме своих дружков. Но, дружки – это дружки, а взрослый – это другое. Были у меня дядюшки да тётушки в Кокошино и в Мякошино, да разъехались по городам, не захотели жить в деревне. А он наоборот из города в деревню приехал. У бабки Агафьи и поселился. Иногда он чистил коровник, таскал навоз, поливал грядки, ходил по воду, рубил дрова – помогал бабке Агафье по хозяйству. Я иногда помогал ему. И вот однажды дядя Серёжа пошёл по воду и утопил в колодце ведро. Колодец, он на ихней же стороне, немного оторвался от деревни. Там ещё были раньше чьи-то дворы, но многие из деревни уехали, избы поубирали, и колодец остался оторванным от деревни. Неудобно дяде Серёже стало перед бабкой Агафьей. Надо ведро-то достать. А колодец у нас глубокий – палку ай-яй какую длинную надо. Сделал дядя Серёжа верёвочную лестницу и спустился в колодец, чтобы ведро нашарить. А я подошёл полюбопытствовать. Смотрю сверху, а дядю Серёжу еле видно. Он висит на лесенке, заглядывает куда-то во все стороны, а палкой

ведро не ищет. «Ты чего, – спрашиваю, – дядя Серёжа по сторонам смотришь, а ведро не достаёшь?» – «А вот вылезу, расскажу», – отвечает.

Долго дядя Серёжа по сторонам глядел, потом пошарил палкой по дну, достал ведро и вылез. «Эх, Васька! Чудеса-то какие на белом свете творятся! И как только сумели этот колодец выкопать? Мне непонятно». – «А что там такого интересного?» – спрашиваю. «Колодец-то выкопали над подземной рекой. Глубина у реки вроде не велика, но вода двигается. И пещера длинная-длинная, прямо бесконечная. Она из-под нашей деревни тянется и во-о-о-он туда уходит – в сторону полей». – «Интересно», – говорю. «Вот и мне интересно. Темно там в пещере и холодно после летнего-то дня. Пещера шириной метра четыре-пять. Ну а там дальше, кто его знает, может и шире, и выше». Достал дядя Серёжа верёвочную лестницу, наполнил ведро водой и пошёл домой. А я долго ещё в колодец заглядывал. Но сверху ничего разглядеть так и не смог. После этого случая прошло с неделю. Вижу, дядя Серёжа опять к колодцу идёт с верёвочной лестницей и с большим рюкзаком. Я пошёл узнать, что опять случилось?

«А ничего, Васька, не случилось, – говорит дядя Серёжа. – Вот ещё раз хочу побывать в колодце, в пещеру заглянуть с фонариком». – «А что это за рюкзак?» – спрашиваю. «А это лодка резиновая. Вот только как я её там надую? – дядя Серёжа постоял, подумал. – погоди, Васька, я сейчас приду».

Но дядя Серёжа ходил больше часа, а я ждал у колодца. Подходили бабы по воду, спрашивали: «Чего, Васька, ждёшь? Что за мешок приготовил?» – «На рыбалку, – говорю, – с дядей Серёжей собрались».

И вот пришёл наконец дядя Серёжа, принёс две небольшие лесенки, метра по два с половиной длиной. Спустил верёвочную лестницу, достал из рюкзака длинную верёвку, привязал обе лесенки и спустил в колодец, а конец верёвки привязал к столбу ворота. Одел на плечи рюкзак и стал спускаться в колодец, а мне велел ждать, пока он закрепит внизу деревянные лесенки, чтобы я потом отвязал эту верёвку. Я стал ждать, заглядывая в колодец. Дядя Серёжа отвязал одну лесенку, поставил её на дно, достал из кармана молоток, гвозди, и приколотил её к срубам. Потом сделал то же самое на другой стороне со второй лесенкой. Потом он устроился ногами на обеих лесенках, достал из рюкзака насос для лодки, повесил его на верёвочную лестницу, достал лодку и стал её накачивать. Ему конечно было очень неудобно. Он долго пытался, чертыхался, кричал, но всё же лодку надул. «Давай!» – крикнул он мне. Я отвязал верёвку и бросил ему. Он привязал один конец верёвки к одной из деревянных лесенок, а другой к лодке. Потом осторожно забрался в лодку и осветил фонариком дно колодца. Вот тут я и увидел, что колодец кончается со всех сторон пустотой. Только с двух противоположных сторон эту пустоту пытались отсечь деревянные лесенки. А дядя Серёжа копошится на дне вертлявой резиновой лодки, которая пряталась под землёй, выставляя только пятую свою часть.

«Не вздумай сюда спускаться, Васька, – крикнул мне дядя Серёжа. – Здесь холодно, как в погребке. Вылезу, всё расскажу». И дядя Серёжа скрылся под землёй.

Свет фонарика стал появляться на дне колодца лишь отдельными тусклыми вспышками. В колодец стало заглядывать совсем не интересно. Интересно там, где дядя Серёжа. А что там? Там тайна. Такая тайна, которую словами не передашь. Её надо увидеть своими глазами, почувствовать, пощупать, испытать. А что мне дядя Серёжа расскажет? Каплю в море. Да ещё что-нибудь приукрасит, придумает. А что, если спуститься и посидеть на деревянной лесенке, поглядеть, что там дядя Серёжа делает? Правда дядя Серёжа предупредил, что там холодно. А сам-то он в чём? Он в куртке дерматиновой. Я побежал домой, одел мамину фуфайку, в которой она зимой корову доить ходит, ботинки и кепку. Была не была! Я спустился в колодец по верёвочной лестнице, перебрался на деревянную, заглядываю, что делает дядя Серёжа? А он светит фонариком на свод и стенки пещеры, всё вроде чего-то ищет, разглядывает, шупает, пробует отколоть какие-то камушки молотком. Отколет камушек, повертит в руках, подсвечивая фонариком, потом фонарик выключит, в потёмках его повертит, снова включит фона-

рик. Который камушек в лодку положит, который бросит в воду. И снова по своду и по стенам шарит. То потянет верёвку, то распустил. И вдруг заметил меня. «Я же тебе, Васька, не велел спускаться!» – как-то испуганно и сердито закричал он на меня. «Я только погляжу... маленько», – виновато ответил я. «Какой ты не послушный!» – продолжал сердиться дядя Серёжа. «Я маленько. Не сердись, дядя Серёжа. Я только погляжу».

Наверху кто-то пришёл по воду. Опустили бадью. Я едва успел к срубам прижаться. Бадья шлёпнулась в воду и обрызнула меня. Ну, думаю, не успел бы я прижаться – шмякнула бы бадья меня по темечку и достали бы меня из колодца покойничком. Гляжу вверх, жду, сейчас второе ведро будут черпать. Дядя Серёжа, выключив фонарик, торопливо подтянулся на верёвке ко мне. «Тоже мне любопытный. Залезай скорее в лодку, пока не убили, – сердито скомандовал он. – Непослушный мальчишка!» Наверху услышали дядину Серёжину команду, окликнули: «Кто там?!» – «Да мы с Васькой!» – отозвался дядя Серёжа. «А что вы там делаете?» – «Колодец изучаем!» – «А чего его изучать-то?» – «Да у нас урок географии!» – пошутил дядя Серёжа. Я едва успел юркнуть в лодку, как второй раз шлёпнулась в воду бадья. На этот раз нас обоих забрызгало. «Видал? – недовольным тоном спросил дядя Серёжа. – А если бы тебе по голове?» – «Я тоже об этом подумал». – «Подумал? Об этом надо было думать там, наверху».

Дядя Серёжа отпустил верёвку и нас течением потянуло в темноту пещеры. Постепенно от колодца осталось еле заметное пятно и нас окутала густая, давящая темнота. Тишина, как ватой, заслонила уши. Жутковато.

«Ну как?» – спросил дядя Серёжа. «Страшно», – говорю. «Страшно, зато интересно», – сказал дядя Серёжа успокоившись и включив фонарик направил свет на свод и стены пещеры. Поверхность их была неровная, с глубокими впадинами и выступами. Выступы ребристые, тупые и острые, цельнокаменные и потрескавшиеся. Некоторые камни гладкие, некоторые незрелые и не одноцветные – серые, бурые, чёрные, красноватые, коричневые, зеленоватые. В общем – всякие.

«Эх, как красиво!» – говорю. «Как в сказке, – подтвердил дядя Серёжа и поинтересовался, – ты вёслами работать умеешь?» – «Не знаю, – говорю, – не пробовал». – «Ну, на вот фонарик, свети. И там надо побывать».

Дядя Серёжа стал грести навстречу течению. Но лодка не смогла протиснуться между лесенок, а мимо них пройти мешал низкий свод. Дядя Серёжа перестал грести и нас течением утянуло обратно.

«Выключи пока фонарик, в потёмках посидим, а то батарейка быстро сядет». Я не сразу понял, почему дяде Серёже захотелось посидеть в темноте. Он закурил. Я и забыл, что он курящий. От света его зажигалки по своду и стенам пещеры поползли страшные сказочные тени. Но это только на небольшой миг. Потом наступил давящий мрак, изредка прерываемый слабым озарением пыхающей сигареты.

«А зачем ты, дядя Серёжа, сюда спустился?» – спрашиваю. «А за тем же, зачем и ты. Вот ты зачем спустился? Я ж тебе не велел». – «А мне интересно стало». – «Вот и мне, Вась, интересно стало. Ты сказки любишь?» – «Люблю». – «И я люблю. Вот мы с тобой как будто в сказку спустились». – «Дядя Серёжа, ты же большой, а сказки для маленьких придумывают». – «А вот и не правда. Сказки, они для всех. Сказки разные бывают – развлекательные, познавательные, наставительные. Вот тебе же хочется посмотреть, или послушать о чём-то забавном, смешном, о чём-то таком, чего никогда не видел, о страшном, о добром?» – «Хочется». – «А почему мне не должно хотеться?» – «Не знаю. А какие такие познавательные, наставительные?» – «Ну, как тебе объяснить? Пока человек маленький, ему хочется обо всём узнать. Вот через сказки он и знакомится с окружающим миром, с жизнью людей, зверей. Вот это – познавательные. А когда человек подрастает или уже подрос, его надо наставлять на путь праведный. Вот сказки своими примерами и помогают человеку разобраться в жизни. Они как бы подсказывают, как надо жить. Это – наставительные». – «А кто сказки придумывает?» – «Сказки придумывают

умные люди. Глупая сказка, она долго не живёт, в ней пользы нет никому. А вот умные – эти столетиями живут. Раньше люди ни кино, ни радио, ни телевизора не знали, даже читать не умели. Соберутся старики и рассказывают друг дружке, кто какие сказки знает. А маленькие возле них сидят и слушают, да запоминают. Сказки для маленьких были уроком. На них они и жить учились. А сказки хорошо запоминаются. Их и рассказывать удобно. Эх, некоторые старики так красиво умели рассказывать! Таких стариков люди очень уважали. И авторитет у них был, пожалуй, не меньше, чем у современных знаменитых артистов».

Дядя Серёжа увлёкся и ушёл далеко в историю сказки. Он не просто любил сказку, он готов был защищать её от любых напастей. И как-то незаметно он перешёл к рассказу, как люди раньше жили в пещерах. Ну конечно не в таких, в которых по дну речка течёт, а в сухих. В пещерах и звери прятались от непогоды да от врагов своих. И так было – найдёт человек в пещере медведя, человек медведя съест, найдёт медведь человека – медведь человека съест. А как? Да очень просто – кто на кого охотится, тот чаще и побеждает.

Я с удовольствием слушал и вопросов старался не задавать, чтобы не сбить его с темы. Много чего успел мне дядя Серёжа рассказать интересного, весёлого и страшного. Ещё что-то рассказать хотел, но мне показалось, что около нас кто-то есть, за лодку хватается. Я уловил какие-то шуршащие звуки и по коже у меня пробежал холодок. Я уже не понимал, что рассказывает дядя Серёжа и стал прислушиваться. Точно кто-то есть! Как заору со страху на всю пещеру: «Ма-а-а-ма!!!» – «Ты чего кричишь?!» – спросил дядя Серёжа. «Тут кто-то есть!» – дрожа от страха пробормотал я. «Так у тебя фонарик в руках – посвети. Кто тут может быть?»

А я от страха и забыл, что у меня фонарик в руках. А руки трясутся, кнопку найти не могу и всё хнычу. Наконец всё же включил – никого. Кругом посветил – никого нет. «Ну вот, – говорит дядя Серёжа. – Эх ты, трусишка! Ну-ка, дай фонарик».

Дядя Серёжа посветил на свод, на стены – всё незнакомо, вроде как пещера попросторней стала. Он посветил на воду – рядом с лодкой лесенка деревянная плавает. Вот она о лодку и тёрлась, меня напугала. Дядя Серёжа приколотил лесенку, а не проверил, что венцы-то последние у сруба колодезного подгнившие уже. Лесенка давно оказывается оторвалась и мы вместе с ней плывём по течению. Дядя Серёжа отдал мне фонарик и схватившись за вёсла стал торопливо грести против течения. Как далеко нас унесло от колодца? Сколько мы сидели в потёмках, сказки рассказывали? У резиновой лодки вёсла маленькие, она движется медленно, да ещё течение встречное. Оно конечно, просто так кататься, ради удовольствия, чтобы сводом и стенами пещеры любоваться – можно и не спеша. А вот когда неизвестно куда тебя унесло, хочется поскорее вернуться на прежнее место. Дядя Серёжа жал, что называется, на третьей скорости, но мы двигались медленно. И вдруг... Мать честная! Дядя Серёжа аж скверно выругался. Пещера раздвоилась! Из какого рукава мы приплыли? В котором рукаве наш колодец? Дядя Серёжа взял у меня фонарик, отдал мне вёсла, чтобы я держал лодку, по мере возможности, на месте, не давал ей плыть обратно по течению. Долго светил дядя Серёжа по-очереди то в один рукав, то в другой. Как узнать, в каком рукаве колодец? Я не умел толком пользоваться вёслами, лодка крутилась. Дядя Серёжа то за правое весло мне помогает, то за левое. Сплюнул в сердцах, отдал мне фонарик, сам за вёсла взялся и мы устремились по правому рукаву. Мне не нравилось, как медленно движется лодка. Дядя Серёжа нервничал, ни о чём не говорил, только иногда шёпотом повторял бранное слово. Мне было жалко дядю Серёжу, а про себя я почему-то ничего не думал. И вдруг на повороте сзади нас что-то скрежетнуло.

«Это что, дядя Серёжа?» – спросил я. Дядя Серёжа остановился, покрутил головой, прислушался и вдруг, обругав себя, улыбнулся и покачал головой. «Лесенку за собой тянем. На кой она нам чёрт? Отвязать надо». Я подтянул за верёвку лесенку, отвязал, а верёвку сложил в лодку. Лодка сразу пошла быстрее. Но тут фонарик стал светить слабее и дядя Серёжа приказал мне экономить батарейку – мигать. Я стал на секунду фонарик включать, а потом секунд на двадцать выключать. От этого мы снова поехали медленно – дядя Серёжа стал остерегаться,

как бы не ткнуться в берег. Так мы плыли больше часа. Темнота мне стала надоедать и стал мигать фонариком всё чаще. Плывём вроде не при свете, но и не в потёмках. Дядя Серёжа сделал мне замечанье, что я не экономно фонарик использую. Я снова стал мигать реже. Темнота на меня как будто давила и мне от этого было не то, чтоб тяжело, а как-то не уютно, вроде как зябко. Я сидел и ёжился. И вдруг сильный, громкий, резкий выстрел со вспышкой ударил по глазам и ушам. Пещера на миг осветилась до боли в глазах и вся вздрогнула. Я со страха чуть из лодки не выпрыгнул. Тело в миг обдало каким-то жаром. Дядя Серёжа тоже сильно вздрогнул и обрызгал меня сразу обеими вёслами. Эхо прокатилось по рукавам пещеры. А на своде позади нас, метрах в двадцати осталось желтоватое пятно, как затухающий уголёк. Дядя Серёжа извинился и спокойно стал грести дальше.

«Что это было, дядя Серёжа?» – дрожа с перепугу спросил я. «Да ничего особенного, – ответил дядя Серёжа. – Просто над землёй сейчас гроза бушует. Молния в землю ударила. Вон куда угодила». – «А если в нас попадёт?» – забеспокоился я. «Не попадёт. С первого раза не попала, со второго не попадёт». – «Почему?» – А потому что туча, под которой мы сейчас плывём, уже разрядилась. Следующая туча скорее всего разрядится где-нибудь в другом месте, не в нас». – «Так мы же двигаемся, можем сами себя под молнию подставить». – «Бывают, Васька, совпадения, но очень редко. Лучше в них не верить, чтобы коленки не дрожали. Я вижу ты дрожишь со страху. Это ни к чему». – «А ты ведь, дядя Серёжа, тоже испугался, меня обрызгал». – «Это я от неожиданности вздрогнул. Только раз один вздрогнул, а ты успокоиться не можешь, всё дрожишь».

Не хотелось мне срамиться перед дядей Серёжей и я стал его уверять, что давно уже не дрожу, а просто так спрашиваю. Молнии и вправду больше не повторялись, и дальше мы плыли спокойно. Пещера стала часто делать повороты – то вправо, то влево. Дядя Серёжа стал сомневаться – по времени, кажется, уже пора бы доплыть до колодца. И повороты эти раньше, когда нас несло течением, мы не могли не заметить. Но кто его знает? А вдруг немного не доплыли? И мы продолжили движение вперёд. Фонарик светил всё хуже, отчего мигать приходилось всё чаще. Дядя Серёжа тяжело вздохнул и перестал грести. «Не в ту сторону, похоже заплыли. Хватит мигать, айда обратно».

Дядя Серёжа отпустил вёсла, достал сигарету и зажигалку, закурил, с шумом затягиваясь. Я почувствовал, что здорово хочу есть, но дяде Серёже о том ничего не сказал. Он ведь тоже с утра ничего не ел. «А сколько сейчас времени?» – спросил я. «А время-то, Васька, пора коров доить». – «Ого! Часов девять?» – «С гаком, пожалуй». – «То-то у меня кишки завозмущались». – «Терпи, Васька. Выберемся – наедемся». – «Да я ничего...» – «Ну и молодец. Нам сейчас развилку бы не пропустить». – «А далеко до неё, дядя Серёжа?» – «То-то и плохо. Фонарик совсем выдохся, а без него трудно». – «А у тебя же зажигалка ещё есть». – «Знаю, Васька. Да только зажигалка не спасёт, её на пять минут не хватит. Поедем пока на ощупь». Дядя Серёжа бросил окурочек в воду, тот жалобно пшикнул и наступила темнота. Дядя Серёжа стал потихоньку работать вёслами, стараясь удерживать лодку на середине потока и не тыкаться в стенки. Держать лодку постоянно вдоль течения было очень трудно – резиновая лодка очень вертлява. Да и как в потёмках определить, вдоль течения лодка вытянулась или поперёк? А кроме того речка петляла то влево, то вправо, и мы часто тыкались то в одну, то в другую стенку. Я вытянул руки вверх, чтобы нащупать склон свода пещеры при приближении к стене. Иногда успевал предупредить дядю Серёжу, что надо правее или левее. Так мы плыли, как мне показалось, больше часа. А может быть и часа два прошло. И вот дядя Серёжа приказал мигать фонариком. Я стал мигать. Удивительно, как сразу настроение сменилось. Эти секундные вспышки вроде как стали звать нас вперёд и поторапливаться. Мы поплыли быстрее, но фонарик заметно выдохся.

«Хоть бы до развилки хватило», – сказал дядя Серёжа, налегая на вёсла. Когда пещера была прямая я старался мигать реже. На поворотах же приходилось мигать чаще. При каждой

вспышке мы старались внимательно всматриваться в правый берег, ища ответвление. Никакие сказочные чудеса пещеры нас уже не занимали, хотя каждая вспышка была подобна отдельному кадру из какого-то волшебного кино. Никакого однообразия, никаких повторений. Каждый раз всё новое, разное, причудливое. Замысловатые и угрожающие каменные образования, висящие над головой, постоянно меняющие форму, цвета и оттенки. В крошечной темноте в пещере конечно страшно, но нам некогда было думать о страхе, мы торопились поскорее найти разветвление. Там, в левом русле должен быть колодец. Он нас заждался. И, то ли от нетерпения, то ли от усталости, нам казалось, мы едем слишком долго. А в голове лишь одно надоедливое слово вертится: «Ответвление..., ответвление..., ответвление...»

Дядя Серёжа взял у меня из рук фонарик, провёл тусклым его лучом по своду, выключил и отдал мне обратно. «Скоро, Васька. Мигай на правую стенку», – сказал Он и веселей налёг на вёсла.

Действительно, минут через десять мы подплыли к развилке. Повернули в левый рукав и устремились дальше, но уже против течения. Этот рукав был немного пошире, попросторней, хотя видеть его мы могли только в моменты секундных тусклых вспышек фонаря. И тем не менее на душе стало как-то уютнее. То ли уверенность, что скоро приплывём к колодцу, пахнула на нас какой-то успокоенностью... и вместе с тем усталостью, то ли ещё почему – я почувствовал, что не против бы поспать.

«А сколько сейчас времени?» – спросил я. «Ну-ка, мигни на часы». Дядя Серёжа подставил руку с часами, я мигнул. Стрелки показали полночь. «Отдохнуть бы надо, Васька, – сказал дядя Серёжа. – Наверху полночь. Явишься домой, мамку будить придётся. Да и я уже устал крепко, вёслами намахался. Было бы светло – спокойно бы грёб, а то всё время в напряжении». – «Спать хочется, дядя Серёжа». – «Вот и я об этом думаю. Якорь какой-то придумать надо». Лодку в пещере привязать не к чему. Может и есть какой подходящий выступ, да где его в темноте найдёшь? Дядя Серёжа прижал лодку к стене пещеры и стал шарить рукой на дне. Недолго шарил. Нашёл увесистый камень и хотел привязать его к верёвке, которой мы когда-то к лесенке привязывались. Путался, путался во тьме, чертыхался, выбросил камень и снова стал шарить по дну. Не понравился ему чем-то первый. Достал другой, привязал, опустил на дно, подёргал за верёвку – надёжно.

«Ну вот, вздремнём часок-другой да и дальше поплывём», – сказал он. Я зевнул раза два и стал устраиваться поудобнее. Дядя Серёжа закурил, посветив зажигалкой и осмотревшись вокруг. Табачная вонь быстро стала неприятной до невозможности. Раньше я этого не замечал, потому что лодка двигалась, когда дядя Серёжа курил. Сейчас же мы стояли на якоре, а в пещере воздух неподвижен – табачная вонь висела над нами, никуда не расходилась. «Фу, дядя Серёжа, – говорю, – надымил, дышать не чем». – «Извини, Васька. Я об этом не подумал. Дома хоть форточку открыть можно, а тут не проветришь. Над землёй хоть ветерок есть, а тут...» Дядя Серёжа бросил сигарету в воду, достал камень-якорь и стал грести вверх по течению. «Помигать?» – спрашиваю. «Не надо». – «А как ты в потёмках?» – «А вон ориентир. По чаще бы такие ориентиры встречались». – «Где? Какой?» – «А вон, над головой».

Я посмотрел вверх. Над головой светилось красноватое пятнышко, как единственная в небе звезда. «А что это такое?» – спрашиваю. «Самоцвет какой-то». – «Какой самоцвет?» – «А кто ж его знает? Минерал какой-то, который сам по себе в потёмках светится. Я в минералах не разбираюсь». – «А что такое – минерал?» – «Минерал – это камень, но не простой, а особый, редкий, ценный. Вот видишь? Сколько мы с тобой по пещере ползали, а это пока ещё первое пятнышко, первый камешек». – «Так давай его заберём». – «Нет, Васька. Во-первых, с потолка брать опасно, к тому же в потёмках, а во-вторых, кто знает...» Дядя Серёжа замолчал, недоговорил. Я думал, что он с мыслями собирается, чтобы сказать, что «во-вторых», но он продолжать разговор на эту тему не стал. Взмахнув ещё несколько раз вёслами он опустил якорь. «Давай спать. Дома на эту тему поговорим».

Ну что ж? – подумал я. Дяде Серёже видней, он старше, опытней, умней. Мы стали устраиваться поудобней, чтобы уснуть. Мы были полны надежд, что до колодца рукой подать и утром мы быстро выберемся наверх. И свет увидим, и поедем. Голод донимал пуще всего. Он часто неожиданно прерывал все мысли, страхи и заботы, и заставлял думать только о еде. Вот и сейчас. Я думал не смогу заснуть, но всё же заснул довольно быстро.

Засыпая мы не думали и знать не могли, что основные трудности у нас ещё впереди. Оттого и спали спокойно, не дёргаясь, не мешая друг другу. Первым проснулся дядя Серёжа. Меня будить не стал, но я услышал, как он зашевелился и сел, готовясь снова грести. Я тоже встал. Вернее не встал, а сел, предварительно потянувшись. Дядя Серёжа тоже хотел потянуться и размяться, да место не позволяло, ноги протянуть было некуда. Буркнув что-то под нос он, зевая, сказал: «Доброе утро, Васька! Ну что, двинем дальше? Как спалось?» – «Хорошо, – говорю, – поспал. Айда дальше». – «Давай, мигай. Ориентиров больше нет». Красноватое пятно на своде пещеры осталось позади. Я мигнул два раза подряд. Фонарик светил еле-еле, не создавая уже ни каких теней. Контуров пещеры едва вырисовывались. Дядя Серёжа развернул лодку и стал грести, как бы толкая от себя вёсла. Я стал впереди сидящим, для чего пришлось повернуться и направить свет вперёд. Дядя Серёжа осторожничал и мы двигались медленно. Немного погодя я заметил на своде два тусклых бледно-зелёных пятна. Одно было с грецкой орех, а другое, чуть правее, на склоне, почти на стене, маленькое, с горошину.

«Дядя Серёжа! – закричал я. – Смотри! Смотри!» – «Что, Васька?» – «Свет! Свет!» Дядя Серёжа тоже увидел эти пятна. «Нет, Васька, это опять самоцветы». – «А я думал это дырки». – «Скоро приедем, Васька, к большой дыре, – успокаивал меня дядя Серёжа. – А вон ещё дырка-самоцвет». Я посмотрел вперёд и увидел на левой стене такое же бледно-зелёное пятно. Оно было больше первого, не круглое, угловатое. Дядя Серёжа подъехал к нему и попробовал достать, используя пальцы. Но потом снова сел за вёсла. «Не достать, Васька. Выковыривать надо чем-то». Он оттолкнулся от стены и решил сесть поудобней, не спешил браться за вёсла. Лодка ткнулась в противоположный берег и потихоньку поплыла обратно по течению.

«Ну-ка, Васька, мигни», – попросил дядя Серёжа, взявшись за вёсла. Фонарик почти совсем не давал света и я, включив его, сделал в воздухе круг, стараясь хоть сколько-нибудь осветить стены и свод пещеры. И тут мы заметили ещё одно ответвление влево. «Тьфу! – сердито сплюнул дядя Серёжа в сторону новой пещеры и опять скверно выругался шёпотом. – Ну, Васька, как бы ещё один рукав не пришлось обследовать». – «Надоело уже, дядя Серёжа, – говорю. – И фонарик больше не светит». – «Давай-ка поспешим, Васька, по этому ходу. Мигай, да фонарик повыше держи, поближе к своду».

Дядя Серёжа торопливо заработал вёслами, а я почти бесполезно включал и выключал фонарик, высоко держа его над головой. На наше счастье то на одной, то на другой стене, а то и на своде изредка появлялись звездочки самоцветов, то красноватые, то бледно-зеленоватые, то желтоватые. Они как бы служили ориентирами для дяди Серёжи. При их появлении он более уверенно налегал на вёсла и мы двигались побыстрее. А когда самоцветы исчезали дядя Серёжа немного расслаблялся, отдыхал и мы двигались тише. Удивляюсь, откуда у него столько сил? Второй день не перестает, гребёт. Жаль мне его. Есть ведь наверное хочет, как волк. Я сижу и молчу. У меня кишки давно торгуют – пустое на порожнее меняют. Кому пожалуешься?

«Дядя Серёжа, а здесь в воде рыба водится?» – «Нет, – говорит, – Васька, – чем тут ей питаться то?» – «Жаль...» – удручённо вздыхаю я. «Потерпи, Васька. Всё равно найдём колодец. Если он над этой протокой, то скоро приедем. Я вот ладони смозолил. Давай перекурим». – «Кури, – говорю, – дядя Серёжа. Только у тебя сигареты больно вонючие». – «На-ка погреби маленько, поучись. Нюхать не захочешь, научишься грести и уедешь от вони. Только в берег не тычься».

Я взялся за вёсла и стал ими махать, погружая в воду, подражая движениям дяди Серёжи. Который раз удачно вёсла погружу, который – дядю Серёжу обрызгаю. Но он не сердился, не ворчал. А когда у меня получалось, похваливал и подсказывал: «на правое весло нажми...», «на левое подналяг...», а сам сигарету старался раскуривать пуще, в безнадёжной попытке свету прибавить. Я, конечно, помаленьку двигал лодку вперёд, но от табачной вони уехать не успевал. «Ладно, – думаю, – пусть дядя Серёжа маленько отдохнёт. Чёрт с ней, с этой вонью!» Минуты через две у меня как-то сами собой вёсла стали окунаются ровней, я перестал брызгать водой. А дядя Серёжа сидел и курил не спеша. О чём он думал я не знаю. Я радовался своему успеху – научился грести вёслами! Вдруг где-то перед нами тяжело булькнули в воду камни, потом ещё. Слышны были приглушенные звуки ударяющихся друг о друга камней в воде. По звукам этим не трудно было догадаться, что камни упали большие, тяжёлые. Дядя Серёжа бросил сигарету и отобрал у меня вёсла.

«Дядя Серёжа, что это?» – спросил я. Не успел дядя Серёжа мне ответить, как там же тяжело и жутко ухнуло, и нас обдало ветерком. Через несколько секунд вода под нами запрыгала. Значит это было совсем рядом. «Обвал», – сказал дядя Серёжа и потихоньку стал грести обратно, хотя чувствовалось, что делать это ему очень не хотелось. Похоже он был уверен, что колодец где-то здесь рядом. И вдруг этот проклятый обвал. Вот если бы дяде Серёже не приспичило покурить мы бы, наверное, успели проскочить этот обвал. Но могло случиться и худшее – мы бы под него угодили. Мне стало жутко, дрянные мысли в голову полезли. А вдруг на нас свалится какой-нибудь камень. А вдруг ниже по течению случится обвал, запрудит реку, вода заполнит пещеру и мы утонем.

«А что, дядя Серёжа, может земля провалилась в пещеру и там образовалась дыра, и через неё можно вылезти?» – «Нет, Васька, – решительно сказал дядя Серёжа. – Всё разом вряд ли обвалится, что-то может и задержаться и обвалиться позже. Тем более, обвал случился в воду. Вода будет свалившуюся землю размывать, освобождая место под новую порцию».

Дядя Серёжа не грёб, доверившись течению. О чём он думал, я не знаю. Я не решался допытывать его вопросами. Плыли молча. Фонарик больше не светил и я бросил его на дно лодки. Выходит, подумал я, надо обследовать ещё одну пещеру. А вдруг колодец останется в этом рукаве, там, выше обвала? И в следующей пещере мы ничего не найдём. Зачем же нам тащиться в другую пещеру? А как обойти обвал? Ах, эта проклятая темнота!.. Вот мы сейчас плывём или на месте стоим? Я хотел раскинуть руки в надежде наткнуться на одну из стенок, резко вскинул вверх голову и тут же ею сильно обо что-то ударился, так, что искры из глаз посыпались. Схватившись руками за голову я застонал.

«Что случилось, Васька?» – спросил дядя Серёжа. «Ничего», – ответил я. «Ушибся что ли обо что?» – «Пройдёт».

Но боль унималась медленно. Зато шишка на голове росла быстро. Вдруг я спохватился – у меня же кепка на голове была, а теперь её нет. Я пошарил в лодке – не нашёл. Пошарил в воде по краям бортов – ничего. Ну где её в такой темени найдёшь? Тем более не сразу спохватился.

«Ты чего ищешь, Вась?» – спросил дядя Серёжа. «Кепку. Уплыла наверное». Дядя Серёжа скрутил свой носовой платок жгутом, достал зажигалку и поджёг один конец. Платок тлел, но пламенем гореть не желал. Дядя Серёжа помахал прижжённым концом, пытаясь осветить воду вокруг лодки. Кепки нигде не было. То ли уплыла, то ли утонула. «Ну и чёрт с ней, – говорю, – А что это за новую сигарету ты раскурил?» – «Платок носовой. Вот, гляди». Он взмахнул тлеющим платком по кругу, огонь усилился, слегка осветив пещеру. «А пахнет, дядя Серёжа, от твоего факела, хуже чем от сигареты». – «Двигаться нам надо, Васька. Терпеть придётся». – «Куда двигаться?» – «Как куда? Ещё один рукав остался». – «А вдруг колодец в этой пещере?.. И мы до него не доехали». – «Я об этом думал, Васька, да вот немного сомневаюсь. По времени вроде не сходится. Не должны мы были от него так далеко уплыть. Хотя...»

кто его знает?.. К обвалу пока приближаться опасно. Переждать надо. А чего зря сложа руки сидеть?» – «Ну айда», – согласился я.

Дядя Серёжа передал мне тлеющий платок, предупреждая: «Я платок жгутиком свернул. Не давай ему раскручиваться, маши кругами». Он взялся за вёсла и мы поплыли, стараясь отдалиться от неприятного запаха горелой тряпки. Но запах всё время меня догонял. Я вытянул руку как можно дальше, но рука так быстрее уставала. Пришлось почаще перекидывать платок из одной руки в другую. Платок раскручивался и я старался скрутить его обратно, пока огонь не начинал подступать к самым пальцам. Тогда платок приходилось перехватывать, для чего приходилось подносить его к себе и запах снова начинал неприятно раздражать мои ноздри. Зато мы ехали хоть и со слабым, но относительно постоянным огоньком. Но платок был невелик и хватило его не на долго.

«А у тебя есть платок?» – спросил дядя Серёжа. «У меня его и не бывало никогда», – ответил я. «Эх ты, жених! Тебя, сопливого-то, и девки любить не будут», – пошутил он. «А на что они мне?» – «Как на что? Время придёт – узнаешь на что».

Немного помолчав дядя Серёжа достал нож, отрезал от своей рубашки большой лоскут и попытался поджечь его. Лоскут от огня сворачивался, но не загорался. Рубашка была не хлопчатобумажная, а из какой-то дряни. Тогда дядя Серёжа отрезал лоскут от подклада куртки. Но он тоже не загорался. Я снял с себя рубашку и подал ему. «Ты что, Васька? Озябнешь без рубахи-то», – обеспокоился он. «На мне же фуфайка ватная».

Дядя Серёжа не сразу, но решил попробовать, загорится ли она. Рубашка моя не уступила платку – загорелась. И дальше мы жгли рубашку. Рвали на лоскуты, свивали в жгуты и потихоньку использовали. Её хватило на долго. С её помощью мы проплыли довольно много по третьей пещере. Она была уже и уходила куда-то влево, хотя изредка поворачивала и направо. Свод её был намного ниже и ровней, хотя больших выступов на нём мы не заметили. Иногда свод опускался так низко, что мы почти задевали его головами. Но вот и рубашка кончилась, надо было пожертвовать ещё чем-то.

«Нет, дядя Серёжа, – говорю, – это не наша пещера. Здесь я себя чувствую как-то не так. И свод ниже, и узкая она какая-то». – «Так мы же в потёмках плыли, не видели, не знаем, она это или не она». – «Телом вот, дядя Серёжа, я чувствую, неуютно здесь. По-моему колодец где-то там, за обвалом». – «Эх, Васька! Чёрт его знает! И я так думаю, но боюсь я обвала. Та пещера, мне тоже кажется, вроде как роднее». – «Ну так айда обратно». – «А светить чем?» – «А давай верёвку жечь». – «Нет, Васька. Она сырая..., да и нужна она нам будет. А где у нас рюкзак? Ну-ка давай его попробуем».

Я пошарил по дну лодки, нащупал рюкзак и подал дяде Серёже. Он попробовал поджечь уголок – горит! Дядя Серёжа быстро распластал его на ленты и мы стали возвращаться. Немного проплыв дядя Серёжа вдруг остановился, а потом стал грести обратно.

«Что случилось?» – спросил я. «Сейчас, Васька. Ну-ка, свети пуще». Я стал махать тлеющей лентой быстрее. Вижу – дядя Серёжа смотрит на свод. «Что это за мохры висят над головой?» – спросил он. Действительно, с потолка свисали каким-то круглым пятном, шириной метра в два с половиной, мохры какие-то. Дядя Серёжа подплыл, дотянулся, сорвал одну нить, помял пальцами, понюхал. «Васька! Корни!» – «Какие корни?» – «Корни какого-то дерева». – «Ну и что?» – «Как ну и что? Поверхность близко».

Тут до меня дошло, что над нами стоит какое-то дерево и толщина земли сверху небольшая. Дядя Серёжа бросил якорь и велел мне перейти на его место, а сам занял моё. Он выбрал положение лодки, при котором по его мнению было удобно и безопасно копать дыру, через которую нам можно будет пролезть наверх, и стал шарить по дну лодки. «Ты чего, дядя Серёжа, – спрашиваю, – ищешь?» – «Молоток». Я тоже стал шарить. Нашёл и подал ему. Взяв молоток он сел и задумался. Мне, конечно, не терпелось. Я немного подождал и спросил: «Ещё

что-нибудь надо, дядя Серёжа?» – «Нет, Васька. Айда-ка отъедем, покурим. Подумать надо. Как бы обвал не сотворить».

Он разжёл новую ленту и подал мне, а сам достал якорь и взялся за вёсла. «Маши», – приказал он мне и стал грести, направляя лодку вверх по течению. Я стал размахивать лентой над головой, освещая свод. Но там больше следов корней не попадалось. Немного отплыв дядя Серёжа молча закурил и стал грести потихоньку дальше. Табачный дым, конечно, весь доставался мне. Я морщился, но терпел. Дядя Серёжа курил не торопясь, видимо строя в голове какие-то свои планы. Покурился он отпустил вёсла и нас понесло течением обратно, через табачный дым, смешанный с вонью горелой материи. Ну, тут уж я надыхался, мне кажется, с запахом. Я хотел сам взяться за вёсла и ускорить движение, но надо было светить, чтобы не проехать корни. И я терпел. Наконец дядя Серёжа взялся за вёсла и приказал светить пуще. И мы вернулись к корням. Дядя Серёжа опустил якорь и подал верёвку мне в руки, чтобы я держал лодку на нужном расстоянии от того места, где он будет ковырять свод, предупредив: «Если посыплются камни или ещё что случится – выдёргивай якорь». – «Понял», – говорю.

И он потихоньку, осторожно стал пробовать выбивать из свода камни. Сначала выбирал маленькие, потом побольше. Который камешек поддавался легко, который с трудом. Камни бросал в воду, а крошки сыпались в лодку. Он старался делать дыру круглой, но камни между собой были сцеплены так, что идеально круглой дыры не получалось. Дело шло медленно. Свод был не из одних камней, а как бы из камней связанных глиной. Иначе корни не смогли бы проникнуть в пещеру. Я пожаловался, что лента догорает. «Брось её, – сказал дядя Серёжа, – а то скоро задохнёмся». – «А как же, – спрашиваю, – ты ковырять будешь?» – «На ощупь», – ответил он.

Я бросил догоревшую ленту в воду и освободившейся рукой стал выгребать из лодки насыпавшуюся глину и мелкие камушки. «Ты что делаешь, Васька?» – спросил дядя Серёжа. «Крошки из лодки выбрасываю». – «Не надо пока, не выбрасывай». – «Почему?» – «Лишние звуки, Васька. В потёмках если не видишь, так хоть слышать надо. Сейчас каждого лишнего шороха бояться надо».

Я понял, что дядя Серёжа боится обвала и затих. Долго дядя Серёжа копался в потёмках. Что у него там получается или не получается, я не знал. Может, помочь бы ему чем-то, но, как говорится – «темно – хоть глаз выколи». Я даже спрашивать боялся, разговор – тоже лишние звуки. По тем же звукам, что исходили от дядиных Серёжиных действий, я улавливал, что он достал из кармана нож и обрезает корни, попавшие ему на пути. Я догадывался, что корни уже толстые и дядя Серёжа их резать затрудняется. «Эге, – подумал я, – неужто скоро увидим свет?» И чем дальше, тем больше мной овладевало нетерпение. Но дядя Серёжа вдруг сел и приказал мне отпустить верёвку. Лодку понесло течением вниз и мы отъехали на расстояние всей длины верёвки. «Что случилось», – спрашиваю. «Устал я, Васька, – ответил он, тяжело дыша. – В корнях запутался. До толстых добрался, которые перерезать никак не могу. Корни-то вперемешку с землёй, нож затупился». – «Да-а-а, – невесело протянул я. – Что же дальше делать?» – «Камень надо нашарить, о который попробовать нож заточить».

Дядя Серёжа поработал правым веслом и лодка прислонилась к стене. Он долго шарил в воде, но камень так и не нашёл. Тогда он стал работать левым веслом и лодка переместилась к противоположной стене. Здесь дядя Серёжа достал из воды несколько камней и стал пробовать точить о них нож. Только один камень показался ему пригодным, остальные он выбросил за борт. Мне показалось, он долго точил, Я за это время выбросил из лодки весь накопившийся мусор. Наконец мы снова вернулись к будущему лазу. Дядя Серёжа копошился стоя в лодке и часто чертыхаясь. Я сидел смирно и слушал, как комья глины вперемешку с камнями падают в лодку или плюхаются в воду. Дядя Серёжа тяжело дышал. Видно трудно ему было. Жаль мне было его, но помочь ни чем не мог. Он часто наступал на борт лодки, тянулся куда-то, а ещё чаще, затаив дыхание, прислушивался. Время шло и я терял терпение. Я хоть ничего не делал,

только за верёвку держался, но от нетерпения рука держать устала. И вот дядя Серёжа сел и снова приказал отпустить верёвку. Я уже не спрашивал, что случилось. Я знал, что дяде Серёже тяжело. Но он недовольно сплюнул в воду, опять помянув чёрта. Я, не сразу, но спросил: «Что, дядя Серёжа?..» – «Корень толстенный, понимаешь. Ножом не взять, топор нужен. Он разветвлён на множество других. Мелкие-то ответвления я отрезал, а сам корень не берётся. Вот как тюремная решётка на пути! Там, выше, за корнем этим копать невозможно, он не даёт. Не хочет он нас выпускать». – «А в сторону копать?» – «Неудобно. Низ надо расширить. Как бы обвал не сотворить. Маленькая дырка безобидна, а большая – простор для обвала». – «Ну и как быть?» – «Давай подумаем». Дядя Серёжа снова стал точить нож, а я – выбрасывать землю из лодки. Наточив нож дядя Серёжа спросил: «У нас есть ещё ленты от рюкзака?» – «Есть, – говорю. – Много ещё». – «Посвети, другую дыру начнём делать». – «А эту?» – «А эту? Эта – неудача».

Дядя Серёжа разжёл ленту, подтянулся к якорю, достал его, отгрёбся в сторону от «неудачи» и снова бросил якорь. Посмотрев на свод он наверил новое положение лодки, подал мне в руки верёвку и приступил к созданию новой дыры. Пока он вынимал из свода камни и намечал размеры нового хода я ему светил. На этот раз он как-то быстро прошёл каменный слой и добрался до глины. Он приказал мне отпустить верёвку, а сам сел.

«Надо быть предельно осторожным, всё-таки уже вторая дыра в потолке. Как бы излишне не ослабить каменное перекрытие».

Я выбросил из лодки мусор, дядя Серёжа немного отдохнул и... снова за работу. Он опять орудовал ножом, опять обрезал корни, сыпал в воду глину. На этот раз он чертыхался меньше и не спешил отдыхать. «Передохни, – говорю, дядя Серёжа. Устал ведь. Хочешь, давай отъедем, покуришь». – «Сейчас, Васька, так и сделаем». Дядя Серёжа отрезал корень подлиннее да попрямее, отодвинул лодку чуть в сторону и стал этим корнем тыкать вверх, разрыхлять землю вокруг корней. Из отверстия посыпалась в воду земля. Потом он присел, прислушался, встал и ещё раз проделал эту процедуру. Потом, положив корень в лодку, выдернул из гнезда весло и попробовал им поворошить в дыре. В воду посыпалось с шумом большое количество земли. Пошуровав веслом дядя Серёжа сел и достал якорь. «Ну, айда, покурим ещё».

Мне, конечно, дядино Серёжино курево не очень приятно, но я согласился охотно, потому что знал, как он устал. Мы спустились по течению метров на пятьдесят и дядя Серёжа бросил якорь. Течение нас отнесло ещё на длину верёвки и табачному дыму места хватало. Я молча выбросил из лодки землю. Дядя Серёжа тоже курил молча. Вдруг, во время очередной дядиной Серёжиной затяжки, мне показалось, что в стене поблизости большая дыра. «Дядя Серёжа, – говорю, – тут в стене, по-моему, дыра». – «Где?» – спросил он, и сложив ладони рефлектором попуще затянулся. Действительно, перед нами слева в стене пещеры смотрела на нас своей молчаливой темнотой сухая пещера. По размерам она была много меньше той, в которой находились мы. Но всё же по ней запросто можно было гулять вдвоём под ручку. Дно у неё было почти плоское, а высота небольшая. Если бы дяде Серёже вздумалось по ней прогуляться, пришлось бы наклоняться.

«Старица, – сказал дядя Серёжа. – Она нам не поможет». – «А что, дядя Серёжа, долго нам ещё копать-то?» – «А кто ж его знает? Копать-то, может быть, и не долго, да я всё время обвала опасаясь. Тут ведь вот в чём беда-то: Кроме веса земли дерево ещё давит на свод. А я вторую дыру ковыряю – прочность свода нарушаю». – «Да-а-а, – протянул я. – А почему ты под деревом решил дыру делать?» – «А чёрт его знает, Васька. Наверное потому, что корни дерева, как арматура, хоть какую-то гарантию дают против обвала».

Я снова вздохнул и про себя подумал: торопиться, конечно, нельзя, а живот-то у меня сморщился, как у бабки Акулины щёки. Есть хочется, аж на разговоры не потягивает. Дядя Серёжа, возможно по этой же причине мало разговаривал. Он обычно мужик весёлый, разговорчивый, а вот нынче молчит.

«Так вот, Васька, как получилось, что мужики колодец над подземной рекой выкопать сумели». – «Как?» – «Река-то раньше здесь была. Вот её русло, – он указал рукой на пещеру, которую назвал старицей. – А потом новое русло себе пробил, и оказалась как раз под колодцем. А может быть ей колодец способствовал пробить новое русло». – «Так всё-таки по этому руслу к колодцу можно выйти?» – «А кто его знает? Это всего лишь моё предположение. А если я прав, опять же, где речка нашла начало нового русла? Может рядом, а может задолго до колодца». – «Эх, жаль, не смогли мы проплыть под колодцем между лесенок, а то, может быть и увидели где начало этой старицы». – «Кабы мы с тобой знали, что так получится. Да если бы мы с тобой проехали под колодцем, нас течением бы унесло мимо колодца и беды этой мы бы не испытали». – «А ведь по этой старице, дядя Серёжа, можно обвал обойти». – «Я тоже так думаю, Васька. Только лодку надо спускать и на себе нести. Рюкзак-то мы с тобой сожгли». – «А без рюкзака её не унести?» – «Замучаешься, Васька». – «И всё-таки, дядя Серёжа, если у нас с тобой здесь ничего не выйдет, давай попробуем воспользоваться этой старицей». – «Ты прав. Айда ещё покопаем».

Мы зажгли очередную ленту, попытались заглянуть в отверстие старицы, ничего толком не разглядели и двинулись к дереву. Подплыв дядя Серёжа внимательно рассмотрел свод – не появились ли на нём трещины. Свод был цел. Дядя Серёжа опустил якорь, подвёл лодку к дыре и приказал светить и следить за сводом. Взяв весло он стал шуровать им в дыре. Оттуда посыпалась глина с всплесками исчезая в воде. Глина сыпалась почти непрерывно и вскоре длины весла стало не хватать. Дядя Серёжа вставил весло в гнездо, встал на борт лодки и сам залез на половину в дыру, чтобы обрезать обнажившиеся корни. Я махал тлеющей лентой и следил за камнями на своде между двух дыр. Мне показалось, что дядя Серёжа оторвался от лодки. Видно на корнях подтягивается, подумал я и снова стал внимательно следить за сводом. Я услышал, как дядя Серёжа перерезал какой-то корень и в этот момент между камнями от дыры до дыры появилась трещина. «Дядя Серёжа! Дядя Серёжа!» – торопливо и испуганно закричал я. Тот мешком свалился из дыры в лодку, выхватил из воды якорь, нащупал вёсла и торопливо стал отгрести вниз по течению. Я усердно махал лентой, чтоб ему было видно куда плыть. Оказавшись опять у старицы дядя Серёжа бросил якорь и, держась за верёвку, не давая ей распускаться, спросил: «Ты чего, Васька, меня напугал?» – «Я сам, дядя Серёжа испугался». – «Ну, и чего ты испугался?» – «Когда ты там какой-то корень обрезал, между камнями от дыры до дыры появилась трещина. Ты же сам мне велел за сводом следить». – «Правильно, Васька. Молодец. Появилась трещина, тут уж рядом не сиди. Рано или поздно быть обвалу. Только вот что нам теперь делать? Ждать когда обвалится, или опять путешествовать?» – «Не знаю, дядя Серёжа. Есть страшно хочется, – признался я. – А у нас ни чего не получается». – «Потерпи, Васька. Не может быть, чтобы мы не выбрались».

Мы немного посидели молча. Я помахал догоравшей лентой, бросил огарок в воду и от нечего делать спросил: «А куда подземные реки текут?» – «Не знаю, Васька, – ответил дядя Серёжа. – Бывают и подземные озёра. Наверное в них». – «А в открытые озёра или моря они не вытекают?» – «Не знаю. Не слышал. Уж не к морю ли ты собрался отправиться по этой реке?» – «Да нет, – говорю. – Это я так... Темнота надоела». – «А ты, Васька, слепых видел?» – «Видел», – говорю. «Так вот они всю свою жизнь в темноте проводят. А мы с тобой вторые сутки только».

Тут дядя Серёжа спохватился, посветил зажигалкой на свои часы. «Часы, Васька, завести забыл. Ещё немного бы и встали». – «А сколько сейчас времени?» – «Мамка обед готовит».

У меня слюнки потекли сразу. Я представил как мама открывает русскую печь и по избе плывёт аромат тушёного мяса. «Не дразни, – говорю, – дядя Серёжа. Сказал бы как-нибудь по-другому. Итак живот к спине присох». – «Извини, Васька. У меня ведь тоже дела не лучше обстоят. Давай-ка подумаем, что дальше делать. Наша затея треснула. Кто знает, когда тут рухнет? Может и никогда. Да и в нашу ли пользу, если рухнет? Наверное надо всё-таки идти

по старице, обвал обходить. Опять искать колодец. А сидеть да ждать нам нечего, никто нам не поможет». – «А лодку как нести?» – «На плечо придётся повесить». – «А тут низко, на плечо нести будет не удобно». – «Ну, а что делать? Доставай ленту, со старицей знакомиться будем. Надо поглядеть, можно ли по ней идти и далеко ли уйдёшь?»

Я достал из кармана ленту, дядя Серёжа её поджёт, подгрёб вплотную к дыре старицы, забросил в неё якорь, подтянулся и велел мне вылезать.

Я больше суток был в сидячем да лежачем положении, ноги затекли и стали какими-то непослушными. Кое-как выбрался в сухую пещеру и первым делом – потянулся, расправляя суставы и косточки. «Выбери верёвку», – приказал дядя Серёжа. Я выбрал верёвку, подтягивая лодку, и дядя Серёжа тоже выбрался ко мне. Закрепив верёвку, чтобы лодка не уплыла, дядя Серёжа взял у меня ленту и стал рассматривать стены и свод пещеры. Убедившись в их прочности он направился вглубь, а мне велел оставаться тут. Пещера была не прямая и дядин Серёжин огонёк быстро исчез за поворотом. Я потоптался немного на месте и вскоре потерял ориентиры. Ноги отвыкли от ходьбы и мне хотелось побегать. Но я боялся свалиться в воду или наткнуться на стену. Вытянув руки я попытался определить положение стен. Буду ходить от стены к стене. Расстояние было ровно четыре моих шага. И я их стал делать, каждый раз отталкиваясь о стены. Одному в кромешной темноте жутковато и потому слух мой был до предела напряжён. Я попытался расслышать далёкие шаги дяди Серёжи, но их уже было не слышно. Далёко, видно, ушёл. Я вспомнил про верёвку, которая держала лодку, и подумал, что, если за неё держаться, можно постоянно чувствовать положение пещеры и в воду не свалишься. Стал шарить верёвку и услышал как где-то что-то упало в воду. По коже пробежал холодок. Я затаил дыхание. Всплеск повторился. Запоздалые комья земли падают из дыры, которую рыл дядя Серёжа, подумал я. Нашупал верёвку и по ней приблизился к воде. Я напряг слух, но всплесков больше не повторялось. Наклонился, пощупал лодку и снова встал. Хотел отойти в глубину пещеры, но услышал какое-то сопение, которое заметно усиливалось. Потом что-то грубо скрипнуло, что-то посыпалось в воду и вдруг разом затрещало, ухнуло, и в пещере появился свет. А там, где копал дядя Серёжа, засветилось до боли в глазах яркое пятно.

«Свет! Свет! – закричал я радостно. – Дядя Серёжа! Свет! Дядя Серёжа! Дядя Серёжа! Ура! Свет!» Мне не терпелось, хотелось скорей в лодку и плыть к открывшемуся зёву. Но без дяди Серёжи я ничего предпринимать не имел права. «Дядя Серёжа!» – долго кричал я. Но он не отзывался. Видно далеко ушёл. В пещере была плотная темнота. Я осторожно углублялся в эту темноту и кричал изо всех сил, но отклика не было. Обратного же возвращаться было удобно тем, что конец пещеры был виден, как туманное пятно. Поэтому я не боялся и углубился в темноту пещеры до поворота, продолжая кричать. Я уже начал беспокоиться, не случилось ли чего с дядей Серёжей, не пойти ли к нему на выручку, и вдруг услышал отклик.

«Долго же ты, дядя Серёжа ходил!» – упрекнул я его, заслышав шаги. «А что опять случилось-то?» – услышал я из темноты. «Свет, дядя Серёжа!» – «Какой свет?» – «Наш!» – «Не понимаю». – «Наш свет, который ты копал». – «Свет разве копают? Что с тобой, Васька?» – «Да иди скорее!» – «Итак тороплюсь».

Дядя Серёжа вышел из-за поворота с мигающим огарком тряпки и, увидев туманное пятно позади меня бегом бросился навстречу. Шаркнув меня ладонью по вихрам он подбежал к лодке, глянул направо, убедился, что копал всё утро не зря, подпрыгнул на радостях, стукнувшись головой о свод. Подержавшись обеими руками за ушибленное место схватил меня и стал обнимать и целовать. Потом поставил на ноги и спросил: «Давно?» – «Да вскоре, как ты ушёл». – «А страшно было?» – «Да нет, – говорю. – Там страшнее было». – «Где там?» – «А где обвал. Там вон как ухнуло! Аж вода волнами загуляла и ветром обдало. А тут так себе – что-то скрипнуло, охнуло, сбрыкали камни и осветило. Аж глаза больно стало». – «Интересно. А дополнительно ничего не падало?» – «Нет, больше ничего не слышал». Дядя Серёжа взялся за верёвку, подтянул поближе лодку и велел мне в неё садиться. Я осторожно забрался

в лодку, дядя Серёжа следом. Сложив верёвку с якорем на дно лодки он потихоньку стал править к отверстию. Отвыкшие от света глаза боязливо жмурились. Дядя Серёжа изучал отверстие и соображал как им воспользоваться. Оказывается, всего-навсего дерево с обрезанными корнями упало (то ли от ветра, то ли от наклона?) и образовало сквозную рытвину. Под самое отверстие дядя Серёжа решил подплыть не сразу. Обойдя отверстие кругом осмотрел края, потом взял якорь и с силой зашвырнул наверх. Камень улетел далеко, но ни за что не зацепился. Дядя Серёжа потянул за верёвку и камень упал обратно. Дядя Серёжа снова его зашвырнул, но опять безрезультатно. Тогда он подгрёб лодку к правой стене, раскачал камень на верёвке и далеко зашвырнул его поперёк упавшего дерева. Потянув за верёвку он убедился, что камень за что-то надёжно зацепился. «Лезь», – приказал он мне.

Полазука-то я бывалый. Сбросил фуфайку и ботинки, вцепился в верёвку, а силёнки-то и нет. Дядя Серёжа меня подсадил, насколько было возможно. А я два дня не емши, вроде легче стал, а себя поднять не могу. Да и верёвка тонкая, держаться за такую не очень-то удобно. Меня уж дядя Серёжа снизу стал веслом подталкивать.

«Ну, вылез?» – спрашивает он меня снизу. «Вылез», – говорю. «Камень-то за что там зацепился?» – «между стволом дерева и сучком застрял. Прочно сидит». Дядя Серёжа тоже сбросил куртку и ботинки. По тонкой верёвке трудно выбираться. Но я ему не помогал, да и не смог бы с моими-то силёнками. Он сам выбрался. Дядя Серёжа, он сильный! Отойдя от рытвины он встал лицом к солнышку, раскинул широко руки, вздохнул глубоко всей грудью, зажмурился и улыбается. Я тоже так сделал. Потом стали осматриваться – куда мы попали? На покосе находимся. Недалеко от нас бабы с граблями стоят, на нас смотрят, в кучу сбиваются. Спорят о чём-то и всё в нашу сторону глядят. Потом как завизжат(!). Побросали грабли и бегом от нас. В гору куда-то побежали.

«Чего это они?» – спрашиваю. «А кто их знает? Их, баб, не скоро поймёшь, чего у них на уме. Убежали вот. Застыдились что ли? Теперь и спросить не у кого, где мы находимся? Куда нам идти?»

Мы стали осматривать местность, чтобы понять, где находимся. А находились мы в какой-то низине, зажатой с трёх сторон небольшим взгорьем. Низина далеко убежала от нас к юго-западу и в конце её виднелся лес. Взгорок справа был покрыт ельником. Ёлки отсюда были хорошо видны, а среди них редкие берёзы. «Грибной лес», – подумал я. Левый склон до горизонта был покрыт созревающими хлебами, а там, в той стороне куда убежали бабы, наверху были сосновые посадки, разрезанные дорогой. По этой дороге они и убежали.

«Вроде, Васька, маленько знакомое место, но кто его знает? Можно и ошибиться», – сказал дядя Серёжа. «Ты здесь был что ли?» – спросил я. «Да нет. Сверху видел. Недалеко ведь от Кокошино мы с тобой блуждали».

Я стал искать какую-нибудь съедобную траву. Но что тут найдёшь? Низина была вся выкошена. Дядя Серёжа догадался, что я ищу, и тоже стал приглядываться и что-то планировать. «Слушай, Васька, – сказал он. – На склонах клубника бывает. Теперь ей самое время созреть». И он направился к ближайшему склону, как раз туда, куда бабы убежали. Я пошёл за ним, пиная несобранное бабами сено. В стороне, немного левее, мы заметили брошенные бабами пожитки – кофточки, платки и какие-то узелки. Дядя Серёжа направился туда, а я к склону. Порывшись в узелках дядя Серёжа позвал меня. Я подошёл.

«Бабы, видно, успели пообедать. Но одна вот не успела», – сказал он, разворачивая аккуратно собранный узелок. У меня ручьём побежали слюни: я увидел пирог. Дядя Серёжа достал из узелка румяный пирог с луком и яйцами. «Подкрепимся, Васька, а перед бабоньками извинимся», – сказал дядя Серёжа, ломая пирог пополам. Я посмотрел на него и хотел возмутиться: «Это же чужое!». Но перед пирогом не устоял. Мы проглотили его почти не жуя. И не наелись, а только аппетит раздражили. Дядя Серёжа ещё раз перебрал узелки, но больше ничего не нашёл. В стороне, прикрытый сеном, стоял берестяной туесок. «Ну-ка, Васька, посмотри, не

молоко ли там?» – посоветовал он мне. «Разве в таких молоко носят?» – засомневался я направляясь к туеску. «Эх ты, а ещё деревенский». – «А у моей бабушки в таком туеске пуговицы хранятся, шпульки с нитками, иголки и тряпочки для заплаток». – «Это потому, что твоя бабушка сено косить не ходит», – пошутил он. Я открыл туесок, в нём оказался квас. Мы отхлебнули по глотку и, поставив туесок на место, отправились искать клубнику. Побродив по склону и ничего не найдя мы вернулись к бабым узелкам, чтобы дожидаться их возвращения. Дядя Серёжа лёг на сено, я – рядом. «Закуривай, – говорю, – дядя Серёжа. Здесь не задохнёмся». – «Эх, Васька, я бы с удовольствием, да сигареты кончились».

Полежав немного молча, дядя Серёжа спросил: «А ты знаешь, Васька, чего больше всего я боялся в подземелье?» – «Чего?» – «Я боялся напороться лодкой на острый камень. Тогда бы нам с тобой была явная гибель. Не потому, что там речка глубокая или не глубокая, а потому, что вода холодная и пешком по ней мы бы проходили не больше часа».

А мне запомнилась темнота, плотная, постоянно настораживающая, угнетающая. Я вспомнил, как закричал «мама!» Мне вдруг стало стыдно, но я признался: «А ты, дядя Серёжа, не видел в потёмках, как мне было стыдно после того, как я «маму» заорал». – «Ничего, Васька, – сказал дядя Серёжа. – Бояться надо. Бояться всегда надо. А вот трусить нельзя. Струсишь – пропадёшь». – «А какая разница?» – удивился я. «Как «какая»? Бояться и трусить – это вещи разные, совершенно противоположные. Бояться – значит быть готовым ко всему. Бояться – значит обострить своё внимание, бдительность, мобилизовать свои мысли и силы. А трусить – это значит растеряться, притупить бдительность, поддаться панике, забыть про свои силы и разум. Трусость, она равна самоубийству».

Я слушал и думал: дядя Серёжа не трус. Там, в подземелье он боялся, но был уверен, что мы выберемся. Только надо было искать да придумывать, как выбраться. А если бы он струсил? Опустил бы руки и унесло бы нас неизвестно куда. Пропали бы мы. Я то что? Несмышлёныш. Так что, большое спасибо дяде Серёже!

«А вообще-то, Васька, страх имеет ещё одну сторону, – продолжал дядя Серёжа. – Однажды вечером, когда на небе стали появляться звёзды, я лежал на лужайке и глядел в небо. Вот так же, как мы сейчас. Лежал и думал: «А ведь у вселенной нет конца!» И захотелось мне представить в своих мыслях эту бесконечность. И я мысленно оторвался от Земли и устремился туда, где нет конца. И мне вдруг стало так страшно, что меня аж покорило, по телу мурашки побежали и словно холодом каким-то неприятным окутало. Я быстро зажмурился и оборвал свои мысли. Но этот страх потом много раз приводил меня к размышлениям о бесконечности в сторону великого и малого». – «Какого «великого и малого»?» – не понял я. «А вот... Ты что-нибудь знаешь о Солнечной системе и строении молекул». – «Читал, – говорю. – Представляю». – «Ну вот, как построена солнечная система? Солнце, а вокруг него двигаются по определённым орбитам планеты. Строение молекул похоже. Во сколько раз Солнечная система больше молекулы? Вот в этом сравнении мы идём в сторону великого. А если спросить во сколько раз молекула меньше Солнечной системы – это значит мы идём в сторону малого». – «Понятно». – «Ну, а я говорю о бесконечности, которая заключается в том, что Солнечная система состоит из молекул, а галактика – из солнечных систем. А там дальше что-то – из галактик. И так без конца. Так же и в сторону малого. Солнечная система состоит из молекул, молекулы – из атомов, состоящих из электронов, протонов и нейтронов... и так далее. Бесконечность в сторону малого, бесконечность в сторону большого – создают бесконечность человеческой мысли... Вот видишь, страх рождает философию». – «Какую философию?» – спросил я. Мы лежали и болтали о чём-нибудь, чтобы время скоротать до возвращения баб.

«Ну вот, – отвечал на мой вопрос дядя Серёжа, – в связи со страхом мне подумалось: человек, имея своё начало и конец, не может избавиться от мысли, постоянно зовущей к началу и концу. Он ищет начало зарождения жизни на Земле, начало рождения планеты, начало формирования Солнечной системы, начало зарождения материи и прочие начала. Самая наимень-

шая материальная частица не может быть наименьшей, если она материальна: она в свою очередь должна состоять из ещё меньших частиц. Человек хочет добраться до конца наименьших частиц, «коли сам конечен», как сказал Леонов. Вселенная не имеет конца ни в сторону наибольшего, ни в сторону наименьшего. Там, где кончается доступная человеческим познаниям среда, созданная наименьшими материальными частицами, там начинается другая, недоступная человеческим познаниям среда, создающая наименьшие материальные частицы».

Эта дядина Серёжина беседа явно была предназначена не для моих понятий, но мне ничего не оставалось, как лежать да слушать. Пусть, думаю, философствует. Тем более, что кое-что я всё-таки понимал, а потому лежал и слушал.

«Между наименьшими материальными частицами, – продолжал дядя Серёжа, – находится та недоступная человеческим пониманием среда, в которой частицы «плавают» и «питаются». Проще говоря, наименьшие материальные частицы строятся из материалов той, нам неведомой среды, в которой они «плавают». Безвоздушное пространство не есть абсолютная материальная пустота. Если бы оно было абсолютной материальной пустотой, световые и магнитные волны были бы невозможны: ничто – не колеблется. Абсолютная пустота не может обуславливать скорость движения света. Электромагнитные и световые волны – явление материальное. Если звуковые волны – это колебание известных человеку материалов (ощутимой среды), то электромагнитные и световые волны – это колебания межмолекулярной среды, человеком неоощутимой. Человек не в состоянии познать всю материальную природу, так как она бесконечна как в сторону малого, так и в сторону большого».

Дядя Серёжа помолчал и с не меньшим пылом стал развивать свои мысли дальше.

«Звуковые волны имеют одну скорость, световые – другую. Почему? Звуковые волны – это колебания молекулярной среды, более тяжёлой, чем межмолекулярная. А за межмолекулярной в сторону малого следует какая-то другая среда со своими, ещё более быстрыми, волнами, нам неизвестными, нами не оощутимыми. Так и в сторону великого – за молекулярной средой следует космическая среда, состоящая из солнечных систем. И опять же эта среда имеет свои колебания с проявлением результатов от них. И уж конечно в миллиарды миллиардов раз эти колебания тяжелей и медленней молекулярных. Что они создают? Уж конечно не свет, не звук, а нечто нам недоступное. За космической средой следует другая среда».

Дядя Серёжа как-то разом остановился, посмотрел на меня и улыбнулся. «Не сердись, не скучай, Васька, скоро придут». – «Кто?» – спрашиваю. «Бабоньки. Чего ради мы тут время коротаем?» – «Уж больно мудрёная у тебя философия, дядя Серёжа», – говорю. «А я, Васька, не столько для тебя говорю, сколько для себя. Вот рассуждаю и не знаю, в чём я прав, в чём нет. Не с кем мне на эту тему поделиться. Расти быстрее, да спорить будем».

Дядя Серёжа повернулся ко мне лицом. «Я тебе не успел рассказать, что я узнал, уходя от тебя по сухой пещере старицы. И хорошо, что я теперь расскажу, а не там, в подземелье. Вот уж где я испугался, так испугался, Васька! Я думал там наша с тобой смерть. Вот мы с тобой обвалто слышали? Так это оказывается колодец наш рухнул! И нет там возможности выбраться. И тут я не надеялся выбраться, и там рухнула надежда. Ну, думаю, всё... Эх и повезло нам с тобой, Васька! Спасибо этому дереву! Кстати, а что за дерево мы с тобой уронили?» – «Ты, дядя Серёжа, уронил, а не мы с тобой. Я не копал». – «Мы с тобой, Васька. Мы с тобой»». Дядя Серёжа обнял меня крепко и поцеловал. Я тоже его обнял. Потом сказал: «Вяз». – «Что вяз?» – «Вяз мы уронили». – «Бедный вяз. Стоять бы ему да стоять, кабы не наша беда». – «А как ты, дядя Серёжа, узнал, что колодец рухнул? Может быть это просто свод обвалился?» – «Нет, Васька. Сухая пещера начало своё имеет совсем рядом с колодцем. Когда она под моими ногами кончилась, я не пожалел бензина в зажигалке, посветил и увидел придавленные землёй брёвна сруба и обломки деревянной лесенки. Я здорово расстроился. Ну, думая, живём мы с тобой в могилу попали. – Немного помолчав, добавил, – Хорошо, когда хорошо кончается. Кончились приключения, наступают мучения», – пошутил он. «Какие, – говорю, – мучения?» –

«А помнишь, ты на туче катался?» – «Как не помнить? Такое не забудешь». – «Так вот, после того случая меня два месяца таскали в милицию. В тюрьму хотели посадить». – «За что?» – «За убийство». – «А кого же ты убил?» – «Тебя». – «Как, говорю, – меня? Я ж живой!» – «Вот и я два месяца в милиции доказывал, что ты живой». – «Не верили что ли? Взял бы да показал меня». – «Мало ли кого ты, – говорят, – нам покажешь вместо Васьки. Ты нам справку давай из РайЗАГСа. А там дали мне справку, что похоронную на имя Василия Сыроедова не выпи-сывали. Вот и всё. А в милиции говорят, нам такая справка не нужна. Давай такую, в которой говорилось бы что ты живой. А в загсе говорят: откуда мы знаем, живой – не живой. Эх, Васька, волокиты было! И от председателя колхоза приносил им справку, и от председателя сельсо-вета, и от директора школы. Нет, им надо из загса». – «Ну и как отвызался?» – «А поскольку иска в суд на меня никто не подал, дело «за отсутствием состава преступления» закрыли». – «А кто должен был подать на тебя в суд?» – «Ну, а кто, кроме твоей мамы или бабушки?» Я недоумённо вобрал голову в плечи, скорчив глупую мину. «А теперь нас двоих будут таскать в милицию. Ты будешь доказывать, что я живой, а я... что ты живой», – пошутил дядя Серёжа.

Мы рассмеялись. Я встал и хотел ещё раз поискать клубнику, но увидел, что по дороге из сосновых посадок кто-то идёт в нашу сторону. Было видно, что идёт человек, но непонятно, то ли он чем-то перегружен, то ли по-зимнему тепло одет. Летний день только перевалил за полдень, была приличная жара. Июль!.. И вдруг – по-зимнему... За человеком кучкой появи-лась стайка женщин. По мере приближения стал различаться жёлтый цвет одежды идущего. Одеядом он что ли накрылся? – подумал я. Дядя Серёжа тоже встал и стал ждать приближаю-щихся. Люди шли в нашу сторону медленно. Я заметил, что на груди впереди идущего что-то поблескивает на солнце. Не могу понять, во что одет человек? Постояв немного молча дядя Серёжа сказал: «Не иначе, Васька, нас с тобой бабоньки за чертей приняли. Попа привели».

Попа, признаться, я ни разу в жизни не видал и не знал для чего они существуют. «А зачем, – спрашиваю, – нам поп?» – «Да нам-то с тобой он ни к чему, а вот бабоньки, похоже, нас не застыдили, а испугались». – «И что теперь?» – «Если они нас за чертей приняли, то ведут попа, чтобы он меры принял». – «Это какие такие меры?» – «Чтобы он помолился, покрестился, и мы чтобы сгинули». – «Как сгинули?» – «Ну, чтобы снова ушли в подземелье, в тартар, в ад, или ещё куда. Я не знаю, где они живут». – «Кто?» – «Черти-то».

До этого момента я думал, что черти – это сказочные существа, не существующие, а выдуманные для богатства сказочных содержаний – забавная игра человеческой фантазии. И вдруг, оказывается, это нечто существующее, чего люди боятся. Я не помню и не знаю, видел ли кто-нибудь их в жизни, чтобы убедиться в правдивости их существования. И тем не менее существуют средства борьбы с ними – поп, крест и молитва.

«А черти на людей что ли похожи?» – спросил я. «Да», – ответил дядя Серёжа. Вот так мы стояли и переговаривались, догадывались и рассуждали, а люди потихоньку приближались. «А что, – спрашиваю, – у попа в руках?» – «Крест». У попа в руках действительно был большой, от подбородка до пояса, крест, который он нёс, прижимая к груди. На голове жёлтая, высокая, без ушей шапка, на плечах жёлтый с рисунками халат. «А во что он одет?» – спросил я. «В ризу». – «Что за риза?» – «Накидка такая, позолоченная».

Действительно, когда поп подошёл к нам на расстояние двадцати шагов и остановился, я невольно залюбовался золотыми рисунками, украшающими ризу. Как я и представлял, что все попы бородатые, этот тоже был с бородой, но с небольшой. Борода была русая, широкая, короткая. Попов часто рисуют толстыми. Этот был не толстый, но и не худой.

Остановился поп, остановились и бабы, боязливо прижимаясь друг к другу.

«Кто вы?» – спросил поп. «Мы – люди», – ответил дядя Серёжа. «Откуда вы здесь?» – «Из-под земли вылезли», – продолжал отвечать дядя Серёжа. «По чьей воле вы сюда при-шли?» – «По воле случая».

Поп поднял над головой крест, окрестил им три раза нас, потом взял крест в левую руку и трижды, освободившейся рукой, перекрестился. Похоже поп не поверил, что мы люди. Неужели мы и вправду похожи на чертей? Я посмотрел на дядю Серёжу, потом на себя. Не знаю, почему до этого момента мы не обращали внимания на свой вид? А тут... Мне страшно захотелось рассмеяться. Дядя Серёжа стоял в рубашке с одной полрой, в рваных, грязных штанах, босой и весь выпачканный глиной, без фуражки, со взъерошенными волосами. Кроме того, там, где у брюк должны быть карманы, оказались неряшливым образом вырезанные дыры. Я позже узнал, что карманы дядя Серёжа сжёг в сухой пещере. А я рядом с ним, босой, в одних грязных штанах, вымазанный глиной и тоже, вероятно, взъерошенный. Ну, как есть два пугала. Дядя Серёжа тоже посмотрел на меня и на себя, и мы разом расхохотались. «Ну, Васька, – сказал дядя Серёжа нарочно громко, чтобы все слышали, – не знаю, похожи или нет мы на чертей, а на людей точно мало похожи». Потом он обратился к попу: «Напрасно вы нас боитесь. Мы люди, обычные люди. Не лешии, не черти. Просто мы не успели привести себя в порядок. Дело в том, что мы в неприятный переплёт попали. И вот выбрались, опомниться не можем, что живы остались». – «Что же с вами случилось?» – спросил поп. «Да вы подходите ближе, мы всё расскажем. История-то наша длинная».

Поп вроде осмелел и подошёл поближе. Женщины остались на месте.

«А и впрямь на людей похожи», – сказал поп. – Ну, уверуйте нас». – «Я прошу прощения, – сказал дядя Серёжа. – Я не верующий и мне наверное не подобает вас называть батюшкой? Подскажите, как вас можно иначе называть, чтобы мне вас, не дай Бог, оскорбить или обидеть». – «Называйте меня по-мирскому, – сказал поп, – Григорием Порфирьевичем». – «Так вот, Григорий Порфирьевич, Чтобы быстрее и проще вы нас поняли, предлагаю заглянуть в то отверстие в земле, откуда мы вышли. Вы всё поймёте. А если будет что-то непонятно, так мы объясним».

Поп вдруг побледнел, перекрестился несколько раз, загордился от нас крестом и боязливо попятился, торопливо повторяя шёпотом какое-то слово, которое я не понял. Он видимо подумал, что дядя Серёжа приглашает его к тому отверстию, через которое черти грешников утаскивают. Дядя Серёжа улыбнулся и тут же извинился: «Простите меня, Григорий Порфирьевич, я был не осторожен, неверно выразил свою мысль». – «Нет-нет, не соблазняйте, – торопливо сказал поп, – я не грешен».

Слышал я в разговорах взрослых, что попы сами в Бога и в чертей не верят. Просто у них работа такая. Они так деньги зарабатывают. Но этот поп был видно крепко верующий. Дядя Серёжа долго объяснял ему, как мы попали в беду, как блуждали в потёмках и как, наконец, выбрались на свет, вот в этом месте.

«А дерево кто уронил?» – спросил поп. «Я», – честно признался дядя Серёжа. Поп опять несколько раз перекрестился и отрицательно покачал головой. На дороге показалась легковая машина. Бабы забеспокоились, засуетились. Поп тоже оглянулся. Все замерли в ожидании. Машина остановилась около нас. Из неё вышел председатель колхоза – плотный, кругловатый, невысокий, пожилой дядя, подвижный, с весёлыми глазами.

«Ну-ка, что тут за черти у нас объявились? – спросил он и взяв меня за волосы потянул вверх. – Ну и где у тебя рога?» – «Один, – говорю, – у меня только. Вот», – я показал ему шишку на голове, которую посадил ударившись обо что-то в темноте пещеры. Председатель пощупал и сказал: «Ого! Большой! Ну ничего, до свадьбы, думаю, сойдёт. А у вас?» – обратился он к дяде Серёже. «Я комольй, – ответил тот. – А вообще-то тоже один имеется». Председатель опять обратился ко мне: «Ну так ты вправдашний чертёнок или нет?» А я говорю: «Я – Васька... из Кокошино». – «Васька? Из Кокошино? – переспросил председатель. – А это кто?» – показал он пальцем на дядю Серёжу. «А это, – говорю, – дядя Серёжа». – «Постой, постой... А это не ты на снежной туче на Кавказ улетал?» – «Я» – «А дядя Серёжа, это, стало быть, тот лётчик, который тебя на ту тучу посадил?» – «Да, – говорю, – он».

Председатель повернулся к бабам: «Бабоньки! Вот посмотрите, кто к нам в гости пожаловал – знаменитый путешественник – Васька из Кокошино».

Наш разговор с председателем видимо рассеял сомнения у баб и попа. Они помаленьку стали нас окружать. «Ну, рассказывайте, какая беда вас сюда занесла?» – обратился председатель к дяде Серёже. И дядя Серёжа рассказал всё по порядку. Бабы слушали да ахали. Потом дядя Серёжа попросил прощения у женщин, за то, что мы съели чей-то пирог.

«Ну и слава Богу! На здоровье! – сказала одна молодушка. – Я нездорова сегодня, аппетита нет. Я бы знала так больше принесла».

Потом председатель пошёл посмотреть дыру из которой мы вылезли. Ну и мы с дядей Серёжей подошли. Поинтересовались и некоторые женщины. А поп так и не подошёл. Да и женщины некоторые смотрели только издали. Дядя Серёжа вытянул за верёвку лодку. Фуфайка, куртка и один дядин Серёжин ботинок выпали из лодки, пока он её вытягивал. На дне лодки остались только – фонарик, молоток, насос и три ботинка.

«Вот наши доказательства», – сказал дядя Серёжа. «Это надо в музей. – Ну ладно, поглядели и домой». Глянув на нас он спохватился: «Как же я вас, таких грязных, повезу? У меня в машине ведро есть, а у вас есть верёвка, а там воды – не вычерпать, – показал он на подземелье. – Хотя, нет. Там вода ледяная. Заедем на речку, выкупаетесь. Давайте, в машину». – «А где мы находимся?» – поинтересовался наконец дядя Серёжа. «На границе между Кокошинскими угодьями и Лубянскими. Вон поля-то ваши, Кокошинские. А покосы наши – Лубянские». – «То-то мне показалось место знакомое, – сказал дядя Серёжа. – Я же весной эти поля опылял». – «Мы с вами не знакомы, а ведь я вас давно знаю, – сказал председатель. – Меня зовут – Сергей Семёныч. Мы даже с вами тёзки». – «Да, – сказал дядя Серёжа, – не знаешь, где друга потеряешь, не знаешь, где найдёшь. Спасибо за дружескую заботу. Может когда-то и я вам пригожусь». – «И я так думаю, – ответил председатель и крикнул женщинам: хватит бабоньки, подивились чуду и за работу. А вы, Григорий Порфирьевич, тоже в машину садитесь, я вас подвезу».

Мы выпустили из лодки воздух, бросили её в багажник и поехали. Поп дорогой до самой речки извинялся перед дядей Серёжей. «Понимаете, молодой человек, какая оказия приключилась? Я сейчас неловко себя чувствую. Вы уж простите мне грешному. Прибежали ко мне три женщины перепуганные, запыхавшиеся и стали наперебой рассказывать, как на покосе у них на глазах ни с того ни с сего упало дерево. Ветра нет, дерево здоровое – и вдруг упало. Мы, говорят, долго глядели и рассуждали с чего бы это, а тут из-под земли вы появились. Ну, ни дать, ни взять – нечистая сила. Они и бросились в деревню. Которые – ко мне, которые – к Сергею Семёнычу. Ну и, разумеется, всю деревню переполошили. Пришлось пойти...»

А дядя Серёжа извинился перед председателем, что людей от дела оторвал. Потом мы выкупались в речке, заехали в Лубянку, высадили попа. А председатель – Сергей Семёныч – завёз нас к себе домой, дал дяде Серёже свою рубашку, штаны и ботинки. Рубашка оказалась широковата, но коротка, да и штаны так же, а ботинки жали ноги. «До дому доехать сойдёт», – сказал дядя Серёжа. А мне председатель дал рубашку своего внука, какую-то зелёную, в полоску. Она тоже мне мала, да ладно. И, конечно, он нас накормил до сыта. Сергей Семёныч всё делал быстро: медлить, видать, не любит. Хозяйки дома не было – сам всё нашёл. Потом он привёз нас к дому бабки Агафьи, посадил, попрощался и уехал. Дядя Серёжа пошёл в избу, а я первым делом направился к колодцу. Решил проверить, правда ли, что тот рухнул? Вижу, навстречу бабка Агафья идёт. Увидала меня, остановилась и давай креститься. А когда я стал подходить отгородилась от меня ладонями с растопыренными пальцами и запримечала: «Сгинь! Сгинь! Сгинь!» – «Ты что, – говорю, – бабушка Агафья? Это ж я – Васька». – «Сгинь, окаянный, сгинь! – продолжала бабка. – Ты покойник – сгинь!» И стала обходить меня далеко стороной, стараясь на меня не смотреть. Я махнул на неё рукой и побежал к колодцу. Подбегая, я увидел вместо колодца большую воронкообразную яму, на краю которой сидела

моя мама, обхватив колени руками, и плакала. Рядом стояла, опершись на палку, сгорбившаяся бабушка, часто прикладывая к глазам скомканный носовой платок. Я сходу окликнул их: «Мама, бабушка, чего это вы тут плачете?» мама вскочила, уставилась на меня и... ни с места: и верит и не верит глазам своим. Бойтся, как бы не спугнуть видение. А бабушка оглянулась, резко отпустилась от палки, как будто об неё обожглась, и повалилась. В обморок упала. Мама бросилась к ней, попыталась помочь ей встать. Но та не вставала, вроде как уснула.

«Ну что ты стоишь? – закричала на меня мама. – Принеси скорей воды». Я побежал домой, схватил ведро с водой и обратно... Но когда прибежал с ведром, бабушка уже сидела, упершись правой рукой в землю, а локтем левой руки в колено, и тёрла глаза платком. Мама встретила меня с заплаканными глазами, но обрадованная. Отобрала ведро, поставила на землю, обняла меня и запричитала: «Да милый ты мой, Васенька, окаянный ты мой проказник! Ничего-то на свете у меня нет тебя дороже, изюминка ты моя горькая!»

А дядя Серёжа рассказывал потом, что бабка Агафья долго не входила в избу, завидев там его. И даже не ночевала в ту ночь дома.

Только дружки мои, как ни в чём ни бывало, окружили меня, в шутку тыкали мне в бока кулаками и просили рассказать, как и что случилось, что приключилось. И я рассказывал. Рассказывал много раз. И даже однажды мы большой ватагой ходили смотреть на ту дыру в земле, оставшуюся после нас на Лубянском покосе. Края её вскоре тоже обвалились и это место превратилось в небольшое болотце. А дружки меня после долго ещё звали «чертёнком». Чурок-чертёнок!

3 Дьявол

В то злосчастное лето, когда мы с дядей Серёжей блуждали по подземелью, Сергей Семёныч, председатель Лубянского колхоза, несколько раз заезжал к дяде Серёже и уговаривал его обслуживать на самолёте Лубянские поля. Поэтому дядя Серёжа был очень занят и встречались мы с ним редко. А осенью он женился и вообще переехал жить в Лубянку. Я очень о нём скучал. А женился он на той самой молодке, у которой мы съели пирог. Я вначале был настроен против неё и очень на неё сердился. Мне так было охота, чтоб она была некрасивая, неприветливая, неумеха, злюка. А она оказалась напротив – доброй, весёлой, заботливой и, как мне потом показалось, симпатичней всех наших Кокошинских девчат. Всегда опрятная, прибранная, проворная, работающая. Ну и слава Богу! Дядя Серёжа ею доволен, а мне-то какое дело? Я бывал у них в гостях. Бывал много раз. Первый раз я приехал с дядей Серёжей, когда он переезжал жить в Лубянку. Вскоре у неё, у дядиной Серёжиной невесты, умерла мать, с которой она жила, и я был на похоронах. Отца она схоронила незадолго до свадьбы. Ну и потом ещё много раз бывал. Она очень гостеприимна и в последнее время мне всё больше и больше стала нравиться. Зовут её – Тая. Она мне даже на Новый год подарила рубашку – зелёную, в коричневую клетку. Я любил летом эту рубашку одевать. И всякий раз, как я её одевал, мне почему-то всегда было охота пойти в Лубянку, повидаться с дядей Серёжей. Но его всегда было трудно застать дома, так много было у него дел. Он иногда появлялся в Кокошино на своём самолёте, но в основном находился в Лубянке. Кому принадлежал его самолёт – Кокошинскому колхозу или Лубянскому, или он был государственным – я не знаю. И вот как-то в конце июля, не знаю, в связи с чем, мама напекла много пирожков, шанег, плюшек, а сама ушла на ферму доить коров. В то лето она работала дояркой. Мне же поручила сметать на сеновал сено. Прибежал ко мне Мишка Олашкин. Живёт он в Мякошино, но часто бывает в Кокошино у двоюродного брата Федьки Хомутова. Федька его старше на три года, часто бывает занят колхозными делами, и Мишка, не застав его дома, идёт ко мне. Так и в этот раз. Он мне помог сметать сено и вторая половина дня у меня оказалась свободной. Мне очень захотелось пови-

даться с дядей Серёжей. «А что, – говорю, – Мишка, пошли в Лубянку?» – «Нет, – говорит, – я ещё с Федькой не повидался». – «Ну, не хочешь, как хочешь. Я один пойду».

Схватил я целлофановую цветастую сумку, которую маме на 8-е марта подарили, наклал в неё пирожков, шанег да плюшек – дяде Серёже на гостинцы – и в путь. Я знал, что дяди Серёжи сейчас дома нет. Он где-нибудь в поле. Спрошу у кого-нибудь в каком он поле. Найду его. А если не найду, так дома дожусь – и тётю Таю угощу. Стряпни наложил много. Настроение у меня было радостное – доброе дело сделаю. Шёл я по полю весело. Пробовал даже песни петь. Дорога до Лубянки то полем, то лесом идёт. И вот, пересекая лес, захотелось мне набрать для дяди Серёжи земляники. На открытых местах она отошла, а на затенённых лесных полянках её много, и она крупная, сама, как говорится, в кузовок просится. Вот посудину-то только я не предусмотрел. Как быть? Плюшки да шаньги у меня в газету завернуты. Ну, думаю, и без газеты в сумке полежат. Сделал я большой бумажный кулёк и давай собирать в него ягоды. Пособираю на одной полянке, перешёл на другую – там земляники больше. А на третьей ещё больше и крупнее. В азарт вошёл. И чем больше собираю, тем больше хочется. А земляники – видимо-невидимо. Увлёкся, ничего не остерегаюсь, никого не боюсь – по сторонам и на небо не гляжу. Сколько времени прошло – не знаю. Набрал литра полтора, а может и больше. Темнеть уж стало, потом дождь закапал, а там и молния сверкнула. Погромыхивало-то давно, да я внимания не обращал. А тут резко, как будто что-то лопнуло и что-то металлическое покатилося по небу. Глянул в небо, а его так толсто заволочло, аж черно. Ну, думаю, сейчас меня хорошо наплюхает. Бросился искать дорогу. Пока землянику собирал – увлёкся, не запомнил, в которой стороне она осталась. А темень так и накрывает, а дождь всё сильнее. Бросился я в одну сторону – нет дороги, в другую – нет дороги, в третью... По глазам ударила вторая молния, потом третья. Небо загудело на все лады. Такой хватил дождь! Как из ведра. Встал я под ёлку, сумку к себе прижимаю, чтобы вода в неё не попала, а меня поливает. Ни какие ветки не спасают. Моментально промок до ниточки. Как будто речку бродом переходил. Молнии сверкают, небо гудит. Какой, думаю, смысл стоять? Всё равно мокрый. Пошёл искать дорогу. Ну поливает! Того и гляди захлебнусь. Наклонился, раскрылился, только сумку зажал, чтобы пироги в ней не размокли. Иду. Куда? Сам не знаю. И вдруг такой яркий свет, как будто лампу внезапно включили в пятьсот свечей, аж глазам больно стало. Поднял я голову, а дождь глаза заливает. Подставил ладошку над глазами, вижу – огромный ярко-белый шар над лесом плывёт. Дождь как водопад, а он спокойно плывёт себе слева направо. Казалось и молнии унялись, словно уступая ему дорогу. Долго, минут десять плыл он над лесом. Потом куда-то исчез. На землю спустился, что ли? Снова стало темно. После такого освещения, как ночь мгновенно опустилась. И снова засверкали молнии и загудело небо. Я зашагал дальше. Полчаса иду, час, а дождь всё не унимается. Под ногами не то, что лужи – болото. Дождь летний, тёплый. Вроде бы и не холодно, а начал зябнуть. Не зима, Васька, думаю, терпи. Иду, петляю – кусты да неудобницы огибаю. А вода подо мной всё выше и выше. Вот уже коленки стало скрывать. Не понимаю, то ли я в болото забрёл, то ли дождь столько воды налил. А дождь развеселился – то хочет утихнуть, то снова как из ведра льёт. Я хочу в одном направлении идти, чтоб хоть куда-нибудь выйти, а у меня не получается – то заросли на пути встают, то воды вдруг по пояс. И ни какой тебе поляны – сплошной лес. Куда, думаю, забрёл? Как выйти? Хоть бы в поле... Там, думаю, проще найти дорогу. Блуждал, блуждал – уставать стал, зябнуть. Жутковато стало. Наверное скоро ночь наступит, а я в воде по пояс. Не присесть, не прилечь. Хоть бы на бугорок какой выйти, на островок. Стал примеряться к воде, искать где помельче. Может и вправду островок найду? Дождь помаленьку стал ослабевать, но совсем не переставал. Молнии отодвинулись куда-то в сторону и гром стал глуше. Надеяться на то, что я до ночи выберусь из леса, смысла не было. Хоть бы дождь перестал да на сухом месте бельё отжать. Где оно, сухое место? В которую сторону идти? Как сориентироваться? Небо всё в тучах. Да в лесу оно маленькое. Ни какого тебе горизонта. Наконец дождь стал утихомириваться, но воды подо мной по-прежнему было

по пояс. Сумку я постоянно нёс приподняв, чтоб она не плавала в воде. Руки давно устали. Ноги в воде постоянно натыкались на затопленные валёжины, пеньки и кочки. Это меня злило и изматывало. Куда я иду? Не знаю. Мне было всё равно. Лишь бы выйти на сухое место. Стал приглядываться. А ведь лес-то давно сменился. Там где я землянику собирал был ельник, а теперь в основном берёзник. Ёлки совсем редко попадаются. А липа напрочь исчезла. Я остановился, чтобы сообразить, что бы это значило? Стал вспоминать, где какой лес любит расти. Почему здесь мало ёлок? А если есть, то они все тонкие да чахлые. И совсем нет лип. А там, где нет липы среди берёз, там груздей не бывает, говорила бабушка. А причём тут грузди? А грузди большую сырость не любят, говорила бабушка. А ёлки тоже большую сырость не любят. А липа – тем более. Значит я в какую-то низину попал. А как выбраться? В которую сторону двигаться? Решил идти в ту сторону, где больше ёлок. Стал глазами шарить по сторонам и пробираться от ёлки к ёлке. Долго никакого успеха не ощущал, но продолжал упрямо двигаться. Дождь успокоился, ненадолго в лесу стало посветлей и мне стало удобней определять, где больше ёлок. Глубина воды стала постепенно уменьшаться. Это радовало и давало надежду. Но постоянные под ногами пеньки, кочки, валёжины и палки, скрытые под водой, до того меня вымотали, что я уже не мог быстро двигаться. Плёлся устало, хватаясь за стволы берёз, чтобы не упасть или просто опереться для облегчения. Справа показался какой-то просвет – то ли поляна, то ли редыльник. Я вяло и равнодушно направился в ту сторону. Сквозь редкие берёзы я разглядел что-то вроде острова. Немного пройдя в ту сторону, я понял, что вышел на берег какой-то речушки. Выходит я блуждаю по затопленному берегу этой разлившейся речушки, а другой берег у неё повыше и сухой, то есть – не затопленный. Когда я подошёл вплотную к руслу речушки то радости не испытывал. Тот берег представлял собой гряду островков, потому что он не везде был повыше этого, затопленного. Единственно, что меня утешило – это то, что на одном из этих островков можно отжать одежду и устроиться на ночлег. Время в блужданиях я потерял очень много и ночь ощутимо накрывала своим серым пологом тумана затопленный лес.

Течение воды в речушке было еле заметным. Уклон видимо был совсем небольшой. Я попытался немного пройти по затопленному берегу вверх по течению, чтобы выбрать более удобный островок, но валёжник и затопленные кусты под ногами постоянно старались отнять у меня последние силы. Ладно, думаю, немного мне и место-то надо, чтобы переночевать. Перебрался на выбранный островок. Речушка – пять-семь шагов поперёк и глубина мне по шею. Повесив сумку на сучок чахлой ёлочки, сняв ботинки и носки я разделся догола. Отжав рубашку, трусы и штаны, оделся снова. Комары, на которых я раньше не обращал внимания, будто только и ждали когда я разделюсь. Эге, думаю, ещё одна забота. Не дадут ведь они мне спать-то. И, удивительно, отжатое бельё, оказывается, холодней, чем мокрое. Я сразу окончательно озяб до дрожи. Эх, костерок бы! Ни спичек, ни дров сухих. Обулся, попрыгал, немного согрелся, достал из сумки шаньгу – перекусил. Как же, думаю, спать-то я устроюсь? После дождя ни сесть, ни лечь не куда. А устал-то я хорошо. Потоптался, попрыгал ещё, прошёлся по островку. Он невелик – метров семьдесят вдоль и поперёк. Верхняя по течению сторона поросла ивняком, посредине две чахлые ёлки и несколько небольших берёз. Две накрест свалившиеся берёзы соединяли островок с затопленным лесом. Картина сиротливая. Под ногами кругом мокрая трава, в основном – сныть, папоротник, пырей да крапива. Я топтался и соображал – как устроить ночлег? Пошёл наломал ивовых прутьев, постлал под ёлкой, постоял, подумал – и жёстко будет, и от комаров чем-то укрыться надо. Хотел нарвать папоротника, да вспомнил, бабушка говорила, что от него голова болит. Нарвал, отряхивая от излишков влаги, пырея, сныти и дягильника, избегая крапивы. Нарвал несколько охапок. Пока рвал, согрелся. Натаскал на ивовые прутья, зарылся и попытался уснуть. Вспомнил про ивняк. Эх, какой я дуралей! Ивняк ведь вечный спутник берегов болот и речек, любитель сырых мест. Сколько раз я обходил его заросли, блуждая по лесу. Как я не догадался, что в низину спускаюсь? И весь

вечер по низине шлялся! Тоже мне путешественник. Растяпа! Лежал и ругал себя. Но ругал недолго – усталость своё взяла. Я уснул. Уснул крепко и сладко. Ни какого сна я не видел. А может и видел, да не помню. Только под утро слышу сквозь сон, кто-то меня шубой одевает. Спросонья я подумал, что это бабушка обо мне заботится (забыл я, что сплю не дома). Одевает, но почему-то не всего. Я, не открывая глаз, решил закутаться в эту шубу, вцепился в шерсть правой рукой и потянул на левое плечо. За моей спиной кто-то завозился и зарычал. Я моментально проснулся и вскочил. Увидев лежащего рядом со мной медведя я остолбенел. Мне не только отказали руки и ноги, я дышать затруднялся. Тело моё покрылось холодным потом. Медведь не торопясь сел, мотнул головой и беззлобно рыкнул. Ну что ты, мол, меня испугался? Спи. А я шевельнуться боюсь. Не знаю, то ли бежать от него, то ли не стоит. А куда бежать? Кругом вода. Медведь зевнул и опять мотнул башкой, посмотрел вокруг, на постель глянул и опять на меня уставился. А я ни с места. Гляжу на него, дрожу от страха и думаю: видно медведь сыт, раз меня не ест. А как он будет меня есть? Убьёт сначала или живого будет на куски рвать? Вот ведь бывает кого-то спасают, выручают, кому-то удаётся удрать. А у меня ни каких шансов. И все попытки бесполезны. Добегался, Вася. И ни кто не узнает, где и как твоя жизнь закончилась на этом свете. Бедная бабушка, бедная мама, как они будут плакать! А дядя Серёжа? Так я и не повидался с ним. А что бы он предпринял на моём месте?

Медведь встал на все четыре лапы и отряхнулся. Я отскочил от него к воде шагов на пять и остановился, не спуская с него глаз. Он поворчал опять беззлобно, потоптался и снова сел. Бежать мне было некуда, хоть медведь мне вроде как разрешил. Беги, мол, дурак, если хочешь. А куда побежишь? Да мне от него и не убежать даже по гладкой дороге, не только по затопленному лесу, усыпанному коварным валежником: у него четыре ноги, а у меня только две.

Утро было в разгаре. Небо очистилось и в стороне, откуда текла речка, вот-вот должно было выкатиться солнышко. Трава под ногами была мокрая и я моментально промочил ноги, отчего стал зябнуть ещё пуще. Ну, и как водиться, под утро комары особенно прожорливы. Меня пробирала дрожь, донимали комары, но я стоял, не сводя глаз с медведя. Конечно, надо было побегать, попрыгать, чтобы согреться. Но я боялся сделать лишнее движение, чтобы не пробудить в медведе недоверие или какое недоброе желание. Он пока меня не трогал и смотрел в мою сторону мирно. Что мне делать? Так и стоять в стороне, кормя комаров, или подойти к нему поближе? А может снова лечь спать? Нет... Спать с медведем... Он ещё повернётся во сне да задавит невзначай. Вон какая махина!

Медведю надоело наблюдать за мной. Он стал к чему-то прислушиваться, медленно поворачивая голову, направляя куда-то в мою сторону то правое, то левое ухо. И я у себя под ногами услышал какое-то шуршание. Осмотрев землю вокруг себя я увидел возле правой ноги змею. Как кипятком ошпаренный я отскочил от неё и торопливо стал искать глазами палку, чтобы убить эту гадину. Медведь опять проворчал, мол прыгай, да не забывайся. Я взглянул на него. Он спокойно переводил взгляд то на меня, то на змею. А змея какими-то рывками двигалась в сторону воды. Ну и ползи, гадина, подумал я. Чёрт с тобой. А мне-то что делать? Так вот и стоять пока вода не схлынет? Комары сожрут. А тут ещё и утренняя прохлада донимает. Я стал отмахиваться от комаров и переминаться с ноги на ногу. Медведь перестал на меня обращать внимание. Я попробовал сделать несколько шагов от него. Тот не реагировал. Бежать мне было не куда – я вернулся на прежнее место. Потом, оглядываясь на медведя, повторил ходьбу, потом ещё раз... Смотрю, а медведь не мной занят, а что-то разглядывает у себя под ногами. Любопытство изменило направление моих шагов. Я приблизился к медведю и увидел у самых его передних лап ещё одну змею. Она медленно проползала мимо медвежьих лап, а он изучающе разглядывал её, слегка поворачивая голову, ничего не предпринимая. Вон, значит, как, подумал я. Змея его не трогает, и он её не обижает. Никто ни кому не мстит. Я же медведя не обижал, и он меня не обижает. Змея долго проползала мимо его лап, и он терпеливо провожал

её глазами. Страх мой помаленьку стал спадать. Я стал двигаться смелее, всё ближе подходя к медведю. Над лесом встало солнышко. Утренний озноб стал потихоньку отпускать. Забрать бы сумку да по тихоньку, с разрешения медведя, двинуть вон из леса. Но сумка совсем рядом с медведем на суку висит. Да и в воду утром лезть не хочется. А вода спадает не спеша. Остров пока остаётся островом. У медведя тоже ведь наверное своя дорога есть. Он не спешит пока, сидит, ждёт когда вода спадёт. Я по маленьку, шаг за шагом, всё ближе стал к нему подходить, чтобы взять сумку. Медведь мирно следил за мной, но с постели не уходил. И чем ближе я к нему подходил, тем мне страшней было глядеть ему в глаза. А именно в глазах я улавливал его настроение – добрый у него, мирный взгляд, или хищный? Медведь вроде как тем же занимался, чем и я, только вёл себя спокойней. Ну, а как же? Не дрожать же ему передо мной. Ведь он в тысячу раз меня сильнее. Можно, конечно и оставить сумку. Чёрт с ней и с пирогами – дядя Серёжа не обидится. Да я сам проголодался. А кто знает, когда я выберусь из леса да за стол попаду? Ну, думаю, была не была, подойду и возьму свою сумку. Я подошёл вплотную к медведю. Он смотрел на меня вопросительно, мол, чего ты хочешь? Сзади послышались какие-то шлепки. Медведь повернул туда голову. Я тоже оглянулся. Откуда-то прибежал заяц, сел у самой воды, как раз там куда уползла первая змея, постриг воздух ушами, повернул голову в нашу сторону, увидел нас и стремительно бросился бежать вдоль воды вокруг острова. Через полминуты вернулся с другой стороны и, снова увидев нас, бросился в обратную сторону. Медведь проворчал, мол «вот дурачок», провожая его взглядом. А заяц всё бежал вдоль воды, желая убежать, но каждый раз снова прибегал к нам. Я пожалел зайца и вслух сказал: «Ну хватит бегать-то, дурачок. Успокойся». Медведь посмотрел на меня, потом на зайца и добродушно промолчал. После этого заяц затерялся где-то в ивняке. То ли успокоился, то ли просто спрятался. К этому времени я совсем осмелел, дотянулся до сучка, снял сумку и хотел отойти от медведя. Но он вдруг встал на все четыре лапы и потянулся мордой к сумке. Я быстро отдернул руку с сумкой, но он шагнул к ней и готов был вцепиться в неё зубами. Я быстро достал из сумки пирожок (а может мне попалась в руки плюшка) и поднёс к его носу. Он разинул пасть и я бросил пирог прямо ему в зубы. Тот даванул его зубами, моментально проглотил и снова потянулся к сумке. Я торопливо достал следующий пирог и сунул ему в пасть. Медведь и его проглотил, и снова мордой к сумке потянулся. Я бросал ему в пасть пирог за пирогом, а сам думал: «Вот обжора! Так я и сам голодным останусь». Тогда я решил, прежде чем бросать очередной пирог в медвежью пасть, откусывать от него хоть немного, а то ведь и в самом деле мне ничего не останется. Медведь посмотрел на меня и перестал тянуться мордой к сумке, но ждал, когда я достану и брошу ему следующий кусок. Он глотал пироги и шаньги не жуя, а я так не мог. Поэтому я успел откусить только от одного пирога, от двух плюшек и от шаньги. Наконец стряпня закончилась, больше нечего было бросать в пасть медведю. В сумке остались только ягоды в газетном кульке. Их в пасть не высыплешь. Поэтому я замешкался. А медведь лапой выхватил у меня сумку из рук, уронил на землю, наступил на неё и зубами разорвал. Ягоды рассыпались и он быстро и ловко собрал их все языком. Потом облизнулся, тряхнул головой, посмотрел на меня, убедился, что у меня больше ничего нет, сел, добродушно промычал и ещё раз облизнулся. «Обжора», – обозвал я его вслух. Он глянул на меня, встал и неторопливо пошёл к воде. Я думал, он запивать пошёл. Но он посмотрел на воду, поозирался, встряхнулся, словно только что вылез из воды, отошёл шагов на семь влево и загляделся на лес на том берегу. И что мне оставалось после этого делать? Я стал планировать в которую сторону мне идти, чтобы выбраться из леса. Солнышко подымалось, возвещая доброе утро, заботливо лаская тёплыми лучами умытую вчерашним дождём землю. Относительно солнышка я решил, что мне надо идти вверх по течению речки – на восток. Это как раз туда, куда подался медведь. К медведю я маленько привык, он уже меня не пугал, но присутствие его оставалось нежелательным. И, поскольку я зашёл в лес где-то на том берегу речки, мне туда и надо вернуться. Но тот берег оставался пока затопленным. Вода спадала не спеша. Остров становился постепенно

длинней. На той стороне тоже стали проглядывать пятна островков суши. Скользко будет мне идти, подумал я. Но полного высыхания земли мне не дожидаться. Я подошёл к воде, постоял немного, раздумывая, как перебраться через речку? Медведь на меня внимания не обращал. Но, когда я, не раздеваясь, не разуваясь стал заходить в воду, медведь ко мне повернулся и медленно направился в мою сторону. Я перешёл речку и оглянулся. Дойдя до места, где я вошёл в воду, медведь последовал моему примеру. «Не отстаёт», – подумал я. Ладно ли это? Мне это не нравилось. Я решил поспешить, чтобы от него уйти. Но оставшаяся на земле вода и скользкая трава мою прыть постоянно сдерживали. Я подобрал палку, чтобы было на что опираться, и пошёл смелей. Но палка попалась прелая и при первом же случае, когда я на неё навалился своим весом, она сломалась и я правым боком плюхнулся в грязь. Отряхнувшись я поискал другую палку. Нашёл не скоро, но нашёл сразу две. Имея в обеих руках по палке я с большей уверенностью двинулся вперёд. И тем не менее, скользя и запутываясь в траве и валёжнике, я падал ещё не раз. Комары о себе забывать не давали. Из-за них вторую палку пришлось бросить, чтоб иметь возможность хоть как-то от них отмахиваться. Медведь где-то от меня отстал. Я шёл прямо на солнышко. Примерно через полчаса под ногами стало относительно сухо. Я отбросил и вторую палку. Вскоре под ноги попалась какая-то тропинка, старая, заросшая. Я постоял на ней, размышляя. Мне очень хотелось идти дальше по ней, но она шла не на восток, а на северо-восток. Решил идти упрямо на солнце. Но, пройдя шагов тридцать, передумал: «Тропа должна куда-то вести. Ведь по ней люди ходили». Вернулся и пошёл по тропе. Вскоре она меня вывела на какую-то старую вырубку, заросшую мелкой порослью, крапивой и малинником. Тропа в поросли часто терялась, а мне этого не хотелось, поэтому я старался смотреть далеко вперёд, чтобы угадать её направление. Посреди вырубки на ворохах преющих сучьев малинник был усыпан спелыми ягодами. Малиновый аромат и соблазнительный вид этих ягод каким-то праздничным туманом окутывал всю мою волю, парализуя всякую боязнь и мысли. Я залез в малинник и с жадностью стал собирать ягоды, горстями отправляя их в рот. Даже если бы я был не голоден, я с не меньшим наслаждением их бы поглощал. Ах, какая прелесть эта малина! Я специально набивал ею полный рот, чтобы всем ртом ощутить её сладость. Спелые ягоды при неосторожном движении сыпались на землю. Вернее не на землю, а на преющие сучья, сквозь которые и пророс малинник. Я забирался всё выше на эту кучу сучьев. Там, на солнцепёке, кусты ломились от спелых ягод и я горстями отправлял их в рот. Они раздавливались и я вымазал соком всё лицо, до бровей. Губы и щёки стали липкими. Я вытирал их тыльной стороной ладони, не обращая внимания на то, что на ней была засохшая грязь, и продолжал освобождать от ягод ветку за веткой. Вдруг я услышал, что передо мной в малиннике кто-то чавкает и потрескивает сучьями. Я приподнялся повыше, раздвинул кусты и увидел своего старого знакомого – медведя. Он ловко слизывал с веток ягоды, как человек раздвигая и поддерживая лапами кусты. У него получалось, пожалуй, быстрее, чем у меня. Я-то собирал ягоды сначала в горсть, а потом только в рот отправлял. А он – сразу в рот. Видимо он так и шёл следом за мной, а я и не заметил. «И ты здесь?» – сказал я медведю. Он добродушно промычал и продолжил своё занятие. Я не стал к нему приближаться, спустился потихоньку пониже и стал выбирать левую сторону малинника. Тут ягод было поменьше, но я почти уже наелся. Просто глаза ещё были голодные. Мне показалось, что позади меня, где-то недалеко, я услышал приглушённую человеческую речь. Не оглядываясь я напряг свой слух и уловил несколько слов: «...инопланетянин малину ест». Я не знал, что такое «инопланетянин», поэтому подумал, что кто-то, кому-то о ком-то, что-то рассказывает. Я обрадовался, что рядом есть люди. Они мне помогут выйти из леса, подскажут как дойти до Лубянки. Но, обернувшись лицом в сторону звуков я ни кого не увидел. Померещилось, подумал я. Набрав очередную горсть малины и собираясь отправить её в рот я услышал хруст ветки. Снова посмотрев в ту сторону я заметил вздрагивающий куст бузины. За бузиной кто-то был.

«Кто здесь есть!?» – крикнул я. «А ты кто?» – поинтересовался в свою очередь мужской голос из-за куста. «Я – Васька... Из Кокошино». Из-за куста показались две мужские головы и дуэтом переспросили: «Васька? Из Кокошино?»

Естественно, на нашу переключку по-своему отреагировал медведь. Он поспешно вылез из малинника на тропу. Мужиков, как ветром сдуло. Только кустики под ногами затрещали. Выбежав на тропу они такого стрекача дали – на тройке не догонишь. Медведь поглядел им вслед, отряхнулся от мусора, набранного на себя в малиннике, сел на тропу и изучающе уставился на меня. «Ну что ты, – говорю, – наделал?» Он зевнул и отвернулся. Ай-яй, какая у него пасть! У меня аж мороз по коже пробежал. Хоть он меня и не трогал, я к нему приближаться боялся. Мне хотелось пойти вслед за убежавшими мужиками. А он сидит на тропе и чего-то выжидает. Тоже, видно, наелся, в малинник не возвращается. А может быть ему не хочется отпускать меня, потому и сидит на тропе? Я потихоньку обошёл его на расстоянии метров в пять, снова вышел на тропу и пошёл не оглядываясь, но прислушиваясь. Медведь зверь осторожный, по лесу умеет ходить неслышной походкой. Я думал он от меня отстал, но, оглянувшись, увидел его идущим за мной. «Чего он от меня хочет? – подумал я. – Почему он меня преследует?.. Вот стану из леса выходить, а он возьмет да и сожрёт меня! А вдруг он за мной в деревню захочет пойти? В Лубянку... Что я с ним делать буду?» Не нужно мне было его присутствие. Вот я бы побежал бегом мужиков догонять, да бес его знает, чего он подумает? Схватит меня убегающего, может и есть не будет, а изменёт только. Вон у него лапищи-то какие!

Вскоре тропа вышла на дорогу, бегущую с севера на юг. Дорога колеистая, неудобная. Я направился по ней на юг. Медведь не сразу вышел на дорогу, на тропе задержался, потому от меня немного отстал, но продолжал плестись следом. Оторвавшись от медведя я ускорил шаг и быстро оказался на опушке. Вдоль леса был полевой склон. Хлеба на нём были убраны. Рядом с дорогой, убегающей вниз от леса поперёк поля, недалеко от опушки стояла скирда соломы. Возле неё толпились мужики, человек семь-восемь. Выйдя из леса я встал лицом к полю, окинул взглядом его ширь и глубоко вздохнул. Вышел! Выбрался!

Мужики, увидев меня, оживились, загалдели и стали руками показывать в мою сторону. Из-под ног их с лаем выскочила собачонка и устремилась ко мне. Собачий лай, это уже что-то родное, подумал я. Где-то здесь и Лубянка недалеко. Собачонка быстро приближалась ко мне. На её лай из леса вышел медведь и сел метрах в двух от меня. Собачонка то ли его не заметила, то ли не сообразила, кто это такой, продолжала бежать, весело заливаясь своим лаем. Медведь встал и сердито зарычал. Услышав и увидев его собачонка вдруг, как ушибленная, завизжала и бросилась обратно к мужикам. А те разом притихли, дружно пятась, отделились от скирды и тоже пустились наутёк, наперегонки с собачонкой. Только один из них не побежал, а встал широко расставив ноги, уставившись на меня. Я потихоньку пошёл к нему, чтобы спросить, далеко ли до Лубянки? Пройдя шагов двадцать-тридцать я оглянулся. Медведь сидел, провожая меня взглядом. Я помахал ему рукой. Он не шелохнулся. Тогда я прибавил шагу. Мужик шагнул мне навстречу. Да это же дядя Серёжа! «Дядя Серёжа!» – закричал я бросившись к нему бегом. Он тоже пошёл мне навстречу. Я сходу хотел броситься к нему в объятия, но он отгородился руками, не допуская меня к себе.

«Ты чего, – говорю, – дядя Серёжа?» А он взял меня за руки и говорит: «На кого ты, Васька, похож? Весь в грязи, как пегашка. Лицо, после малины, что ли? Разноцветное всё. А волосы... слиплись от грязи, торчат, как антенны. Не зря тебя мужики за инопланетянина приняли». Я вспомнил слова, которые в лесу услышал: «инопланетянин малину ест». Так это, выходит, про меня они говорили. Тут я посмотрел на себя. Действительно – весь в грязи. А на штанах и на рубашке грязь висела засохшими корками. Руки были чёрными от грязи да малинового сока, ладони синие. Ну, думаю, и лицо, наверное, не очень симпатичное.

«А ты что, Васька, колдуном стал, что ли? – спросил дядя Серёжа. – Как тебя медведь-то не сожрал?» – «Не знаю», – ответил я и оглянулся на опушку. Медведь по-прежнему сидел

и смотрел на нас. Дядя Серёжа взял мою правую руку и зашагал вниз по дороге, прочь от медведя, увлекая меня за собой, как провинившегося. Я еле за ним поспевал.

«Откуда ты здесь в лесу оказался?» – спросил он меня на ходу. «Я к тебе шёл, – говорю, – соскучился». – «И что за дорогу ты выбрал?» – «Обыкновенную дорогу. Просто меня дождь в лесу застал. Вон какой был сильный – я и заблудился». – «Дождь-то вчера был. Ты что, в лесу ночевал, что ли?» – «Ночевал», – говорю. «Ну ты даёшь, Васька! А с медведем-то когда ты успел подружиться?» – «Так спал я с ним». – «Спал!?» Дядя Серёжа остановился и посмотрел мне в глаза – вру я или не вру? Я ещё раз оглянулся на опушку. Медведь всё сидел. Его уже плохо было видно, но я всё равно помахал ему рукой. Дядя Серёжа тоже посмотрел на опушку, потрепал меня за грязные вихры и сказал: «Айда-ка поскорей купаться» и потащил меня дальше. У речки нас ждали мужики. Они видели, как я попрощался с медведем, потому один из них спросил: «Ты почто, Васька, медведя с собой не взял? Вон он как грустно с тобой расставался». – «Ха, – говорю, – вы от него вон как улепётывали. А если бы я его в деревню привёл вы бы от него под кровать спрятались?» – «В сундук», – ответил мужик. Все рассмеялись. Дядя Серёжа тоже смеялся, а подходя к воде велел мне раздеваться и лезть в воду, а сам взялся стирать мои штаны и рубашку. Развесив моё бельё на кустах сушиться, он тоже полез в воду купаться. Мы долго и весело бултыхались и резвились в воде, брызгаясь и гоняясь друг за дружкой. Мужики купаться не стали, ушли. А мы, наплескавшись вволю, вышли на берег, уселись на траву ждать, когда высохнет моя одежда. Дядя Серёжа попросил: «Ну, давай, рассказывай всё по порядку». – «А чего рассказывать-то?» Мне стыдно было, что я заблудился и пришёл к нему без гостинцев. «А ты не скромничай. Раз в лесу ночевал, значит есть что рассказать».

Ну я всё по порядку и рассказал.

«Так ты говоришь видел, как над лесом во время дождя проплыл огненный шар?» – «Видел», – говорю. «Долго он летел, медленно. А потом куда-то делся, вроде как упал». – «Вот этот шар мужики и приняли за НЛО». – «Какое НЛО?» – «Неопознанный Летающий Объект. А сегодня собрались и пошли в лес, искать, где он приземлился? Ну и я к ним примкнул. И вот двое на старой вырубке увидели инопланетянина. Не успели они его толком разглядеть, как на них напал медведь. Чуть живые из лесу прибежали. Целый час отдышаться не могли. А мы обследовали поляны, ничего не нашли. Только собрались у скирды, тут ты и вышел из лесу, – немного помолчав добавил, – с медведем».

Дядя Серёжа поднялся и стал одеваться.

«Ты, Васька, сам виноват, что заблудился», – сказал он. «Наверно», – ответил я, пожимая плечами. «Не наверно, а точно. Ты на небо глядел, когда искал дорогу?» – «Так солнышко тучи спрятали». – «А кроме солнышка другие ориентиры есть». – «Какие?» – «Ветер, например. Перед дождём всегда ветер бывает». – «А ветер-то на небе, что ли?» – «Чудак. В лесу не сразу поймёшь откуда дует. А по вершинам деревьев всегда видно, куда дует». – «А я и внимания не обратил откуда тучи навалились – с юга или с запада». – «Ты вообще не обращал внимания на ветер и петлял по лесу, а может и просто кружил на одном месте. А мог бы относительно ветра двигаться в одном направлении и выйти куда-нибудь в луга или в поле». – «Не догадался я, дядя Серёжа». – «В следующий раз умнее будь. Из лесу надо выходить в одном, конкретном направлении, а не как попало. И, заходя в лес, не надейся на солнышко, обязательно запомни откуда дует ветер. Ну ладно. Натерпелся страху-то, говоришь? А медведь тебе добрый попал. Медведи, как и люди, всякие бывают – добрые, недобрые. Обидит человек медведя – от него уже добра не жди. Этого, видать, никто пока не обижал, вот и он никого не обижает. Тебя не тронул и за мужиками не погнался».

Тут я вспомнил слова мужиков: «инопланетянин малину ест». Они до сих пор у меня в ушах. «Дядя Серёжа, – говорю, – а ты видел инопланетян?» – «Нет». – «А какие они?» – «А их никто не видел и никто не знает как они на самом деле выглядят». – «Они тоже люди?» –

«Нет. Человек – это единственное и неповторимое явление во всей вселенной. И если есть где-то на других планетах живые разумные существа, они никак не могут быть похожими на человека». – «Почему?» – «Потому что... во-первых, у каждой планеты или звезды свои условия для развития жизни. А одинаковых условий во вселенной не может быть, потому что все планеты и звёзды находятся друг от друга на разном расстоянии, имеют разную величину и разную взаимосвязь и взаимовлияние. Всё разное – и температурный режим, и состав атмосферы, и её плотность, и давление, и сила тяжести, и магнитное поле, и наличие разных энергий, и... всё, в общем, разное – и жизнь разная. Во-вторых, даже у нашей Земной природы в распоряжении – миллионы различных форм организмов. Человек, как форма живого разумного организма на Земле не единственно – окончательна, а во вселенной – тем более. Человек случаен и неповторим». – «А как же меня мужики за инопланетянина-то приняли?» – «По своей неграмотности».

Мы потихоньку пошли домой, не прерывая разговора. Но дядя Серёжа остановился, что-то обдумывая. Я поглядел на него, но ничего спрашивать не стал, чтобы не ломать его мысли. Дядя Серёжа думал всего с полминуты.

«А знаешь, Васька, ты меня на открытие навёл». – «На какое?» – «Почему тебя мужики за инопланетянина приняли? Да потому, что человек привык всё строить по своему подобию. Бог, чёрт, леший и прочие персонажи. Никто их никогда не видел, потому, что их не существует, а рисуют их в образе человека. Что такое кикимора? лягушка. А художник изображает её в виде уродливой старухи. Вот по инерции мужики и инопланетянина представили в образе Васьки. А на самом деле, если и есть где-то на других звёздах жизнь, разумные существа, они ни как не могут быть похожими на человека. Человек создавал себя в Земных условиях, при наличии определённого состава воздуха, воды, определённой температуры и определённом давлении, при определённой силе тяжести, определённом солнечном воздействии на организм и при многих определённых условиях, свойственных Земле. Каждая звезда и планета имеет всё это своё. И ни Земное, ни инопланетное не может жить в чужих условиях. И форма организма иная, потому, что форма зависит от условий. Даже вот мы с тобой, Васька, разговариваем, пользуясь каким языком?» – «Русским». – «Нет. Я не о том. Мы пользуемся звуковым языком. А ты видел, как общаются глухонемые?» – «Видел, – говорю, – жестами». – «Вот видишь? Язык бывает не только звуковой. Многие животные и даже насекомые общаются, обходясь без звукового языка, и понимают друг друга. Звуковой язык – это Земной язык. А какой язык у инопланетян?» – «Не знаю». – «Никто не знает. Может быть они пользуются каким-то видом энергии, который нам неизвестен, а может быть который даже и существует на Земле. А между тем многие русские думают, что инопланетяне говорят по-русски, а англичане – что по-английски. А кроме того... у человека есть руки, ноги, голова, два уха, два глаза, нос и рот. И человек думает, что всё это должно быть у инопланетянина. А почему это всё должно быть у инопланетянина?»

Я молча слушал, обдумывая рассуждения дяди Серёжи. «Даже на Земле не всё живое, думал я, имеет две ноги и две руки, хотя остальное у всех есть».

«Ну вот у человека две ноги. Для чего ему ноги? Для передвижения. А у лошади для этого четыре ноги. У сороконожки – сорок. А у змеи – ни одной. Даже на Земле для разумного существа две ноги – не закон. А руки? Их тоже две. А у обезьяны – четыре. Конечно, чем больше, тем лучше. Значит и две руки – не закон. Вот голова у всех одна. Хоть и есть у русских пословица: «одна голова хорошо, а две – лучше». Но природа умней человека. Она наделила его одной головой. Чтоб он всегда приходил к одному конкретному решению, а не к двум. «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». Для чего человеку голова? В ней спрятаны мозги – руководящий центр организма. Вот я пока разобраться не могу – что, где и как? У всех подвижных организмов два руководящих центра – инстинкт и интеллект. Ну, интеллект – в голове, в мозгах. А инстинкт где?» Дядя Серёжа пожал плечами и на некоторое время замолчал. «Почему, – спрашиваю, – у всех подвижных организмов? И у животных, и у рыб, и

у насекомых?» – «У всех, Васька, у всех. И у собаки, и у окуня, и у змеи, и у комара. Что такое инстинкт? Это чувства всех потребностей организма, чувства его состояния и предчувствия. А интеллект – это способность мыслить». – «И муха мыслит?» – «А как же?» – «И что она мыслит? И как она мыслит? Я вот, например, по-русски соображаю. А она на каком языке?»

Дядя Серёжа рассмеялся, потрепал меня за плечо и спросил: «А глухонемые на каком языке соображают? Вот нападёт на тебя тигр, ты на каком языке соображать будешь, чтоб удрать от него или увернуться от его лап?» Я тоже засмеялся. «Тут не до языка будет». – «Вот именно. Язык-то у тебя от страха отнимется. А удирать-то ты будешь туда, где безопасней. Это ты успеешь сообразить. Так что интеллекту язык не обязателен. Вот муха захотела есть. Захотела – это инстинкт. А где найти пищу? Нужен интеллект. Она полетела туда, где пахнет пищей. Но она полетела не прямо, а огибая препятствия, чтобы на них не наткнуться. Соображает она, куда летит? Вот она чувствует опасность. Допустим ты хочешь её пришибить. У неё срабатывает инстинкт самосохранения – надо спастись. Как, куда лететь? Нужен интеллект. И она прекрасно соображает, увертываясь от твоей руки и улетаая». – «Понял, – говорю. – А я думал, что соображает только человек». – «Многие так думают, – перебил меня дядя Серёжа. – Все подвижные организмы соображают. Соображают, конечно, по-разному. Полнее всех соображает человек. Благодаря труду и речи человек постоянно совершенствует логику, делится ею друг с другом и обогащает общечеловеческое сознание. И вот, овладев логикой, проще говоря, научившись правильно и надёжно соображать, человек выделился из общего числа земных животных, оставаясь в то же время обычным млекопитающим... с одной головой».

Я улыбнулся и тут же вспомнил выражения «двуглавый орёл», «шестиглавый змей», и напомнил дяде Серёже об этом. Он тоже улыбнулся, отвечая: «И «двуглавого орла», и «шестиглавого змея» люди придумали для эффекта или для устрашения. Это человеческая фантазия, вымысел. Это, Васька, не к сегодняшнему разговору. Мы сейчас с тобой рассуждаем о том, чем наделила человека природа. У него, как у всех живых существ на Земле, одна голова, два уха, два глаза, один нос и один рот. Я не знаю подлинной истории развития жизни на Земле, так сказать, эволюции млекопитающих. Могу только высказать шуточное предположение: природа предусмотрела необходимость двух ушей и глаз на всякий случай. Допустим одно ухо или глаз откажут, есть ещё одно ухо или глаз. Иначе как ориентироваться в пространстве? Ну конечно, было бы лучше если бы у нас было семь ушей и восемь глаз. Мы бы, наверное, лучше слышали и видели. Значит два уха и два глаза для разумного существа – не закон? А один нос? На Земле дуют ветры в одну сторону, а не в семь-восемь одновременно. Стало быть достаточно одного носа, чтобы учуять запах пищи. Да и бежать, Васька, в разные стороны неудобно. Поэтому разумному существу достаточно одного носа. А рот? Сколько корней у растения? Каждый корень это – рот. Для чего рот? В первую очередь для принятия пищи. Что такое пища? Пища – это строительный материал для построения и ремонта организма. Видишь? И один рот для разумного существа – не закон. Человек в его форме – это чистейшая случайность, результат развития организма в Земных условиях, при наличии Земных возможностей для труда и развития звуковой речи. На других звёздах и планетах свои условия и возможности для развития организмов. Значит и форма живых существ своя, не человекообразная, а какая-то другая, совершенно не похожая на человека. Да и материал для построения организма свой, не Земной, а наличествующий на той планете и имеющий свои условия для химических преобразований в живое тело».

Я не всё понимал в рассуждениях дяди Серёжи, но не перебивал, стараясь вникнуть. Мне нравилась его увлечённость в построениях собственной логики.

«Ну а главное, Васька, надо помнить то, что человеку не суждено увидеть инопланетян в любой их форме по причине непреодолимого расстояния между планетами имеющими жизнь». – «Ни на какой ракете?» – «Ни на какой, Васька. Для перелёта с планеты, имеющей

жизнь, на другую планету, имеющую жизнь, потребуется не одна тысяча лет, потому что такие планеты находятся в разных солнечных системах».

В это я охотно поверил. Подходя к деревне я почувствовал в руках и ногах слабость и не мог глубоко дышать – в груди больно было. Я положил ладонь на грудь, попытался глубоко вздохнуть и отстал от дяди Серёжи. Он оглянулся и спросил: «Что с тобой, Васька?» – «Дышать не могу. Больно». – «Ничего. До свадьбы заживёт. А ты при вдохе руки поднимай вверх и грудь расправляй. Ну-ка, попробуй». Я попробовал – всё равно больно. «До дому-то дойдёшь?» – спросил он. «Дойду», – говорю. «Ну пошли». Мы потихоньку двинулись. Деревня располагалась на пригорке вдоль полей одной длинной линией. Посередине, в сторону лугов, на склоне к речке, у деревни – «отросток» из нескольких домов. Отросток этот называется «прогоном». По нему стадо в луга гоняют. В этом прогоне и жил дядя Серёжа – третья изба с края. Заходя в прогон я увидел, что все люди прогона толпились у своих изб, глядели на нас и о чём-то переговаривались. Я дышал с трудом и мне было не до них. Дядя Серёжа тоже чем-то своим был занят. Мы спокойно вошли во двор, потом в избу. Дядя Серёжа сходу стал собирать на стол. Мы поели, потом дядя Серёжа велел мне залезть на русскую печь, а сам куда-то вышел. Я забрался на печь. Меня слегка знобило. Я прижался к горячим кирпичам, закутался в какое-то старое большое пальто и уснул. Через какое-то время меня разбудили чьи-то женские руки, ощупывавшие мой лоб и грудь. Я открыл глаза. Незнакомая женщина приветливо смотрела на меня и продолжала шарить своими мягкими пальцами по моему телу. Пощупала у меня за ушами, подавила слегка на глаза, повертела мою голову, потом стала меня прослушивать. Прослушала грудь, спину и сказала: «Воспаление лёгких». – «Летом? В июле? Воспаление лёгких?» – удивился дядя Серёжа. «Не удивляйтесь, – сказала женщина. – Летом проще простыть, чем зимой. Мы же летом меньше бережёмся. Потный, разогретый напился из родничка или квасу из погреба, а ещё хуже – холодного молока... После мёда, после малины нельзя холодное пить или купаться».

Ну, я, конечно, понял, что меня щупает врач, что у меня воспаление лёгких из-за того, что я съел много малины, а потом хорошо покупался. Врач мне поставила укол, что-то наказала дяде Серёже и ушла. А вскоре пришла с работы тётя Тая. Уж она-то за мной ухаживала как за маленьким ребёнком. Приготовила какой-то отвар, напоила меня, закутала тряпками и сказала: «Потей. Жарко будет – не раздевайся. Тряпки смокнут от пота, скажи – я сменю».

Тётя тая, по-моему, в ту ночь не спала, всё вокруг меня хлопотала – часто поила медовым чаем, хотя я и не просил пить; меняла пропотевшие тряпки, кормила меня, как ребёнка, с ложки. В общем, к утру боль в груди унялась, осталась слабость в теле и шум в голове. Утром, уходя на работу, тётя Тая велела мне больше лежать на печи. Ни в коем случае не собираться домой. Объяснила мне, где и что есть и пить. Ну а если я не послушаюсь, она меня любить не будет.

«А за что, – говорю, – меня любить? Это уж вы дядю Серёжу любите». Тётя Тая улыбнулась. «Глупый, – говорит, – ты ещё, Васька. Ну конечно я дядю Серёжу люблю. Любовь любви – разница. Дядю Серёжу я люблю за одно, тебя – за другое». – «Это за что же?» – спрашиваю. «Ты смекалистый, смелый, безотказный, не хулиганистый, добрый, ласковый. В общем нравишься ты мне вот и всё».

Тётя Тая мне была по душе. Ну конечно, я её послушался, остался у них ещё на сутки. А дядя Серёжа, уходя на работу, посоветовал мне заниматься упражнениями. «Вот так, вот так... Двигайся больше – в движении быстрее боли проходят. Ты когда-нибудь молотком по пальцу попадал?» – «Бывало», – говорю. «Ну и что после удара ты делал?» – «На одной ножке, – говорю, – прыгал, да рукой тряс». – «Вот видишь? Сама природа подсказывает, что надо делать, когда тебе больно».

Ну, я целый день и делал всякие упражнения. Устану – посижу, полежу и опять... После обеда я уже чувствовал себя лучше. Между упражнениями ходил по избе и разглядывал раз-

вешанные по стенам тёткины Таины вышивки и вязания. У дяди Серёжи большая полка с книгами. Летом читать почему-то не хочется и я к полке не подходил. Но разглядев все вышивки и вязания, как-то неохотно подошёл и к полке. Среди книг я нашёл толстую тетрадь с какими-то записями дяди Серёжи. «Уж не стихами ли он занимается?» – подумал я. Взял тетрадь и стал листать. Нет, стихов я в ней не нашёл. В тетради были наспех записанные мысли и рассуждения дяди Серёжи. Подчерк у него не сказать, чтоб блестящий, но если внимательно приглядеться, в записях разобраться можно. И я попробовал прочесть хоть одну его «мысль».

«Человек не был задуман природой, как последняя и окончательная форма организма. Человек – это продукт эволюции, всего-навсего очередная пробная стадия из тех сооружений, какие создаются генами. Человек, как одна из форм организмов, не окончателен и не вечен. Изменяются условия на Земле и природе понадобится другая форма организма, способная жить в новых условиях, в которых не сможет выжить человек, как несовершенная форма».

Мне вспомнилось, как мы, выйдя из подземелья, лежали на сене, томимые голодом, ожидая возвращение женщин, убежавших от нас, и дядя Серёжа развивал философию о бесконечности мира. Развивал философию, рождённую страхом. Чем же рождена у него эта философия? Я, конечно, из прочитанного не всё сразу понял. Потому, немного подумав, прочитал ещё раз и опять занялся упражнениями. Но делая их, не переставал думать о прочитанном, а потому стал путаться в движениях. Махнув на упражнения рукой я вернулся к тетради и стал читать дальше: «Человек, как и всякая, не оправдавшая себя форма организма, будет изменяться, в виду изменения условий на Земле. Не надо думать, что человек сам меняет условия на Земле и этим сам себя губит. Хотя это конечно может произойти. Но это не единственный путь к дальнейшей эволюции организма, не единственный путь к краху его формы, его совершенного организма. Есть другие факторы, настоятельно зовущие природу к усовершенствованию этого «сооружения». Человек всецело отдался интеллекту, принижая значение инстинкта, что противоречит закону природы. В этом пожалуй бОльшая опасность, нежели создаваемые им физические опасности – нарушение уравновешенных природой естественных условий – загрязнение воздуха, отравление запасов питьевой воды, загрязнение океанов и суши. Биологическая жизнь во Вселенной вечна и бесконечна, как сама вселенная. Мы не знаем где её начало, как не знаем, где начало Вселенной. Неверно считать гены началом организмов, ибо сами гены имеют не менее подобное начало. Как и наименьшая частица материи, которую познал человек, не является началом тела, ибо сама имеет начало. Всякое начало не имеет начала, ибо всякое начало – есть, по сути, продолжение».

Гм, подумал я, какая игра слов. Но в ней надо разобраться. И опять я повторил только что прочитанное. И всё мне стало ясно. Тогда я решил прочесть следующую запись. Следующая запись напоминала хвалебное письмо кому-то, но написана была таким торопливым подчерком, что местами я затруднялся с прочтением. Тем не менее, не сразу, но я разобрался.

«О, Великие Труженики(!), создавшие мой организм! Кто вы? Гены? Не знаю, кто вы. Но знаю, что вы Великие, способные, грамотные, чудесные, умные, трудолюбивые, неутомимые. Какие прекрасные, разнообразные, какие громадные(!) по своим размерам вы создали организмы! Какую жизнь вы подарили Земле! Кто вас воспитывал чувству прекрасного, которым вы блещете при создании своих, таких чудесных сооружений-организмов? Кто вас учил таким точным наукам? Какой техникой вы снабжены для создания таких громадных сооружений? Доступно ли человеку получить ответы на все эти вопросы без ваших признаний? Сумеете ли вы подсказать человеку в его поисках ответов на эти вопросы? А человек ищет ответы. Ищет вот уже много, много лет. Для чего ищет? Наверное хочет быть таким же умным, способным, великим, как и вы. Человеку трудно разговаривать с вами – его с вами разделяет слишком огромное расстояние между вашими размерами и его».

Не от вас ли человек заимствовал волю для преодоления таких расстояний? Нет сомнения, что человек наделён многими качествами, которыми обладаете вы, потому что он – ваше

детище. И вы, именно вы его наделили всеми его качествами. На что способен человек? Пока не более того, на что способны вы. В природе всё передаётся от малого к великому. В этом суть инерции природы».

Я перелистнул обратно к началу записи и представил, как дядя Серёжа приветствует великих тружеников – своих создателей. Вскинул руки вверх, словно обращаясь к Богу с молитвой, и торжественно произнёс: «О, Великие Труженики, создавшие мой организм!» И, немного постояв в этой позе, решил поскакать на одной ноге, да увидел, что в окна с улицы на меня смотрят – Алёшка, мой ровесник, который живёт напротив, его бабка и ещё какая-то женщина. Я, конечно, смутился и скакать раздумал. Они же, в свою очередь, поняв, что я их заметил, отошли от окон. Немного походив по избе, я подумал: день в разгаре, на воле тепло, чего мне взаперти сидеть? Пойду, погуляю. Вон и Алёшка кстати – с ним поиграю. Других друзей в Лубянке у меня пока нет, а с Алёшкой мы познакомились. Вышел на улицу. Алёшка расхаживает под окнами своей избы. Я его окликнул: «Эй, Алёха, иди поиграем. У нас под забором тень, а у вас там жарко». – «Нет». – «Что, нет?» – «Не пойду я к тебе». – «Почему?» – «Ты колдун. Ты дьявол». – «Это кто тебе сказал?» – «Сам я видел». – «Что ты видел?» – «Как ты колдуешь – руками машешь, в книжку заглядываешь». – «Так я упражнения делал. Болею вот, лечусь». – «Лечатся лекарствами да таблетками, а ты колдун». – «Ну что ты заладил: колдун, колдун. Ну какой я тебе колдун?» – «Ты медведя приколдовал. Вы с дядей Серёжей дерево уронили, вы из-под земли вылезли. Дьявол ты! И дядя Серёжа – дьявол». – «Да брось ты ерунду городить!» – «Ничего не ерунду... Ты на тучах в преисподнюю летаешь. С чертями советуешься. Сам Сатана – твой дядя. Не хочу я с тобой играть».

Смешно мне стало над Алёшкой. Я засмеялся и почувствовал в груди колющее. Решил потянуться и глубоко вздохнуть. Мои движения для Алёшки были неожиданными – не только непонятными, но и странными. Ведь он и вправду думает, что я колдун. Он торопливо юркнул в калитку и больше не появлялся ни на улице, ни, даже, в окне. Я пошёл к забору в тень, но тень была короткая, от солнышка меня не скрывала, и я, немного походив вдоль забора, вернулся в избу, там было попрохладней. В общем, день я кое-как скоротал. Первой с работы пришла тётя Тая и сходу взялась за стирку, поинтересовавшись моим здоровьем. Я сказал, что чувствую себя хорошо. Она была рада. На скорую руку напекла блинов и начинила их творогом, сдобренным сметаной, мёдом и малиной. Дядя Серёжа к ужину запаздывал. Тётя Тая усадила меня рядом с собой и попросила рассказать поподробнее, как я заблудился в лесу, как ночевал, что видал и испытал. Мне не охота было рассказывать эту историю ещё раз. Ведь я подробно рассказал всё дяде Серёже, а уж он, наверное, ей уже всё это поведал. Но она очень меня упрасивала – мол, дядя Серёжа рассказал вкратце, без подробностей. Пришлось рассказывать. Тётя Тая охала, качала головой, Шлёпала себя руками по бёдрам и приговаривала: «ужас», «ужас». Пришёл дядя Серёжа, умылся и мы сели за стол. Он спросил: «Зарядку делал?» – «Целый день». – «Ну и как?..» – «Чувствую себя хорошо». – «Молодец!»

Когда ели блины дядя Серёжа восхищался: «Какая прелесть! Ты, Васька, чаще к нам в гости приходи, чтобы тётя Тая почаще так вкусно стирала».

Блины были действительно очень вкусными. Но тётя Тая ела и, видимо, всё размышляла над моим рассказом – почти после каждого блина повторяла своё: «ужас», «ужас». «А что за ужас-то? – спросил дядя Серёжа. – Ужас, как вкусно, что ли?» – «Да у меня всё из головы не выходит, какие страхи в лесу Вася испытал». – «Да-а-а, – протянул дядя Серёжа. – Ну, слава Богу, всё хорошо обошлось. Вот только простыл малость. Ну ничего, пройдёт». – «Это у него с малины, – сказала тётя Тая. – Нынче в лесу малины много». – «Это я виноват, – сказал дядя Серёжа. – Не надо было купаться, а мы с ним столько времени в воде булькались».

В общем, почти весь вечер разговоры крутились вокруг моего приключения. Только перед сном дядя Серёжа сходил на волю покурить, а когда вернулся, я ему признался, что без его разрешения брал его тетрадь, интересовался записями.

«Ну и что ты там понял?» – спросил он. «Понял, – говорю. – Я не всё читал, а немного с начала. У меня вопрос после того в уме вертится. Правда я его не сам придумал. У нас в школе парни этот вопрос долго мусолили, а ответить не могли. Не нашли...» – «И что же это за вопрос без ответа?» – «Кто раньше на свет появился – курица или яйцо?» – «Детский вопрос, Васька. Яйцо. Запомни и дружкам так скажи». – «А яйцо кто снёс?» – «Тот, кто был до курицы». – «Как – тот, кто был до курицы?» – «Природа, Васька, совершенствует жизнь... вернее совершенствует организмы. Всё идёт от примитива к сложному. Природа много миллионов лет трудится над построением организмов, всё усложняя и усложняя их». – «Для чего?» – «Для того, чтоб им удобнее было пользоваться условиям, которые организмам достались на Земле. Природа придумала самовоспроизводящиеся и самоснабжающиеся стройматериалами организмы. Самоснабжение у растений совершается через корни да через листья, а у подвижных организмов – через рот. А самовоспроизведение у тех и у других через яйцо». – «Как? И растения, и животные – через яйцо?» – «И растения, и животные, и рыбы, и птицы, и черви, и насекомые».

Я с недоверием посмотрел на дядю Серёжу. «А растения как яйца несут?» – «А семена? Разве это не яйца? Ты думаешь, раз яйцо, значит оно должно быть круглое. А почему оно обязательно должно быть круглым?»

Я представил семена одуванчика и улыбнулся. Дядя Серёжа вопросительно посмотрел на меня. «А яйца-то по ветру способны летать», – сказал я. «Да, Васька. В этом несчастье растительного мира. Растения сами неподвижны, так хоть семена их пусть имеют возможность искать себе подходящие условия – место для жизни. Поэтому растения вынуждены выпускать громадное количество семян. Кто знает, какому семечку повезёт найти удобное место для жизни. Животный же мир – это более усовершенствованные организмы. А значит им и яиц требуется меньше». – «Понятно, – говорю. – А человек?» – «А что, человек?» – «Человек тоже из яйца?» – «Тоже, – улыбнулся дядя Серёжа. – Человек – млекопитающее животное. А млекопитающие яиц не несут. Зародыши из яйца внутри организма выходят и некоторое время там живут, а потом рождаются живыми».

Дядя Серёжа замолчал, ожидая вопроса. Мол, если Васька не понял – спросит. А мне было всё понятно – я не спрашивал. Но, не желая на том прерывать разговор, я задал другой вопрос: «А откуда взялась вся жизнь на Земле». – «Ни откуда». – «Как – ни откуда? Ну, с чего-то же она началась». – «Ни с чего, Васька. У природы ни начала, ни конца нет».

Я вспомнил запись в тетради: «... всякое начало не есть начало, а есть продолжение». И тут мне захотелось дяде Серёже возразить. «Дядя Серёжа, – говорю, – а вот у человеческой жизни есть начало и конец?» – «У человеческой жизни, говоришь?» – Дядя Серёжа провёл по лицу ладонью, как бы пытаясь собрать в горсть бороду, и, немного подумав, ответил: «Смерть человека, Васька, это не конец, а смена формы материи, созданной генами. И рождение человека, это не начало, а обновление формы материи». – «Как это понять – «формы материи?»» – «Ну вот... твой организм из чего-то построен, сооружён из определённых материалов. Всё это называется материей и имеет определённую форму. Когда ты умрёшь, этот материал, из которого ты построен, никуда не денется, а форма исчезнет. Материал же природа использует для чего-то другого. Ну, например, ты станешь удобрением для берёзы. Материал, из которого ты был построен, будет иметь уже не форму человека, а форму берёзы. Ну, а при рождении – там всё как бы наоборот». – «Понятно, – говорю. – А вот, что у природы нет начала и конца, трудно поверить». – «Вот если верить в начало и конец, Васька, можно выдвинуть такую гипотезу. Вот ты знаешь – на все продукты питания непрошенной гостьей лезет плесень. Откуда она берётся? Просто весь воздух на Земле насыщен спорами плесени. Точно так же всё межмолекулярное пространство во вселенной насыщено какими-то биологическими примитивами, способными создавать жизнь в молекулярной среде. А Земля, она на месте не стоит, несётся по вселенной, собирая и рассеивая по пути эти биологические примитивы. Но и эта гипотеза больше дока-

зывает не начало зарождения жизни на Земле, а вечность и бесконечность природы. Лично я никому не советую искать начало и конец чего-либо. Ни того, ни другого не существует».

Мы думали тётя Тая нас не слушает, прибирается да посуду моет, а она взяла да и встала в наш разговор свои «пять копеек»: «А по-моему всё началось с сотворения мира и закончится светопреставлением». – «А вот об этом мы с Васькой забыли подумать, – сказал дядя Серёжа, весело подмигнув мне. – Сотворение мира, дорогая Таечка, это не начало, а продолжение, потому что до сотворения был Бог. А светопреставление, это тоже не конец, потому что после него опять-таки останется Бог».

«Дядя Серёжа, – говорю, – а вот на белом свете всё совершается и делается по воле Божьей, так бабушка говорит. А для чего Богу светопреставление?» – «О, Васька! Какой ты серьёзный вопрос мне задал! А ведь на этот вопрос и поп вряд ли ответит. Тут, не подумав, можно ещё и неверно решить. А наверное светопреставление Богу понадобится, чтобы всё начать сначала». – «И вовсе не для этого», – возразила тётя Тая. «А для чего?» – повернулся к ней дядя Серёжа. «А для того, чтобы грешников наказать». – «Вот как?! – удивился дядя Серёжа. – А за одним и безгрешных туда же? Несправедливо однако». – «А безгрешные будут отвечать за грешников». – «Это когда же безгрешные успели столько задолжать грешникам?» – «Когда-никогда – а просто, чтоб никому не повадно было грешить на белом свете. Вот и всё». – «Ну что ж, Васька, при такой логике надо жить да больше грешить – всё равно будешь наказан». – «Я вам дам, грешить! – погрозила нам пальцем тётя Тая. – Это не я придумала. Это Семёновна мне такое внушала».

Семёновна – это Алёшкина бабка, которая за мной в окно подглядывала. Ну конечно тётини Таины вставки в наш разговор мы всерьёз не восприняли. Летом ночь наступает не спеша, но торопясь проходит. Поэтому мы легли спать засветло. К тому же предыдущую ночь тётя Тая из-за меня не спала. Они легли на кровать, а меня затолкали на печь. Собственно другого места для меня и не было. Они, уставшие на работе, уснули быстро, а я долго лежал и перебирал всякие мысли – не мог заснуть. Наконец стал забываться. Вдруг тётя Тая издала страшный вопль и что-то тяжёлое упало на пол. Я приподнялся и выставил с печи голову. Тётя Тая как-то странно ворочалась возле кровати, а дядя Серёжа торопливо соскочил к ней.

«Что с тобой?!» – спросил он. Тётя Тая стонала, не отвечая на вопрос. Дядя Серёжа снова спросил, помогая ей подняться: «Ну, что случилось? Что с тобой?»

Тётя Тая села на край постели, потирая ушибленный локоть. «Кошмар, – сказала она, тяжело дыша. – Кошмар приснился». – «Ты ушиблась?» – «Конечно ушиблась». – «Я что ли тебя столкнул?» – «Да нет. Приснилось...»

Дядя Серёжа сочувственно суетился возле тётки Таи. Хотел потрогать её ушибленную руку, но она его отстранила, слегка постанывая. «И надо же...» – «И что тебе приснилось?» – «Понимаешь... М-м-м-м-м... что мне Вася вечером рассказал, почти всё то и приснилось. Малина, медведь». – «А рука?..» – поинтересовался дядя Серёжа, видя, что она не отпускается от локтя. «Да ничего. Пройдёт. Ушибла».

Дядя Серёжа увидел, что я тоже не сплю – засмеялся. «Ну, Васька, ты в лесу жив остался, а тётя Тая дома, на кровати чуть не погибла». Тётя Тая улыбалась, морщась от боли. «А я ведь, тётя Тая, не хотел рассказывать. Ты сама меня упросила», – сказал я, оправдываясь. «Да я, Вася, ничего..., никого не виню. Спите. Ну ушиблась маленько. Пройдёт».

Я вспомнил, как мужики дали стрелача из лесу, увидев медведя. Тётя Тая так же, наверное, во сне рванула и оказалась на полу. Вроде и смешно, а и некрасиво смеяться над чужой бедой. Тётя Тая отпустилась от локтя и покрутила рукой. Потом осторожно легла на правый бок. Дядя Серёжа прикрыл её одеялом и тоже лёг рядом. Я опять долго не мог заснуть. А утром мы все проснулись как-то разом. Мы с дядей Серёжей поинтересовались тётиной Таиной рукой. «Ничего, ещё можно падать», – пошутила она.

Мы на скорую руку перекусили хлеба с молоком и разошлись – они на работу, а я – домой. Из Лубянки в Кокошино идти прямой, чем в Мякошино, но я решил зайти сначала к бабушке. Всё равно мамы дома пока нет, она сейчас на работе. Бабушка меня встретила сердито. «Ты где шляешься, шалопай? Дома работы по горло. Мать не успевает – помогать ей надо. Ты уж большой, к хозяйству привыкать пора». – «Я к дяде Серёже ходил. Соскучился», – оправдывался я. «Ходил... Ходил он...», – ворчала бабушка. – Люди вон почему-то про тебя несурязицу всяку плетут. Опять аль чо натворил?» – «Какую несурязицу?» – «Говорят, ты медведя приручил, ходишь с ним по Лубянке, на балалайке играешь, а медведь пляшет». – «Шутишь, бабушка? Я балалайку-то и в руках никогда не держал, и играть не умею». – «Знаю я это. Оттого и не поверила. Только не зря болтают. Опять что-то натворил?»

Бабушка уставилась на меня. – «Ну, что молчишь? Говори». – «А что говорить-то?» – «Где был? Что с тобой стряслось? Дядя Серёжа, небось, на работе. А тебя три дня дома не было». – «Прихворнул я, бабушка». – «Прихворнул? А медведь причём?»

Не хотел я бабушке рассказывать всего, чтобы не пугать да не расстраивать, но помаленьку, потихоньку почти всё и рассказал. Заохала, заохала бабушка, засуетилась, завздохала. «Господи! Да что это за напасти на тебя, Васька? Уж и боюсь я за тебя. Добром ли всё кончится? И на кой черт тебя понесло в Лубянку? Дался тебе этот дядя Серёжа». – «А при чём тут дядя Серёжа?» – «Да все беды твои с дядей Серёжей связаны. Вот причём». – «Ну ладно, – говорю, – хватит расстраиваться. Давай, командуй, что помочь-то тебе? Помогу да и домой пойду». – «Хлев почистить надо. Тяжело мне нынче, Вася, с навозом возиться».

Ну, я почистил хлев, во дворе прибрался, слуги на крыше поправил и к вечеру подался в Кокошино. Дома меня мама встретила с ремнём. Не бывало такого.

«Ты где, окаянный, шляешься? Навязали тебя на мою голову! На весь мир меня осрамил и сам худую славу собираешь. Вот я тебя ремнём-то проучу, чтоб ты...»

Мама вцепилась мне в воротничок и начала трепать, будто стараясь изорвать на мне рубашку или сдёрнуть её с меня, забыв, что в другой руке у неё ремень. «Беспутный ты неумя! Да где тебя леший носит?!»

Мне даже смешно стало, как она меня ремнём наказывает, и жалко её. «А ты что, – говорю, – мама, такая расстроенная? Я не собирался тебя обижать, а ты сердисься». – «Ты ещё спрашиваешь, бесстыдник! Ты куда?.. Ты кому чужие пироги скормил?» – «Какие чужие пироги?» – «Какие, какие... Я для Насти Ерохиной на именины настряпала. У неё-то у самой печка неисправна, ремонт в избе. Вечером после работы бабы собрались, а пирогов – кот наплакал. Мне от стыда хоть под землю проваливайся. Ну вот куда ты уволок пироги с плюшками?» – «Медведю скормил», – как-то само собой вырвалось у меня.

Мама отдёрнула от меня руку и, не дыша, уставилась на меня, как на что-то опасное. Я поправил рубашку и виновато глянул ей в глаза.

«Так это правда?» – как-то пугливо спросила она. «Что – правда?» – «Что люди про тебя говорят». – «А что люди про меня говорят?» – «Что ты в Лубянку из лесу на медведе верхом приехал, что тебя Лубянские собаки вместе с медведем чуть в клочья не разорвали, что собак из пожарного шланга поливали, чтоб тебя спасти, что тебя дядя Серёжа у собак из зубов отобрал и домой на руках унёс, а медведь в лес убежал».

Я стоял, слушал и смеялся. «Эх, какую красивую сказку про меня кто-то выдумал! А может это ты сама придумала?» – «Да нет. Тут всякое про тебя болтают. Я ничему не верю. Только стыдно мне было, что не про кого-нибудь, а про тебя болтают». – «Ну и пусть болтают. Неправда всё это». – «Неправда, что это правда?» – «Правда, что это неправда».

Мама немного успокоилась, бросила ремень на кровать и пошла на кухню. «Откуда же сыр-бор разгорелся? Почему люди к тебе медведя приплели?» – «Ладно, – говорю, – я завтра тебе всё расскажу. На ночь нельзя это рассказывать». – «Это почему же на ночь нельзя? Страшно что ли?» – «Я тёте Тае рассказал на ночь, так она с кровати упала». – «Шутишь?»

Я промолчал. Предстояло в четвёртый раз рассказывать одно и то же. Мне не хотелось. Мама приготовила для коровы пойло. Я взял лохань и направился в хлев. Вылив пойло в колоду я постоял немного возле коровы, погладил её, поглядел, как она пьёт, и вернулся в избу. Мама собирала на стол ужин. Ей, конечно, не терпелось узнать, что со мной случилось? Но я настойчиво откладывал рассказ на утро и она наконец согласилась.

Утром она разбудила меня рано. Я хотел рассказать ей кратко, но она постоянно вставляла вопросы и у меня опять получилось подробно. В отличие от бабушки мама выслушала мой рассказ более спокойно, хотя и было заметно, что она глубоко взволнована и на глазах поблескивают слёзы. Она не бранилась, не вздыхала, только глаза вытирала...

Потом она назадала мне на целый день всяких дел и ушла на работу. Чувствуя себя виноватым я не стал терять время. Почистил хлев, поправил куриный насест, выскреб помёт из курятника, подпёр колом подгнивший столб у забора и направился в огород. Вижу, дружки мои шумной ватагой на речку пошли. Я их окликнул. Увидев меня они попрыгали через городьбу ко мне в огород с криками: «Васька! Ты где пропадал? Когда ты дома появился?» И всем надо было меня пощупать, потрепать, потрясти. «В Лубянку, – говорю, – ходил. К дяде Серёже...» – «А что это про тебя нынче много всякого болтают? Опять что ли с тобой что-то приключилось?»

Ну вот, думаю, ещё раз надо рассказывать. Надоело уже одно и то же. Хватит. Как-нибудь в другой раз расскажу. «Ничего, – говорю, – со мной не случилось. А кто про меня болтает?» – «Да вон Юркин дядюшка вчера из Лубянки приходил. Ну-ка расскажи, Юрка, что он говорил».

Юрка раздвинул ребят, подошёл ко мне ближе и стал пересказывать дядюшкин рассказ: «Пошли, – говорит, – мы с соседом Григорием в лес, посмотреть, как там после вчерашнего ливня? Приходим на вырубку и видим – парнишка медведя малиной кормит. Наберёт пригоршню и сыплет медведю в рот. Как в прорву сыплет. А медведь только облизывается да лапой от комаров отмахивается. Ну, мы решили окликнуть: «Эй, парень, ты кто?» А он и говорит: «Я Васька... из Кокошино». Сел верхом на медведя-то и... в нашу сторону. Ну, мы и вон из лесу-то». – «Красиво, – говорю, – врёт твой дядюшка. А ты, – спрашиваю Юрку, – не поинтересовался. Почему ему захотелось соврать?» – «Почему?» – «Дядюшку спроси, а не меня». – «А вправду, Васька, – перебил Костюнька, – почему это про тебя много всяких небылиц вдруг по деревне пустили?» – «Вот и я вас хотел спросить – почему? Вы ведь дома были, а меня дома не было, я не знаю». Парни пожали плечами и переглянулись. Чтобы не возвращаться к этому разговору, я спросил: «Небось купаться побежали? Я бы тоже не прочь, да вот прошлялся – дела накопились».

Васька Мякука (прозвище такое у Васьки – Мякука) выскочил вперёд: «А какие у тебя дела? Может мы поможем? Давай? Быстро всё переделаем!» – загалдели все. «Ну пошли», – говорю.

Привёл я ребят к грядкам и мы моментально поснимали пасынки с помидоров, посрезали стрелки с чеснока, морковь пропололи. Мне бы одному до вечера хватило, а шалманом-то – вмиг. И мы побежали купаться.

Мы прибежали к Крутому яру и, раздеваясь на бегу, побросав бельё у кустов ивняка, с разбегу бросились в воду. Там омут широкий и глубина приличная – прыгать и нырять удобно. Верхняя часть омута начинается высокой обрывистой кочкой, которая нам служила трамплином, а ниже по течению – удобный пологий выход, а потом берег, поросший мелким ивняком. Там, около мелкого ивняка, мы и побросали своё бельё. Стали прыгать с обрыва, кто с разбегу, кто с места, кто вниз ногами, а кто и головой. Подъехал на мотоцикле какой-то Кокошинский незнакомый молодой мужик и спросил, кто из нас Василий Сыроедов? Я стоял, смотрел на него и думал: что ему от меня надо? Признаваться не торопился. Вовка Мякука, выходя из воды, показал на меня пальцем: «Вот он».

«Так это ты – Василий Сыроедов?» – спросил мужчина меня в упор. Достал из кармана блокнот, авторучку и приготовился что-то записывать. «Я – корреспондент местной газеты. Хочу про тебя написать…» – «А чего про меня писать-то?» – недовольно спросил я. «Ты не пугайся, мальчик, – успокоил он меня. – Я хочу написать о том, что с тобой случилось в Лубянском лесу».

Ну вот, подумал я, ещё один слушатель нашёлся. Я друзьям рассказывать не стал, а тут… И какая мне радость, чтобы весь мир знал, как я заблудился в лесу. «А на вас, – говорю, – пыли толсто и пот на лбу. Давайте с нами купаться, а потом уж я и расскажу».

Корреспондент согласился – ему было и в самом деле жарко. Он разделся и стал прыгать вместе с нами с обрыва. И как-то само собой получилось, что мы стали соревноваться – кто дальше унырнёт. Стали с разбегу нырять и отмечать рекорды. Дальше всех проплыть под водой получалось у Борьки Куляки. Мне не хотелось от Куляки отставать, но у меня не получалось, хотя в воде я чувствовал себя свободно и хорошо ориентировался. Слева у обрыва, с которого мы прыгали, над водой густо нависали кусты ивы, купая в воде свои ветви. Мы разбежались с Кулякой и по команде прыгнули вниз головой в воду. Куляка стал быстро преодолевать под водой расстояние поперёк омута, а я не спеша поднырнул под кусты, незаметно, потихоньку вынырнул у самого берега. Меня никому не видно, а я сквозь кусты вижу весь омут и край обрыва, с которого мы прыгали. Куляка вынырнул на этот раз особенно далеко, а я… Все решили, что я его обставил, коль раньше его не вынырнул, и закричали: «Ура!!! Ай да Васька!» А Васьки всё нет и нет из воды. А что я под кустом сижу, никому и в голову не пришло. Но дольше минуты быть под водой никто из нас не мог, а минута прошла. Все заволновались: «Где Васька?! Нет Васьки. Беда! Братцы, Васька утонул!» Все попрыгали в воду, стали нырять, Ваську искать. А я глядел на них из-под кустов и посмеивался. И вдруг мысль – дай-ка я удеру под шумок от корреспондента. Все настолько увлеклись поисками меня, что я спокойно вышел из воды, взял бельё и ушёл домой. Никто не заметил.

После Вовка Мякука мне рассказывал: «Корреспондент долго нырял и нас заставлял нырять. Мы уж озябли, аж губы посинели, устали. Тогда корреспондент поехал в деревню, привёз дядю Васю Мочалова с рваным бреднем и долго цедили воду, шарили бреднем по дну омута и ниже. Так и не нашли. До вечера балакались. Парни расстроились и пошли домой. А корреспондент с дядей Васей поехали выразить соболезнование матери.

А мы с мамой только сели ужинать, заходят корреспондент с дядей Васей, кепки у порога снимают, мнутся… Глянули на нас. Корреспондент глаза округлил и руками развёл. А дядя Вася плюнул, развернулся и вышел. А корреспондент долго что-то собирался сказать, но, то ли запутался в своих мыслях, то ли вообще их не нашёл. Так ничего и не сказав он извинился, и ушёл.

И всё же корреспондент приезжал не зря. Статью он в газету написал. Мама эту газету приносила, мы читали и смеялись. Статья называлась: «Кокошинский феномен». В статье он «не утверждал» правды в том, что слышал от людей о Ваське-феномене, но был свидетелем, как Васька нырнул в воду у Крутого яра, а вынырнул дома.

Вовке Мякуке было интересно, как это я их тогда обманул?

«Очень просто, – говорю. – Вы смотрели туда, где Куляка вынырнул, и ждали, что я вынырну где-то рядом. А я вынырнул совершенно в другом месте, поближе к нашему белью. Смотрю, а вы на меня никакого внимания не обращаете. Ну, я оделся потихоньку, да и ушёл». – «И всё?» – удивился Мякука. «И всё, – говорю. – А что ещё?»

Вовка поверил. А про кусты я ничего не сказал – решил в секрете оставить.

На третий день после статьи в газете про «Ваську-феномена» в Кокошино приехал по делам дядя Серёжа и ненадолго забежал ко мне. Самолёт у него давно вышел из строя. Дядя Серёжа возился с ним, хотел отремонтировать, да запчастей не было, ничего не смог сделать,

плюнул и переквалифицировался в шофёра. Потом его поставили механиком. И вот он приехал на «газике» и подрулил к нашим воротам.

«Ну давай, Васька, рассказывай, что ты ещё натворил? – сходу попросил он. – Не получается что-то у тебя без приключений». – «Ничего, – говорю, – не натворил». – «Как, ничего? А чего ради тебя через газету стали рекламировать?» – Я улыбнулся. – «А приехал, – говорю, – корреспондент. Хотел, чтобы я рассказал, как я в лесу заблудился. А мне надоело всем одно и тоже рассказывать. Ну, я его и решил надуть». – И я рассказал как всё было. – «Молодец, – говорит дядя Серёжа. – Так его и надо». – «А что, ему писать больше не о чем, что ли?» – «А им, корреспондентам, сенсации нужны». – «Какие сенсации?» – «Особые случаи, заслуживающие всеобщее внимание и интерес». – «А какой может быть ко мне всеобщий интерес?» – «Ну как же, Васька? Вон сколько кривотолков поплыло по округе про твою связь с медведем». – «Да-а-а-а..., – говорю, – действительно. Какой только чертовщины про меня не нафантазировали». – «Ну ладно. А как у тебя здоровье-то?» – «Хорошо», – говорю. – «Ну, тогда я поехал». – «До свиданья, – говорю, – дядя Серёжа».

Дядя Серёжа уехал. Дела у меня, пока что, дома кончились. Схожу-ка, думаю, к бабушке. Зашёл на работу к маме, предупредил, чтоб меня не теряла, и пошёл в Мякошино. Когда по деревне шёл, заметил, что все стараются обойти меня стороной, особенно бабки. И дружки отворачиваются, не приветствуют. Всё ещё на меня сердятся, подумал я. Пусть маленько посердятся. Ну, а бабки – кто их знает? Они всегда своеобразны.

Прихожу к бабушке, она обрадовалась. «Как ты кстати пришёл, Вася! Охота мне в церковь сходить. Уж и не помню, когда последний раз хаживала. А завтра Ильин день. Дедушку твоего помянуть надо. Ты-то его не знаешь, а мне он дорог. И память о нём дорога». – «Проводить что ли тебя до церкви?» – спросил я. – «Да нет. Сама дойду. Клужка у меня на яйцах – присматривать надо. Вот-вот цыплятки вылупятся. Не проглядишь, коль тебя оставлю?» – «Не прогляжу», – говорю. – «Ну и слава Богу», – успокоилась бабушка.

Поболтали мы с ней о том, о сём. Дров к зиме я поколол да под навес сложил. Поужинали – и спать... А утром бабушка разбудила рано. «Ты, Вася, больше не ложись. С печкой я не успела справиться. Вот дрова догорят... Смотри, чтоб головёшек не осталось. Угли и золу сгребёшь в загниётку и поставишь вот эти два чугуна в печь. Пусть до меня стоят. А вот этот чугунок через два часа достанешь и позавтракаешь. Ну, а к обеду-то я приду».

И ушла. А я остался домовничать. Пошуровал кочергой в печке. Сходил в чулан – на клужку посмотрел. Бабушка видно забыла, или не успела, спустить молоко в погреб. Погреб в сених, рядом со входной дверью. Молоко приготовлено, стоит в кринках у западни. Спустился в погреб, составил кринки вокруг кадки с солёными огурцами. Достал из кадки огурец, вылез из погреба, кусая его на ходу, глянул в печь. Дрова догорали, превращаясь в угли. Лишь одно сучклявое полено оставалось головёшкой. Я поколотил его кочергой, но оно явно не хотело превращаться в угли. Ну, думаю, из-за этой головёшки выстужу печь. Закатил её кочергой на совок и вынес в огород за хлев. Надо было засыпать её землёй, чтоб потухла, а я поторопился к печи – надо было её поскорей закрыть, чтобы жар сохранить. Ну конечно, как бабушка велела, загрёб оставшиеся угли и золу в загниётку и поставил в печь чугуны. Прошёлся по избе и думаю – а бабушка без дела по избе не ходит. Я тоже должен быть чем-то занят. А что мне бабушка наказала? Про печь, про чугуны, про клужку. А больше не знаю что. Не то забыл, не то прослушал спросонок-то. Походил, походил по избе – ничего больше не вспомнил. Стал искать, чем бы заняться. Стул у бабушки один разболтался – ножки ослабли. Повертел стул, покумекал, как исправить? Инструмент какой-то надо. А какой у бабушки есть инструмент? В одном углу стоят какие-то строганные, потемневшие от времени брусочки. На них набросаны старые мешки и грязные тряпки. Снял я с брусков эту ветошь и увидел за ними прижатый к стене плотницкий ящик с инструментами. Там были разные рубанки, стамески, бурав, молоток, выдерга и много ржавых гвоздей. Я достал ящик, занёс в избу, встал перед ящиком

на коленки и стал соображать – как воспользоваться этими инструментами, чтобы починить стул? Долго вертел в руках рубанки и стамески, проверял их остроту. Но как ими воспользоваться придумать не мог. Порылся в ржавых гвоздях. Они все были гнутые. Вдруг в нос ударил запах дыма. Я глянул вверх. По сторонам, отовсюду на меня наваливал серым одеялом густой дым. Я вскочил на ноги и оказался в дыму. Закашлялся, присел – за окнами играет пламя. Пожар! – мелькнуло у меня в голове. Выскочил в сени, хотел открыть дверь, чтобы выбежать на улицу, но обжёг ладонь о скобу. Дверь сквозь щели дразнилась языками огня. Я снова вбежал в избу, но там уже не чем было дышать. Схватил кочергу, выбежал обратно в сени и кочергой за скобку открыл дверь. В лицо пахнуло нестерпимым жаром. За дверью бушевало пламя, такое, что близко невозможно подойти. А выхода больше нет. Что делать? Раздумывать некогда. В подполье? Нет. Дом сгорит, рухнет и задавит. Да там испечёшься, как в костре картошка. В погреб? Конечно в погреб. Там глубже и прохладней – не испекусь. И я юркнул в погреб, закрыв за собой западню. Некоторое время я чувствовал прохладу и сырость погреба, но вскоре услышал потрескивание западни. В погребе темно – хоть глаз выткни, но надо как-то ориентироваться. Я начал водить по сторонам руками. Ущупал кадку с огурцами. Раскрыл её и стал ладошкой черпать и брызгать на западню. Ладонка – посудина неудобная. Я вспомнил про кринки с молоком. Нашупал их и плеснул из одной на западню. Но кринка – такая посудина, что больше молока выплеснулось не на западню, а на меня. Тогда я разбил кринку, выбрал черепок побольше и стал им черпать из кадки рассол и плескать на западню. Это оказалось удобней, чем ладошкой. Западня настолько раскалилась, что когда я брызгал, шипела и издавала кислый запах. Вскоре воздух в погребе настолько насытился этим запахом, что у меня закружилась голова и стало тошнить. Прохлада в погребе стала сменяться теплом, оттого тошнота усиливалась. Появилась усталость. Ну, думаю, сгорю. Нельзя расслабляться. Напрягая все свои силы я продолжал брызгать рассол. Огурцы уже не давали его черпать. Я их выкидывал на пол, наступал на них. Вдруг поскользнулся и уронил одну кринку. Молоко разлилось под ногами и ещё больше стало скользко. Вверху что-то затрещало и ухнуло. Западню проткнуло концом горевшего бревна. В погребе стало светло и сразу жарко. Ну, думаю, конец тебе, Васька, приходит! Я уже все огурцы из кадки выкидал и рассол кончился. Но бревно-то надо тушить, иначе от него и дым, и жар. Западня от бревна быстро загорелась и стала посыпать меня искрами. Я вылил из остальных кринки молоко в кадку, смешал его с остатками рассола и стал брызгать на бревно. Слава Богу бревно погасил, а западня на половину успела сгореть и упала в погреб. И её потоптал, чтоб не горела и не дымила. Изба, видимо, в основном сгорела – шуму стало меньше и до моего слуха стали доноситься отдельные звуки человеческой речи. «Люди сбежались, – подумал я, – тушат».

Тушили люди или не тушили, я не видел, только от избы остались одни головёшки, завалившие лаз у погреба, в котором я сидел на опрокинутой кадке и плакал от горя, от стыда и страха. Пока изба горела, в погребе стоял гул, как в бочке – я чуть не оглох. Но вот изба сгорела, гул унялся и наверху стали отчётливо слышны человеческие голоса. Кричать из погреба, просить, чтобы меня освободили, я не думал. Я боялся, что меня накажут и мне было стыдно. Ведь пожар случился по моей вине. Голоса то приближались, то отдалялись. Похоже было, что там, наверху, что-то искали. Но что там было искать? Всё сгорело. Слава Богу, хоть корова и овцы отправлены в стадо. Остальное всё – бабушкина одежда, постель, посуда – всё сгорело. Бабушка теперь нищая. Я сидел и думал – как я буду оправдываться? А зачем оправдываться, коль виноват? Что теперь мне будет? Бедная бабушка! Где теперь она будет жить? Ну конечно, у нас. Куда ей ещё податься? Как она будет переживать! В обморок упадёт, когда увидит сгоревшую избу. А клушка сгорела и цыплятки вылупиться не успели. Тысячи мыслей заполнили мою голову. Оттого в ней стоял какой-то звон, перемешанный с шумом. Горло сдавило от горя и слёзы бежали ручьём. Я перестал обращать внимание на голоса наверху. Сидел, до боли вцепившись в свои волосы и ругал себя. Долго сидел. Наверху всё утихло – люди, видимо, разо-

шлись. В погребе запах рассола смешался с запахом гари. В руках и ногах появилась страшная слабость, смешанная с дрожью. Я явно угорел. Сквозь головёшки, завалившие лаз, звёздочками проникал в погреб летний день. Мне охота было лечь. Но куда? Под ногами грязно от растоптанных огурцов и разлитого молока. Да и пол в погребе оставался холодным. Я положил на пол деревянную крышку от кадки, сел на неё, упершись спиной в стену, и заснул. Слабость переборол. Сидя спать было очень неудобно и я часто просыпался, пытался поменять позу, и снова засыпал. Слабость в теле и шум в ушах долго не проходили. Только под вечер я начал приходить в более-менее нормальное состояние и почувствовал, что хочу есть. В стороне от кадки я нашёл миску с творогом. Долго не решался залезть в миску руками. Про ложку думать не приходилось. Руки были грязные и вымыть их возможности не было. Была не была, поем, что называется, по-свински. Потом я решил, что из погреба надо всё же выбираться. Попробовал вытолкнуть бревно, проткнувшее западню. Не тут-то было – ни силёнок, ни удобства. Стал его расшатывать, чтобы оно упало в погреб и дало доступ к другим головёшкам. Это мне удалось не сразу. Но всё-таки я его уронил. Потом поднялся по ступенькам лесенки, упёрся спиной в головёшки, оставшиеся от западнёнки, и попытался растолкать их по сторонам от лаза. В это время мимо пепелища шли мужики (должно быть с работы), заметили, что головёшки шевелятся, окликнули: «Кто тут?» – «Я», – отозвался я из-под головёшек. «Кто ты?» – «Я – Васька... из Кокошино».

Я думал мужики мне помогут выбраться, но услышал топот убегающих ног. Куда они? – подумал я. Вот бессовестные – помочь не захотели. Меня на миг охватило зло. Я с силой приподнял остатки западнёнки, расталкивая их в разные стороны, и вылез наружу сам. Выйдя из погреба я побежал прочь от деревни. Естественно, побежал домой. Но, отбежав с полкилометра от Мякошино, одумался – как меня мама встретит? А там и бабушка... Страшный стыд меня остановил. Постояв немного на месте я направился в Лубянку, к дяде Серёже. День был на исходе. По дороге мне могли встретиться люди, возвращающиеся с работы. А я выглядел страшнее самой грязной свиньи. И вообще мне не хотелось ни с кем встречаться. Пошёл окольными путями. Зашёл на речку, вымылся, сполоснул штаны и рубашку. Ждать, когда они высохнут, не стал – натянул на себя. Летом обсохнуть недолго. К дяде Серёже я пришёл, когда уже солнышко закатилось. Зашёл во двор через огород, обойдя деревню. Никто меня не видел. Дядя Серёжа вышел на крыльцо на мой стук и сильно удивился: «Васька! Ты жив?! Где ты был?» – «Жив, – говорю. – В погребе». – «В каком погребе? Я был на пожаре. Мы тебя искали-искали, бесполезно. Решили, что ты сгорел». – «В погребе я спасался». – «В каком погребе? А где погреб-то?» – «В сенях он был. Не успел... не смог я выбежать, вот в погреб и залез». – «Вот, чёрт... А мы про погреб-то и не знали. Как же ты там не испёкся-то?»

Дядя Серёжа взял меня за руку и завёл в избу. Там я всё подробно и рассказал. Как всё случилось, как спасался, как угорел, как выбрался, как сюда пришёл. Тётя Тая слушала и часто вскакивала со стула, сама не зная для чего, охала, всплёскивала руками и так жалостно на меня глядела, что мне было неудобно глаза поднять... от стыда. Дядя Серёжа незаметно для себя закурил, внимательно слушая. Тётя тая пару раз отмахнулась от дыма, потом строго на дядю Серёжу посмотрела. Он спохватился, обругал себя за дурную привычку, извинился и бросил сигарету в ведро под умывальником. «Да, Васька, нехорошо получилось, – сказал он. – Слава Богу, что ты жив остался. А вот с бабушкой твоей плохо». – «А что с ней?» – вскочил я со стула. «Плохо, Васька, плохо». Дядя Серёжа прошёлся по избе и задумчиво добавил: «Дай Бог, чтоб она поправилась». – «Да что с ней?» – снова спросил я. «Не пережила она такую беду, Васька. Паралич... Парализовало её. Руки, ноги и язык отнялись. Лежит, как варёная».

Я бросился к двери. Тётя тая поймала меня. «Ты куда?» – «Домой», – говорю. «Ну куда ты на ночь-то глядя?» – «Домой», – повторил я. Дядя Серёжа подошёл и взял меня за другую руку. – «Поздно, Васька, торопиться. Да и какой смысл появляться ночью? Ты сейчас дома переполох устроишь, только хуже будет». – «А вдруг бабушка умрёт и не узнает, что я жив».

И я не успею прощения у неё попросить». Дядя Серёжа отпустил мою руку, почесал затылок. «Ладно, Васька. Я сейчас пойду, возьму машину и тебя отвезу».

Дядя Серёжа собрался и ушёл, а я сел у порога ждать. Тётя тая, сев рядом, всё меня разглядывала – нет ли ожогов, синяков или царапин. Иногда пробовала гладить, как котёнка. От этого почему-то стало грустно и я заплакал. Тётя Тая обняла меня, прислонила лицо к моей груди и тоже заплакала, запричитав: «Какой же ты, Васенька, невезучий! И всё-то с тобой что-то случается. Господи ты, господи... И что это на тебя за напасти?» Мне от того ещё пуще хотелось плакать. И мы долго не могли успокоиться. Под окнами послышался звук машины, потом вошёл дядя Серёжа. Тётя Тая решила ехать с нами, но дядя Серёжа её отговорил: «Зачем лишний раз расстраиваться? Наглядишься на бабушку, ночью спать не будешь». И тётя Тая осталась, а мы поехали в Кокошино. Дорогой мы спланировали, что дядя Серёжа в избу войдёт первым, чтоб не делать неожиданностей для мамы и бабушки. Подъехав к воротам мы так и сделали – я остался в машине, а дядя Серёжа пошёл в избу. Минут десять я сидел в машине и ждал, когда меня позовут. Выбежала мама. Выбежала торопливо, не закрывая ни дверь, ни калитку, и прямо к машине. Вцепилась в ручку дверцы, затрясла её, дёргает дверцу, открыть не может. А сама раскосматилась, по щекам слёзы ручьём. Я смотрю на неё сквозь стекло и думаю – что сейчас будет? Или рвать меня в клочья будет, или обнимать, как бывало? Я помог ей открыть дверцу. Она в меня вцепилась и потянула из машины, но вдруг как-то обмякла, обессилела, рухнула на землю, отпустившись от меня. «Обморок», – мелькнуло у меня в голове. Я выскочил из машины и стал её поднимать. «Мама, мама, что с тобой, мама?» Но она не отзывалась, словно находилась во власти глубокого сна. Подошёл дядя Серёжа, взял её в свои сильные руки и понёс в избу.

«Вот видишь, Васька, что получается?» – говорил он на ходу. Я виновато плёлся за ним и молчал. Дядя Серёжа положил маму на кровать и пошёл к бачку с водой. Мама простонала, но лежала неподвижно. Дядя Серёжа подошёл с кружкой, набрал в рот воды и брызнул ей в лицо. Она продолжала лежать безучастно. Дядя Серёжа снял с гвоздя кухонное полотенце, утёр её лицо и брызнул ещё раз. Мама глубоко вздохнула и открыла глаза, посмотрев на дядю Серёжу как-то безразлично. Потом медленно повела глазами в мою сторону. Увидев меня, она хотела протянуть в мою сторону руки, но они, видимо, не послушались, и она снова закрыла глаза. Но через несколько секунд снова их открыла, одновременно опуская ноги с кровати.

«Господи, да что же это делается-то на белом свете?» – простонала она, прижимая ладони к вискам. Я встал перед ней на колени, а она поймала мою голову и стала перебирать в пальцах волосы. Я не знал с чего начать свои оправдания и извинения. Да и к месту ли они сейчас? Дядя Серёжа молча за нами наблюдал, разговоров не заводил, чтобы всё само собой образовалось. Минуты две мама ворошила мои волосы, потом каким-то хворым голосом спросила: «Васька, как дальше жить-то будем?» – «Ну зачем так расстраиваться и убиваться? – сказал дядя Серёжа. – Надо радоваться – Вася жив!» – «Радоваться», – повторила мама всё тем же хворым тоном, глядя куда-то в пустоту. «Ну конечно, – продолжал дядя Серёжа. – Остальное наживётся. Без беды жизни не бывает. Не знали бы мы, что такое беда, и радоваться бы не умели», – философствовал дядя Серёжа. «Радоваться, – повторила мама. – А бабушка?..»

Я вскочил на ноги и повёл взглядом по избе. И только тут заметил в правом углу ширму, за которой, я догадался, лежала на кровати бабушка. Я пошёл к ней. Она лежала неподвижно, молча, чуть приоткрыв глаза, и глядя в потолок. На моё появление она никак не реагировала. Я окликнул её, но она никак не отреагировала. Слышит ли она? – подумал я. Может у неё и слух пропал? Я наклонился над ней, в надежде, что она меня увидит. Но взгляд её остался безразличным, по-прежнему устремлённым в одну точку. «Может она спит так, с открытыми глазами», – подумал я. Потрогал её за плечи, погладил по волосам, приложил ладонь к щеке. Она медленно повернула голову и долго смотрела на меня. Наверное ей хотелось что-то мне сказать, но не могла. Я встал на колени и стал просить прощения: «Бабушка, миленькая, я

не хотел..., я дурак, не засыпал землёй головёшку. Я поторопился..., не сообразил... Прости. Виноват я. Как теперь? Бабусенька, миленькая, ну поправляйся, накажи меня... хоть ремнём, хоть палкой. Я всё для тебя буду делать. Только пожалуйста поправляйся».

Слышала ли бабушка меня, простила ли – не знаю. Ни одного звука, никакого движения. Только смотрела на меня и всё. Я просил прощения и плакал, но никакого отражения в её глазах не замечал. Подошла мама и увела меня от бабушки. «Хватит, Вася. Дай ей отдохнуть. Плохо ей. Она уж ничего не ест и не пьёт».

Пока я просил у бабушки прощения дядя Серёжа уехал. Мама спросила, сыт ли я? А я и забыл, что этим надо заниматься. «Нет», – говорю. Мама принесла кринку молока, положила на стол хлеб. «Ешь, ничего я сегодня не готовила. Некогда было. Да и, думала, не для кого. Все решили, что ты сгорел. Бабушка так и сказала... и тут же ей стало плохо». Мама села напротив меня за стол, прижала к глазам платок и заплакала. А когда поел, попросила: «Ну расскажи хоть, где ты был? Как всё случилось?» – «Дурак, – говорю, – я. Бить меня мало». Ну и рассказал ей всё, как было. Обняла меня мама и долго молча сидела, раскачиваясь. «Ну, что ты молчишь? – спросил я. – Хоть бы побранила, попрекнула, что ли?» – «Боюсь я, Вася, за тебя. Всё у тебя не как у людей. Приключение за приключением и все страшные». – «Так ведь я, мама, не хочу их..., они сами». – «Понимаю, Вася, что сами. От того и боюсь. Чем всё это кончится?»

Время перевалило за полночь и мы легли спать. Ночью мама несколько раз вставала. Я слышал, но каждый раз быстро засыпал снова. Под утро бабушка скончалась. Мама встала в очередной раз, увидела упокоившуюся бабушку, громко заплакала-заголосила, запричитала. Я вскочил. «Что случилось?» – «Бабушка умерла».

Мама засуетилась – закрыла самовар, зеркало, прибрала разбросанную по избе одежду, убрала ширму, прикрыла бабушку с головой белой тряпкой, собрала со своей и моей кровати постели, унесла в чулан. Мне велела всё лишнее из избы выносить – ширму, кровати, одежду со стен и прочее. В избе стало просторно. Как есть чужая, не наша изба. Мама поставила у постели бабушки стул, присела и опять громко заплакала, запричитала. Я не мог это спокойно слушать и тоже плакал.

Заглянула в дверь бабка Агафья: «Аль чего случилось?» Увидев плачущую маму у бабушкиной постели, подошла, перекрестилась и тоже вытерла кончиком платка свои глаза. «Когда отправилась?» – спросила она маму. «Да вот только что...» Бабка Агафья снова перекрестилась. «Царство ей небесное. Не намаялась. Счастливая». Глянула на меня. «А этот щенок-то опять жив?!» Не переставая креститься она опасливо попятилась и ушла.

Мама печь топить не стала – не до варева. Пошла в правление, отпрашиваться с работы, а мне велела смазать петли у ворот, чтоб не скрипели. Обычай у нас такой – уж если провожать в последний путь, так не сердито, без скрипа. Ну я смазал, проверил, не скрипят. Во дворе прибрался.

И повалили в избу бабушки-старушки – сначала Кокошкинские, потом и Мякошинские – кто просто глянуть, кто у бабушки прощения попросить. Проходя мимо меня все бабки ускорили ход и обязательно крестились. А когда я заходил в избу, быстро уходили. Потом мама мне сказала, чтоб я ушёл к дружкам и дольше не приходил – бабушку обмывать будут. Ну, я пошёл к Серёжке Рубцову. Его не оказалось дома. Пошёл к Федьке Шагалову – тоже нет дома. Постучался к Борьке Куляке. Даже ворота не открыли. Пошёл к Вовке Мякуке. Он дальше всех живёт – почти в конце деревни. Иду, навстречу попадаются люди – не то, что не здороваются, шарахаются от меня, как от страшного зверя. Не пойму, что за новый обычай? Стараюсь на это внимания не обращать, но это невозможно. Пришёл к Мякуке – в избу меня не пустили. Вовка сам ко мне вышел. Поздоровался как-то неприветливо.

«Чего тебе надо?» – «Ничего, – говорю, – не надо». – «А зачем пришёл?» – «Ни зачем. Бабушка умерла. Обмывать её будут – меня проводили, чтоб не мешался». – «Некогда мне, –

сказал Вовка. – Иди, погуляй. Обмоют – домой вернёшься». И закрыл передо мной калитку. Я почувствовал себя как в чужом мире. Все меня боятся. Никому я не нужен. Чудеса да и только. Даже хуже. Постоял у калитки, не по себе мне как-то стало. Вошёл бы, да не пускают. Нищий я – не нищий? Кто я? Не знаю. Пошёл без цели до конца деревни. На конце дед Никита живёт. Дед из ворот вышел, куда-то идти собрался. Но, увидев меня – вернулся. Ну, думаю, это какое-то издевательство. Мне не только было неприятно, я был просто возмущён. Что я такого дурного сделал? Кого я обидел? Кому напакостил?

Деревня кончилась. Дальше была развилка: налево – в Мякошино, направо – в Костышевский лес. В Мякошино мне теперь больше делать нечего. Я свернул направо. В Костышевский лес мы всегда ходили по грибы. Нынче мне не до грибов – бабушка умерла, а я такое натворил, сам себе простить не могу. Камень на сердце. В голову ничего не лезет. Ничего мне не надо, на всё наплевать. И без цели, и без плана потихоньку дошёл до леса и лёг в траву под первой попавшейся берёзой. Грустные мысли не покидали меня. Я думал о бабушке. «Бедная бабушка! Оставил тебя сиротой дедушка. Двадцать с лишним лет жила только памятью о нём. С мёртвым с ним разговаривала, советовалась, горем и радостью делилась. Только помощи от него не ждала, не просила. И вот не стало бабушки – угасла память о дедушке. И во всём виноват я. А мама? К кому она теперь пойдёт поделиться радостью или поплакаться в беде? Эх! Преступник я! Преступник!» К горлу подкатывал комок и мне постоянно хотелось плакать.

Под рубашку залезли муравьи, отвлекая меня от мыслей о бабушке. Я немного успокоился и встал. По давней привычке, оказавшись в лесу или на опушке, глаза сами устремляются под кусты в поисках грибов. Так и в этот раз. Немного в стороне от этой большой берёзы стояли несколько берёзок молодых, а под ними красовался подберёзовик. Это был семенник – в пищу непригодный. Переросшие подберёзовики всегда червивые и в супу превращаются в кисель. Собирать их у нас не принято. Мне хотелось увидеть молодого, хотя грибы в этот раз мне были ни к чему. Я просто так шагнул в сторону молодых берёзок, но, бросив на них невнимательный взгляд, отвернулся. С северной стороны берёзы зеленела сочная трава, но ей явно что-то мешало расти плотней. Сквозь неё просвечивало что-то грязно-жёлтое. Я лениво подошёл и отвёл в сторону стебли ногой. В траве были спрятаны кем-то прибранные, но, видимо потом забытые, лосинные рога. Положили их, видимо, ещё по весне – они хорошо успели зарости травой. Я взял один рог и удивился, какие они оказывается тяжёлые! Ого! взял и второй. Определить было непросто – который левый, который правый? «И как только их лось на голове носил, тяжесть такую?» – подумал я и бросил их обратно. Немного постояв собрался было уже домой, но подумал: а не пожалею ли я потом, что оставил их тут лежать? А кто-то их потом с удовольствием подберёт. Хоть и тяжелы, но я решил забрать их домой. Когда-нибудь пригодятся. Вернувшись по задворью домой я бросил их у крыльца. Бабушка по-прежнему лежала на кровати. Её не обмывали, потому что не готов был гроб.

Мама собрала на стол перекусить. Мы поели и я пожаловался: «А что это от меня все шарахаются как от прокажённого? Бабки все при виде меня крестятся, стороной обходят. И дружки от меня все позакрывались, никто в избу не пустил. Кому я что плохого сделал? Бабушкину избу спалил, так ведь не задумано, невзначай». – «Ох, Вася, ты мой Вася. Давно во всей округе тебя дьяволом считают. В глаза разве только так не называют. До вчерашнего дня ещё многие сомневались, что ты – дьявол. А вчера мужики на ферму прибежали, взволнованные, запыхавшиеся, и рассказали, как ты в пожаре сгорел и из головёшек потом восстал. Велика ли наша деревня? Эта весть моментально всё Кокошино облетела. Из огня живым вышел! Мыслимо ли такое? Ну разве ж ты не дьявол?»

Мама поглядела на меня улыбаясь, провела ладошкой по голове: «Не расстраивайся, потерпи. Всё утрясётся и встанет на свои места. Люди, они всегда торопятся с выводами. Истина когда ещё до них дойдёт? Было бы начало, а уж они сами конец придумают. Ну вот... ты повод подашь, а они фантазируют. Помнишь, как корреспондент написал? Нырнул в воду

у Крутого яра, а вынырнул дома. Они ведь ему поверили. В дьявола тебя превратили, сами себя запугивают».

Хоть мама меня и уговаривала, и утешала, но в душе у меня что-то осело такое, что не поддавалось ни внушениям, ни утешениям. Какое-то чувство обиды не угасало во мне. В связи с подготовкой похорон бабушки, в избу заходили и выходили разные люди, и почти все поглядывали на меня искоса, с опаской.

«А что, – спрашиваю маму, – дьявол, он хищный? Вредный? Заразный? Опасный?» – «Не знаю, Вася. Считается нечистой силой. А что это такое? – мама пожала плечами. – Не знаю».

Люди заходили часто и я стал от них прятаться – то в чулан, то в коровник. В коровнике бабушкина корова и овцы томились. Их в Кокошкинское стадо пускать было рано – они ещё к новому двору не привыкли и из стада дорогу будут искать домой – в Мякошино. Ну, я им носил свежей травы с огорода. Но не без конца же было мне этим заниматься? Словом, игра в прятки мне быстро надоела. А тут ещё мужики привезли на лошади гроб, внесли его в избу, оттолкнули меня: «Ну-ка ты, дьявол, не мешайся под ногами».

Настроение моё окончательно упало. «Пойду, – говорю, мама я в Лубянку. Не могу я больше оставаться в Кокошино». Но мама меня не отпустила – не хорошо, мол, в такой день уходить из дома. В груди у меня просто кипело, а в голове была сумятица. Что делать? Не хочу я быть дьяволом! Так и хочется крикнуть: «Братцы мои! Люди добрые! Товарищи дорогие! Не дьявол я! Не дьявол! Я – Васька! Из Кокошино! Не пришлый, а тутошний – ваш!»

Во дворе загалдели бабёнки и мама выдворила меня: «Иди, Вася, погуляй. Обмывать пришли».

Я пошёл на речку. Пошёл через огород, чтоб никто не встретился. На речке, думаю, сейчас никого нет – Ильин день прошёл, закончился купальный сезон. Может ежевика поспела? По кустам лазать я любитель. Берега речки местами густо поросли ивняком. А в тени ивняка прячется ежевика и смородина. Там, конечно, много и крапивы. Она меня не пугала. Ну, а где больше, где меньше ежевики, это я знаю. Пошёл прямо к Кочкарёву плёсу. Не успел забраться в кусты, наткнулся на ветви смородины, усеянные ягодами. Я попробовал поподнимал их – черно! Собирать не во что. Вышел из ивняка, хотел бежать домой за посудиною... А для чего мне её, смородину-то? Маме не до смородины сейчас. Набрать да сгноить? Нет, думаю, пусть висит. Обошёл смородинник, в другом месте в кусты полез. Нашёл всё же ежевику. Поспела, но её ещё мало. А мне много-то и не обязательно. Я ведь не впрок собирать пришёл, а так, время убить. Полазал, полазал по кустам, к воде поближе подался и наткнулся на ещё один куст смородины. Чёрная, крупная! Сощипнул несколько кисточек, сунул в рот – приятная. Но ежевику я больше люблю. Отвернулся, хотел уходить. Нет, думаю, надо на всякий случай запомнить эти кустики. Не целый год будем бабушку хоронить. Пригляделся, сориентировался, запомнил. Пошёл домой.

Бабушка уже лежала в гробу, стоящем на двух табуретах посреди избы. Её хорошо одели и в руки дали маленькую иконку. Вокруг головы ореолом разложили цветы. Сама она до груди, вместе с гробом, была прикрыта синей плюшевой тканью. Мама сидела на стуле у изголовья, погружённая в глубокие печальные раздумья. Я не стал нарушать тишину, молча подошёл к гробу, немного посмотрел на спокойный лик усопшей бабушки, и слёзы сами потекли по щекам. Я зашмыгал носом и маму как будто прорвало – так неожиданно и громко она заголосоила, запричитала и закланялась, прижимая скомканный платок то ко рту, то к глазам. Чтобы так плакала мама, я ещё не видел. Мне стало страшно жаль её. Я подошёл ближе к ней, обнял и мы заплакали дуэтом.

Весть о кончине моей бабушки дошла и до Лубянки. Вечером приехал дядя Серёжа. В деревне телефон и телеграф – техника лишняя. Что случилось на одном конце деревни, через час известно на другом, а к вечеру – и в другой деревне. Дядя Серёжа долго о чём-то говорил и советовался с мамой и только потом подошёл ко мне. «Ну что, Васька? Все настойчиво и

упорно считают тебя дьяволом. Как тебе нравится это звание?» – «Не нравится», – говорю. «А я бы гордился, – сказал дядя Серёжа. – Не всякий заслуживает такого звания». – «Да по мне хоть как меня зови. Не в этом дело. Все от меня шарахаются, как от заразы какой, и дружки меня избегают. Забери меня, дядя Серёжа, из Кокошино. Не могу я больше оставаться здесь». – «А ты думаешь, тебе в Лубянке лучше будет? Здесь хоть люди знают, что ты человеком родился – одумаются, рассосётся. А в Лубянке ты будешь пришлым – до смерти останешься дьяволом».

Дядя Серёжа, он умный – он всегда прав. Спорить я не стал. А когда пошёл его провожать, вспомнил про смородину и рассказал ему. «Ну, проныра ты, Васька, – похвалил он меня. – Вот это ты молодец! Вот этим и занимайся, а на людей не обращай внимания. Рано или поздно люди тебе будут завидовать и всё забудется. Делом надо заниматься, а не всякими вымыслами-домыслами. Смородина, Васька, это добрая штука. Мы с тётёй Таей это дело обмозгуем. «Зима голодная, потому что бесплодная, а лето себя питает и зиме хватает». Так нам говорил наш учитель. Об этом забывать нельзя. А это что? – увидел он рога у крыльца. – Где это ты взял?» – «Да сегодня в лесу нашёл». – «Ты уже и в лесу побывал?»

Ну, я пожаловался дяде Серёже, что от меня дружки отвернулись, что вынужден был бесцельно убивать время в лесу. «Не вешай нос, Васька», – сказал он подхватив рога. Долго он их разглядывал, то ли любовался, то ли дивился их тяжести. Постукал одним о другой, подержал симметрично, представляя как бы они смотрелись на голове лося, и осторожно положил на прежнее место. «Береги их, Васька. Это искусство природы. Ценность!»

А утром рано меня разбудила тётя Тая. Я удивился – откуда она взялась? Оказывается её дядя Серёжа привёз, чтоб она помогла маме постряпать для поминок. А сам уехал заказывать для бабушки памятник. Потом надо было отвезти на кладбище копальщиков, определить место для могилки и договориться с попом, чтоб бабушку отпели. Бабушка много раз просила маму, чтоб её без отпевания не хоронили. А слово бабушки для мамы – закон.

Увидев тётю Таю, я очень обрадовался и вскочил. Ну, думаю, хоть один, кроме мамы, будет в доме человек, который от меня не шарахается. А тётя Тая спрашивает: «А далеко, Вася, смородина растёт?» – «Да нет», – говорю. Сам быстро собрался, побежал в чулан, взял корзину... А ведь две корзины надо, а у нас одна. А тётя Тая говорит: «Зачем корзину. Я вот бидончик трёхлитровый взяла». – «Чудная, – говорю, – вы тётя Тая. В бидончик землянику собирают, а смородину – в корзину». – «Это почему так?» – спросила она. «А потому, что землянику – по яголке, а смородину – горстями...»

И, взяв корзину и ведро, мы через пятнадцать минут были у смородинника. Я показал тётю Тае, как надо горстями смородину собирать, а сам ушёл к другому кусту. И наверное через полчаса она мне пожаловалась: «Вася, а ведро-то у меня уже полное». – «У меня тоже корзина скоро будет полна». – «А остатки куда?» – «Какие остатки?» – «Так я не все кусты обобрала». – «Ну, придёт кто-нибудь и доберёт». – «Кто-нибудь...» – с каким-то сожалением протянула тётя Тая. «Ну, а как же? А если бы нам с вами не досталось?» Тётя Тая спорить не стала. Я набрал полную корзину и вышел из кустов. На открытом месте стояло ведро, полное отборной смородины, а в кустах шуршала листьями тётя Тая. «Ну и во что ещё вы собираете?» – «Эх, Вася, тут конца ей нет».

Тётя тая вышла из кустов с платком, полным смородины. Положила его на ровное место, связала крест-накрест концы и у неё получилось две ноши. В латке было литра три, а может и все четыре.

И собирали-то мы с тётёй Таей смородину какой-нибудь час, а как далеко я ушёл по своему внутреннему состоянию от всей давящей предыдущей суеты – не высказать. Я видел счастливое лицо тётю Тае, вышедшей из кустов с полными руками смородины. Мне так приятно было осознавать и чувствовать, что это я её сделал счастливой, и что мне никто и ничем не мешал это сделать. Как же это просто – делать других счастливыми! Но только чтоб никто и ничем не мешал тебе этого делать. Я чувствовал себя на седьмом небе. И если я когда-то кому-

то делал раньше подобную радость, я не мог сам при этом чувствовать вот такую же радость, как на этот раз. Не было у меня для сравнения обстоятельств, в каких я сделал счастливым человека, будучи несчастным сегодня сам. И так мне хотелось продлить эту радость, затормозить её исчезновение. Возможно я впервые осознал всю мимолётность человеческого счастья. Ведь только стоит вернуться в Кокошино, как всё вмиг растает – и охота делать кого-то счастливым, и надежда, что кто-то тебя сделает таким. В общем возвращался я домой лениво, без настроения.

Тётя Тая сходу включилась в стряпню, которую до нас развела мама. Смородину сложили в чулан – не до неё было. Потом, после поминок, тётя Тая увезла её всю домой. Мама ей отдала и мою, сказав что я ещё больше того принесу, что я пронырливый. Я тоже помогал им в стряпне по мелочи – лука, укропа с огорода принёс, почистил, по воду ходил. То – подай, это – убери, то – принеси... А часов в десять заехал дядя Серёжа, о чём-то посоветовался с мамой и собрался ехать в Лубянку. Я упросился с ним... Мама возражать не стала и мы поехали. Дорогой мы больше молчали. Я думал о своём положении, а дядя Серёжа – о чём-то своём. Мне жаль было бабушку и я решил излить вину свою перед дядей Серёжей.

«Это я во всём виноват. Мне стыдно... и жаль бабушку». – Я ещё что-то хотел сказать, но горло сдавили спазмы и я заплакал. Дядя Серёжа обнял меня правой рукой, потом отпустил. «Все мы, Васька, стоим в одной очереди. Мы только не знаем, когда кому достанется. Не надо плакать. Эта очередь двигается спокойно. Её никто не нарушает своей нетерпеливостью. Придёт и наше с тобой время. Туда никому не хочется. Особенно туда не хочется тому, кто ничего не успел сделать. А раз ничего не сделал, значит и не понял, для чего на белом свете жил. Твоя бабушка много успела доброго сделать, потому ты ей и благодарен, потому тебе её и жаль. А ты не жалеешь, а гордись ею. И не плачь. Не плачь, но вспоминай её всегда с благодарностью. Ещё древние скифы, наши далёкие предки, оберегали могилы своих отцов и дедов от посрамления. Жизни не жалели во имя праха своих родителей. Войны объявляли посрамителям. В человеке всегда должна жить благодарность. Если мы забудем благодарность, мы потеряем основной смысл жизни». – «А в чём он, основной смысл жизни?» – спросил я. Спросил не потому, что мне вдруг стало это интересно, а просто так, вроде как по инерции. «Основной смысл жизни, Васька, в совершенстве». – «В каком – совершенстве?» – «Мы должны совершенствовать весь человеческий быт и создавать лучшие условия для жизни потомства, тем самым совершенствуя себя. Для этого существуют науки, искусство и общечеловеческое сознание, как копилка всех достижений человеческого разума». – «Ты, дядя Серёжа, говоришь так, как будто все на свете должны учиться и делать открытия». – «Молодец, Васька! Ты правильно меня понял». – «А что открывать-то? Парни наши жалеют, что всё уже открыто». – «Парни жалеют? А ты не жалеешь?» – «А какой я открыватель? И что в нашем Кокошино открывать-то?» – «Открывать, Васька, много, что можно, и везде, на каждом шагу. Жить бы человеку ещё миллиард лет, и он так и не открыл бы всего, что есть на Земле, на других звёздах и вообще в природе». – «Почему «бы»?» – «Что – «почему – «бы»?» – «Ты говоришь, «жить бы человеку...» – «А... Жить бы человеку, да не сможет он столько жить». – «Почему?» – «В природе всё ритмично, ну, или циклично. Всё подчинено законам ритма. Жизнь в природе вечная, бесконечная. Но она развивается периодически (циклично). Природа, она как бы забавляется, пробует организовать жизнь по-разному. Вот она, исходя из условий на планете, стала создавать жизнь задуманным ей организмам, совершенствует их до определённого времени. Но приходит для её организмов какой-то предел и она их стирает, зачёркивает и начинает всё сначала». – «Ну и для чего тогда делать открытия?» – «Не для чего, а для кого. Я же сказал, что человек должен быть благодарным. Если для тебя бабушка старалась, ты должен отплатить за её старания». – «Кому?» – «Потомкам. Своим потомкам. Твои потомки ведь тоже были в планах твоей бабушки. Это же и есть закон Природы. Ну, а пока мы живём, мы должны выполнять все законы Природы. Вот ты

требования матери выполняешь?» – «Выполняю». – «Почему?» – «Я же перед ней в долгу». – «Природа, это тоже – наша мать. И мы все перед ней в долгу».

Я сидел, подумал. Больше задавать вопросы не хотелось, но в мыслях вертелись слова дяди Серёжи: «Жить бы человеку ещё миллиард лет, и он так и не открыл бы всё, что есть на Земле, на других звёздах и вообще в природе». И опять вспомнились слова: «инопланетянин малину ест». И хоть не хотел я вопросы задавать, но всё же спросил: «А инопланетяне умнее нас?» – «Инопланетяне?» – Дядя Серёжа долго не отвечал, видимо ответ обдумывал, а может затруднялся ответить. Ну и я не особенно ответа ждал. Но он всё же ответил: «Не верю я, Васька, вообще в инопланетян. Если они и существуют, то вряд ли много нас умней». – «Почему?» – «Поскольку жизнь в природе подчинена законам ритма, беспредельного развития разума быть не может».

Я долго обдумывал ответ, не задавая больше вопросов. Эта тема разговора к моей жизни отношения не имеет, потому я спросил о другом: «Дядя Серёжа, а почему ты забросил самолёт?» – «Так на нём нельзя уже летать, он совсем из строя вышел». – «А отремонтировать разве нельзя?» – «Запчастей нет». – «Ну и как?.. Ты теперь лётчиком никогда не будешь?» Дядя Серёжа пожал плечами. «Наверное никогда». – «А тебе жаль, что ты больше никогда не будешь лётчиком?» – «Маленько жаль». – «А почему только маленько?» Дядя Серёжа помолчал, а потом сказал: «Неважно, Васька, на каком блюде жизнь нам яичко поднесёт – на золотом или замурзанном. Важно, чтоб оно было не тухлое».

Я сидел обдумывая слова дяди Серёжи, а он разговор продолжать не стал. Так, молча, мы и въехали в Лубянку. Дядя Серёжа подрулил прямо к церкви. В церкви я сроду не бывал. Войдя в неё я был поражён буквально всем – её внутренним объёмом, оформлением, планировкой, красками, неторопливостью, строгостью и молчаливостью людей. Посетителей было немного, в основном старушки. Один только подслеповатый старичок, в затёртом военном кителе. Он как-то озадаченно глядел по сторонам и мял в руках старый картуз. Дядя Серёжа пошёл договариваться на счёт отпевания бабушки, а я остался разглядывать картины на стенах. Пробовал читать всякие надписи-подписи, но не все слова получалось прочесть и не всё было понятно. А там, в глубине церкви вдоль стен какие-то большие шкафы с иконами, как красиво оформленные киоски. Ну конечно, всё разглядеть и осмыслить я не успел. Мне только запомнилось, что всюду преобладает жёлтый и коричневый цвет.

Дядя Серёжа появился в дверях какой-то комнатки у входных дверей. За ним из комнатки вышел поп. Тот самый, что нас допрашивал на покосе, когда мы из-под земли вылезли. Они на ходу о чём-то переговаривались. Я пошёл в их сторону. Поп первым меня увидел и пошёл навстречу. Он смотрел на меня как старый друг. «А, Василий, и ты здесь?» Я ничего не ответил, вплотную подойдя к дяде Серёже. Поп погладил меня по голове. «Ну как, тепло в обнимку с медведем спать?» Я не понял, шутит он или всерьёз спрашивает, потому продолжал молчать, глядя ему в глаза. «На острове, говоришь, с медведем-то оказались?» – «Да», – ответил я. Поп снова погладил меня по голове и сказал дяде Серёже: «Звери умеют уважать друг друга, когда у них беда общая». Потом он опять обратился ко мне: «А корреспондента-то ты как провёл?» – «Очень просто, – говорю. – Он глядел туда, а я вынырнул вон там, – показал я руками. – Я потом оделся потихоньку и ушёл, а он не догадался оглянуться». – «Молодец!» Поп опять погладил меня по голове. Я улыбнулся и слегка повернул голову вправо. Поп убрал руку. «Он дядю Васю привёз с бреднем, – продолжил я. – По дну шарили, а не догадались, раз белья моего на берегу нет, значит я домой ушёл». – «Вот в этом, Василий, ты действительно феномен – умней взрослого оказался».

Поп поглядел на дядю Серёжу, восхищённо качая головой. Дядя Серёжа слушал с гордым видом, словно речь шла о сыне или его ученике.

«Ну, а из огня-то как ты живым вышел?» – «Ну как, – говорю. – Я в погребке спасался». – «В погребке? А что же ты помощи не попросил, когда пожар потушили и люди тебя искать стали». – «Испугался я. Думал меня пороть будут за то, что избу спалил».

Поп неопределённо качал головой, обдумывая следующий вопрос. Опередив его, я добавил: «Угорел я там. Тошнило меня и сил не было». Поп снова погладил меня по голове. «Ну, а сейчас как себя чувствуешь?» Я пожал плечами: «Нормально». Поп снова меня погладил. Видно у него привычка такая, гладить всех, кто меньше его ростом. «Ну ладно, граждане. У меня дела». И он ушёл в глубину церковных нагромождений. Дядя Серёжа взял меня за руку и сказал: «А ведь я, Васька, тоже первый раз в церкви. Давай знакомиться». И он стал разглядывать церковное оформление. Долго и молча разглядывал, потом сказал: «А знаешь, Васька, какие мысли ко мне приходят?» – «Какие?» – «А ведь мы абсолютно все начинали совершенствовать свой интеллект с примитива, с детских фантазий, с веры в чужую логику. И постепенно, приобретая знания и опыт, совершенствуя свою логику, становились серьёзными, взрослыми. И всем нам жаль расставаться с детством, все мы бережно храним его в памяти, прощая собственный примитив и забавность детской логики. Точно так же и религия, как общечеловеческая мысль, в начале совсем примитивна, подчас забавна, но, в конечном счёте, придя к мысли о необходимости совершенства духовного мира человека она приобрела своё величие. И не уважать её нельзя. Не уважать её, я бы сказал, просто преступно, бесчеловечно. Религия – это культура наших предков, и уважать её мы обязаны. Пользоваться ею нам не обязательно: у нас своя должна быть какая-то культура. Не уважать культуру предков – преступно. И вся современная атеистическая суета – не более, чем невежество». – «Какая атеистическая суета?» – спросил я. «Ну, борьба с религией». – «А почему к тебе пришли такие мысли?» – «Всякая культура оставляет свои следы. А атеистическое невежество стирает эти следы, чтобы потомки не знали о существовании культуры своих предков. Посмотри, какая красота в церкви! Это следы определённой культуры. А сколько уничтожено невежами таких ценностей! Храмы, соборы, монастыри... Да ты пока этого не знаешь и вряд ли поймёшь».

Я действительно не всё понимал в рассуждениях дяди Серёжи. Я только спросил: «А что такое – культура? Почему религия – культура?» – «Культура? – переспросил дядя Серёжа. – Как бы тебе это проще объяснить? Культура – это качество человеческих отношений ко всему нас окружающему и к собственной человеческой деятельности. Качество отношений к природе, ко всему, что есть на Земле – к животным, растениям, птицам, рыбам, насекомым, к человеку и его труду, к результатам этого труда, к истории, к наукам, ко всему прекрасному, к душе человеческой, к искусству, к воде и воздуху, к космосу». – «Ну, ты, – говорю, – дядя Серёжа, до завтра будешь перечислять. Я уже понял». – «Ко всему можно по-разному относиться – возвышенно, доброжелательно, внимательно, а можно и неряшливо, чёрство, хищнически, наплевательски. Культура бывает всякая. Некультурных людей не бывает. Есть люди высокой культуры, есть – низкой. Как не бывает людей невоспитанных. Есть люди хорошо воспитанные, есть – дурно воспитанные. Потому что качество всех явлений и предметов разное. Некачественных вещей ведь тоже не бывает. Бывают вещи хорошего качества, бывают – плохого». Дядя Серёжа помолчал, подумал и продолжил: «Нынче продают товары со знаком качества. А какого качества? Хорошего? Плохого? Высокого? Низкого? Неважно. Лишь бы людей обмануть. А это тоже – качество отношений к покупателю, то есть – культура. Какая?» – «Низкая», – говорю. «Невежество – это тоже культура. Низменная. Вот и религия – это тоже культура. Это отношение человека к непознанному». – «К какому «непознанному»?» – «Ну, как бы тебе сказать? К тем силам природы, от которых человек зависит, но которые объяснить не в состоянии. Со временем наука, вероятно, всё объяснит, постепенно, а пока человеку не терпится, и он пытается объяснить по-своему. «Это зависит от Бога, а это от нечистой силы». – «А что такое Бог и нечистая сила?» – «Бог? – дядя Серёжа задумался. – Погоди, Васька. Дай подумать, как ответить. Вот мы с тобой оказались в подземелье. Нам надо было выбраться.

Мы надеялись на свои силы, на свой ум, на здоровье, на лодку с вёслами, на наше терпение, а самое главное – на колодец. Но вот колодец рухнул, обвалился, и больше нам надеяться стало не на что. Нет выхода! Но мы с тобой вышли. Что-то дополнительное сверх наших надежд нас с тобой спасло от гибели. Что не входило ни в какие наши расчёты. Мохры! Ведь мы о них не думали, не знали. Вот эта дополнительная надежда, которой нет в расчётах человеческих сил, умений и возможностей, и есть Бог-спаситель. А нечистая сила – это неучтённые обстоятельства, разрушающие человеческие надежды. Это то, что противоречит Богу-спасителю. Собственно, Бог-спаситель – неучтённые обстоятельства, но порождающие дополнительную надежду, а нечистая сила – обстоятельства разрушающие имеющиеся надежды. Вот если бы мы с тобой попали под обвал колодца и погибли бы – это по религиозным понятиям было бы как потешание нечистой силы». – «Понятно, – говорю, – дядя Серёжа. Значит нас с тобой Бог спас?» – «Так выходит, Васька. Только помни русскую пословицу: «сам плох, так не поможет Бог». Он дважды нас с тобой спас. Первый раз – колодец обвалился раньше, чем мы под него подплыли. А второй – мохры развесил над нашей головой. Их, конечно, никто не готовил специально для нас. Они уже много лет там висели. Это мы случайно под ними оказались, и уж совсем случайно – их заметили. Ситуация...» – «Какая «ситуация»?» – «Стечение обстоятельств. По-русски – случайность».

Я согласно покачал головой и мы снова стали разглядывать церковное оформление. Мы разглядывали картины, утварь, задирали головы на стены и на потолок. Много в картинах было мне непонятно.

«Человек создал Бога, чтобы Бог создал человека», – сказал дядя Серёжа. «Чего?» – переспросил я. «Да это я так, для себя. Всё рассуждаю. Не можем мы оторваться от этой культуры, потому что нет у нас другой, своей». Он резко повернулся ко мне и сказал: «Так вот, Васька, ты – жертва старой культуры. Тени старой культуры угнетают души верующих, и они свою тяжесть перенесли на тебя: ты – дьявол. Так они решили».

Я смотрел на дядю Серёжу, пытаюсь понять, что он говорит, но не понимал.

Привезли гроб с бабушкой. Мужики молча внесли его на полотенцах и поставили на какие-то нары, сооружённые рядом с какой-то дополнительной стеной, увешанной иконами. Ввалилось много народу – Кокошинские, Мякошинские. Старушки, входя в церковь, молились – кто на ходу, кто останавливаясь. К гробу вышел поп, отдал какие-то указания мужикам и отошёл к столу, стоявшему в конце дополнительной стены. На столе блестела золотом какая-то причудливая посуда. Поп занялся приготовлениями к отпеванию. К нему подошла Лубянская старушка и, косясь на меня, стала о чём-то его предупреждать. Ба! Да это Алёшкина бабка, которая подглядывала в окно, когда я делал упражнения в дядиной Серёжиной избе после лесной истории. Я расслышал слова «дьявол» и «осквернение». Меня покорило: бабка явно «доносила» про меня. Поп согласно покачал головой. Ну, думаю, сейчас меня попросят из церкви. Но поп этого делать не стал. Возле гроба выстроились четыре женщины, одетые в чёрные платья, и старичок, прибранный и причёсанный. Они по какому-то уговору, дружно запели. Запели красиво, стройно, негромко, неторопливо. Поп ходил вокруг гроба, раскачивая какую-то дымящуюся люльку, и тоже пел. В церкви разом прекратилось движение людей и разговоры. Я заслушался. Слов я не понимал, но неторопливая мелодия и сочетание голосов захватили моё внимание. «И это прекрасное пение для моей бабушки? – подумал я. – Как жаль, что она уже этого не слышит». Мне стало грустно. Когда пение закончилось, поп поднялся на какие-то ступеньки перед множеством икон и попросил внимания.

«Уважаемые граждане прихожане, я прошу меня внимательно выслушать. Все мы – люди, сёстры и братья. И должны мы друг к другу относиться доброжелательно, с уважением, всегда должны быть готовы помочь другому в беде и в горе. Но вот среди нас человек несколько раз подряд попал в беду и умно сам справился со своей бедой... без вашей помощи. За это вы его

объявили дьяволом. Это Василий Сыроедов из Кокошино. Он – брат ваш. Не гоните его от себя. Я лично имел удовольствие разобраться в его зловещих делах».

Поп, конечно, ещё что-то говорил. Я сразу перед собой увидел других людей. В их лицах было сострадание ко мне, и недоверие, и удивление, и изучение – всё, но не прежний страх. Что это? Сила внушения или авторитет попа? Я вопросительно глянул в глаза дяди Серёжи. «Так, Васька, и должно быть», – шепнул он мне.

А когда поп, помахав дымной люлькой, прошёлся вокруг гроба и сыпнул на грудь бабушки горсть сухого песка, меня как током прошило и слёзы навернулись на глаза. Я разревелся на всю церковь, вмиг представив себе, что бабушку засыпят землёй и её больше никогда не будет. Многие плакали, сочувственно глядя на меня.

Из церкви я вышел уже человеком, а не дьяволом. Хотя слово «дьявол», конечно, ко мне так и приросло,

только не в той прежней форме, а в другой, безобидной. От меня уже никто не шарахается, напротив, со мной все здороваются, меня приветствуют. Дружки снова ко мне вернулись. Они часто просят меня, чтоб я рассказал им ту или иную историю. Я им рассказываю и они с удовольствием слушают. Но никто из них не хочет, чтоб с ним случилось что-нибудь подобное.

Бабушку схоронили на Лубянском кладбище, на бугре, где давно когда-то зарезервировал место её дорогой и ненаглядный Илюша – мой дед. Кто знает, может и моё там будет место, и мамино? Дорого теперь мне это место, заповедно.

...Однако не все, считающие меня дьяволом, присутствовали при отпевании моей бабушки в церкви, не все сразу разуверились в том, что я не Васька из чёртовой породы, а обыкновенный человек. Неприятные случаи отдельными запоздалыми вспышками иногда ещё происходили. После того злосчастного лета, в конце осени, когда уже выпал первый снег, собирала мама как-то к обеду стол, а я загляделся в окно. Под окошком у нас стоит старая кудрявая рябина. Осенью она всегда густо одета красными гроздьями ягод. Стоит, как румяная невеста. Мне всегда ей приятно любоваться. На этот раз я обобрал все грозди, скормил их поросётам, и она без ягод стоит сиротливо. На ней хлопочут три галки, что-то между собой делят. Я пригляделся. Мне показалось, что они делят на троих один пельмень. Пельмень упал в снег. Одна галка спустилась за ним, а другие две куда-то полетели. Минуты через две на рябину опустилась целая стая галок, и у каждой в клюве было по пельменю. Я аж рассмеялся.

«Над чем ты смеёшься?» – поинтересовалась мама. «Посмотри, – говорю, – на нашу рябину прилетела стая галок и у всех в клюве по пельменю». Мама подошла к окну и тоже подивилась. «Какая-то разиня-стряпуха налепила пельменей, вынесла студить на мороз, а не прикрыла», – сказала она. Ну, мы пообедали и про галок забыли. А на другой день мама пришла вся в слезах.

«Что случилось», – спрашиваю. «Ничего», – сердито ответила она. «Кто тебя обидел?» Мама молчала, изредка вытирая глаза платком. Я приставать не стал, зная, что она потом всё равно расскажет, а сейчас пускай помолчит. Она торопливо и нервно стала готовить болтушку для поросят и для коровы. Ну, я ей, естественно, помогал. Накормили скотину, сами сели за стол. Только я потянулся за ложкой – трень! Кто-то с улицы запустил в наше окно камнем. Я выбежал на улицу и увидел удирающего Кольку Нефёдова. Я за ним не побежал, потому что он юркнул в свою калитку. Их изба от нас через двор. Я вернулся и сказал маме, что в окно камнем запустил Колька.

«Я так и подумала», – сказала мама и стала убирать из рамы осколки, чтоб заткнуть её подушкой. «А чего это ему вдруг вздумалось?» – спросил я. «Вздумалось, – сердито повторила мама моё слово. – Его матери вздумалось». – «Ну ладно, – говорю. – Я драться не умею, на Кольке поучусь». – «Ещё чего...» – сказала мама и стала одеваться. «Ты куда?» – спрашиваю. «К председателю». – «Зачем?» – «Пусть собирает правление, пусть нас судят». – «Кого это «нас»? За что?» – «Нас с Полькой Нефёдовой. За тебя».

Мама села на стул и заплакала. На столе остывал в тарелках суп, но нам было не до него. Я подошёл к маме и виновато опустился перед ней на колени. «А что я?..» Она прижала мою голову к себе и ещё пуще заплакала. Я ждал, когда она выплечется. Но она вдруг глубоко вздохнула, выпрямилась, вытерла глаза.

«Ешь. Я сейчас приду», – и ушла.

Есть я конечно не стал. Долго ходил из угла в угол и думал-гадал, что ж я такого натворил? Почему маму с Полькой должны судить? Почему Колька запустил в наше окно камнем? Ни на одно «почему» ответа не находил. Накинул на плечи куртку, натянул шапку, валенки и тоже пошёл в правление. На мамино счастье там шла планёрка и все члены правления во главе с председателем были на месте. До моего прихода мама, видимо, всё обсказала, и все сидели молча, чего-то ожидая, поглядывая на дверь. У стола, за которым сидел председатель, в полуразвалку давили стулья – агроном, два бригадира, бухгалтер и дядя Вася Мочалов, который не был членом правления, но пришёл по какой-то своей надобности. Мама сидела в правом углу около двери. Я подошёл к ней и встал рядом. На моё появление никто никак не отреагировал. Как будто так и должно быть. Мама мяла в руках носовой платок. Не поднимая на меня глаз она тихо спросила: «Зачем пришёл? Не надо было приходиться».

Я ничего не ответил, только пуще прижался к ней. Открылась дверь, вошла тётка Поля Нефёдова. Увидев меня, попятилась, но сзади её подтолкнул Шурка, старший брат Вовки Мякуки. Его, видимо, послали за ней. Вот он её и привёл. Все члены правления сразу сели по-нормальному, по-рабочему. Председатель не любил терять время – сходу бросил сердитый вопрос: «Как ты, Пелагея, докатилась до такого поганого состояния?» – «До какого такого поганого?.. До чего это я докатилась?» – затараторила Пелагея. – Это вот она... Это вот они... Это вы их спросите, – тыкала она в нас пальцем. – Я пельменей настряпала. У Стёпы праздник вчера был. Пятилетие хотел справить. А этот дьявол... – Тут Пелагея зло ткнула в мою сторону пальцем, а сама попятилась, продолжая тараторить. – Ему потешиться захотелось – галок напустил на мои пельмени. И галки уселись с моими пельменями у них под окном на рябину, а они на них любят да ухмыляются».

Мужики, как по уговору, дружно заржали, заглушая речитатив Пелагеи, но она не останавливалась. – «Мне не жалко пельмени, мне Стёпу жалко. Он умылся, причесался, бутылочку приготовил. Я во двор, а пельменей нет». – «Ну хватит ерунду молоть! – перебил её председатель. – Ты по делу говори. Чем тебя Клавдия обнесла, что ты её же бедой укоряешь?.. Да ещё и оскорбляешь непристойными словами». – «Ни чем...» – Пелагея хлопая глазами глядела на маму. То ли вопрос не поняла, то ли соображала, как ответить, и вдруг – сорвалась: «А потаскуха она. Я ей так и сказала. У неё мужа нет, а Ваську родила. От кого она зачала? От чёрта зачала – дьявола родила!»

Дядя Вася Мочалов вскочил, как ужаленный, и подался всем телом в сторону Пелагеи: «Что ты говоришь, полоумная?! Как тебе не стыдно?» – «А чего это мне должно быть стыдно? – огрызнулась та. – Не замужня она, не вдова. А Васька откуда?» – «Тьфу!» – плюнул дядя Вася и отвернулся. – «Дура!» – добавил он садясь на стул.

Мужики ржали до слёз, как на концерте неудержимого юмора, вытирали кулаками глаза и поджимали животы. Мама не вытерпела. «Да как мне дальше жить? Виновата ли я, что мне женихов не досталось? И чем я хуже других, чтоб мне детей не иметь? Ведь раз я женщина, я должна быть матерью, иначе зачем мне жить?» – «Матерью? – перебила её Пелагея. – Какая ты мать? Васька – от горшка два вершка, а уж и в небесах побывал, и в подземелье, и...» – «И слава Богу! – громко оборвала мама Пелагею. – Васька не на печи мир познаёт, не за столом жить учится. Не то, что твой Колька, который дальше околицы света белого не видел». – «Молодец, Клавдия! – воскликнул дядя Вася Мочалов. – Правильно говоришь!» – «Ну да, все правильно говорят, только я неправильно говорю», – обиделась Пелагея. «А ты неколёсную плетёшь!» – ответил за дядю Васю председатель.

«За что она меня потаскухой обзывает? – высказала свою обиду мама. – Я что, у неё Стёпку на ночь воровала? У кого я мужиков заимствовала? Я что, гулящая? Распутная?» – «Успокойся, Клавдия. Успокойся, – сказал председатель. – Сейчас напишем заявление в суд и Пелагее полтора-два года дадут за публичное оскорбление. Вон тут сколько свидетелей-то». Пелагея испуганно завертела головой. «Какой суд? Кого судить? Меня судить?» – «Ну, а кого же? За оскорбление. За хулиганство», – продолжал запугивать председатель. «За какое хулиганство?» – «Как за какое? Битьё окон – это крупное хулиганство». – «У кого я окна била?» – «У Клавдии». – «Я у Клавдии не била. Это Колька. Я с него шкуру спущу!» – «У Кольки твоё воспитание, значит, и спрос с тебя».

Видно было, что Пелагея струсила, обмякла, но не надолго. Вспомнила про пельмени, про Стёпин праздник, всё начала было снова – по второму заходу. Но не выдержал агроном и сказал: «Ты, Пелагея, раззява. Выставила пельмени галкам на съедение. Сама не прикрыла, а Васька виноват. У тебя кошка сметану съест – опять Васька будет виноват? Научись хоть маленько соображать». – «Какой ты праздник у Степана трясешь? – спросил председатель. – Что у него за пятилетие?» – «Как – что? – поспешила Пелагея ответить. – Пять лет, как сдал на тракториста». – «Э-э-э...», – протянул председатель, – у него скоро праздник будет, как он перестанет быть трактористом. За пять лет только и научился, что трактора ломать». – «А у других не ломаются?» – бросила Пелагея вопрос в защиту Стёпы. «У всех ломаются, все сами и ремонтируют, а Стёпа на тормозах сидит».

В общем, это разбирательство действительно больше походило на концерт для мужиков, но не для нас с мамой. Мама была в угнетённом состоянии, да и я был взвинчен. Над Пелагеей смеялись, она этого не понимала, нам с мамой сочувствовали, но нам всё равно было не по себе. И когда в конце всего председатель сказал Пелагее, чтоб завтра утром у Сыроедовых окно было вставлено, иначе делом займётся милиция, я не удержался и сказал Пелагее: «Я тоже камнем пулять умею. Если не вставите, я у вас все повыбью». – «Правильно, Васька», – поддержал меня кто-то из мужиков. «Вставят, Васька, вставят, – сказал председатель. – Не торопись». – «Не привыкай, Васька, мстить, – сказал дядя Вася Мочалов. – Мщение – это тоже пакость. А всякая пакость всегда оборачивается против пакостника».

Ну, а главное, все мужики и председатель потребовали, чтоб Пелагея перед мамой и передо мной извинилась, иначе дело будет считаться незаконченным и может дойти до суда. Пелагея долго мялась, то ли извиняться не умела, то ли не хотела, но всё же потупилась, как недоросток и попросила у нас прощения.

«Можете все идти, – сказал председатель. – Хватит на сегодня».

Мужики встали, одевая шапки и доставая сигареты. Пелагея ушла, а мы не спешили, чтоб не быть ей попутчиками. В дверь деловито вошли Лубянский председатель и дядя Серёжа. Все вопросительно уставились на них.

«Ба! Поздние гости!» – воскликнул наш председатель, выходя из-за стола навстречу вошедшим и протягивая им руку. «Здравствуйте, дорогие соседи! – поздоровался со всеми Лубянский председатель. – Как хорошо, что всё ваше правление в сборе! Мы приехали с вами посоветоваться».

Дядя Серёжа тоже поздоровался со всеми. А наш председатель напомнил нам, дяде Васе Мочалову и Шурке, что мы свободны – то есть можем идти домой. Но Лубянский председатель сказал, что лишним никто не будет: вопрос-то общий. Но дядя Вася и Шурка всё-таки ушли. Мама тоже хотела уйти, но я её попросил остаться, чтоб хоть немного побыть рядом с дядей Серёжей. Зимой я с ним редко вижуся. Мама согласилась. Все снова сели. Напротив нас – по правую руку от нашего председателя сел председатель Лубянский и рядом – дядя Серёжа. Заметивший нас дядя Серёжа, подмигнул и поинтересовался: «У вас что-то произошло? Опять что-то Васька натворил?» – «Да нет. Так... Очередная конфликтная ситуация». – «Конфликтная ситуация? – переспросил дядя Серёжа. А по-моему конфликтных ситуаций не

существует и не должно быть». – «Как?» – в один голос удивились оба председателя. «А что такое конфликтные ситуации? – задал вопрос дядя Серёжа и тут же сам стал на него отвечать. – Чаще всего это просто открытое проявление невоспитанности, а иногда и просто – демонстрация невежества. А красивую фразу «конфликтная ситуация» придумали в защиту невоспитанности и невежества». – «С вами трудно не согласиться, Сергей Савельич», – сказал Лубянский председатель. «Это точно, Сергей Семёныч, – поддержал его наш председатель. – То, что мы только что разбирали, действительно больше напоминало самую настоящую демонстрацию невежества». – «Так вы, Пётр Иванович, может, вкратце нам обрисуете суть этого невежества?» – попросил дядя Серёжа нашего председателя. «Да нет, Серёжа. Пусть уж лучше Васька вам на досуге расскажет. Ничего страшного. Давайте, выкладывайте свой вопрос, а то и так уже все устали».

Лубянский председатель всегда дядю Серёжу звал на «вы» и по имени-отчеству, а Кокошинский – на «ты» и просто «Серёжа». Почему? Я этого не знаю.

«Так вот, Пётр Иванович, какие заботы нас одолевают, – начал Лубянский председатель. – Как удобней и выгодней готовить кадры? Я имею в виду механизаторов. Мы с Сергеем Савельичем прикинули – удобней и выгодней готовить дома, не отправлять подростков в СПТУ. И ребятишкам будет удобней, и родителям, и колхозу». – «И как это будет?» – спросил наш председатель. «Не перебивай. Дай всё высказать. Мы хотим, чтобы вы нас поняли и, если мы правы, поддержали. И у нас и у вас неплохие мастерские. Прикрепим подростков к опытным механизаторам. Ребятишки – народ любопытный. Пусть опытные механизаторы с ними делятся своим опытом при вождении, на работе, при ремонте. А когда ребятишки научатся пользоваться техникой и будут производить что-то полезное для колхоза – будем им платить. И ребятишкам хорошо, и колхозу выгодно. Ну, а теоретическую подготовку Сергей Савельич не против взять на себя. Он хорошо с ребятишками ладит. Ну, не всех подростков подряд привлекать будем, а только желающих. Этот вопрос со школами надо будет увязать». – «Не понимаю, Сергей Семёныч, зачем вам понадобилось с нами советоваться? Вы начните, а мы переймём». – «Я просил не перебивать, Пётр Иванович. Во-первых, это дело надо поставить под строгий единый контроль. Кто-то из ребятишек будет быстро усваивать дело, а кто-то нет. Чтобы их не расхолаживать, давать им возможность получать как можно больше умений и навыков. Мы считаем, что многие подростки, не все конечно, за год смогут освоить машину, трактор и комбайн. Интересами ребятишек постоянно кто-то должен жить и направлять в нужное русло эти интересы. Дома мы ребятишек не только быстрее и дешевле обучим, но и сохраним их». – «Как – сохраним?» – не понял наш председатель. «В СПТУ всякий хлам собирается – хулиганишки, воришки, нахалы, лгунишки. Всем хорошо известно, что всё дурное перенимается быстрее, без плана и без желаний». – «Но ведь там процесс обучения проходит под руководством опытных, образованных людей-воспитателей», – не соглашался наш председатель. «Э-э-э... Наивный вы человек, Пётр Иванович. Нынче много развелось неграмотных людей с высшим образованием и разных воспитателей. А кто знает, что такое – воспитание? По-моему вся Академия педагогических наук не имеет представления о воспитании. Иначе не срамили бы Россию перед миром всякими глупыми школьными реформами. Но главное, Пётр Иванович, вот, что нас беспокоит: обучим ребятишек, а квалифицировать их не имеем права. Как быть?» – «Очень просто, – вклинился в разговор агроном. – Можно свозить пацанов в автошколу на экзамены. А можно сюда, на место, экзаменационную комиссию пригласить». – «Можно, молодой человек. Всё можно, – согласился Лубянский председатель. – Вот только ни одна экзаменационная комиссия не имеет полномочий квалифицировать несовершеннолетних». – «Придётся ходатайствовать перед райсоветом, а может быть и выше», – уточнил наш председатель. «Верно, Пётр Иванович. Вот когда мы с тобой вдвоём будем хлопотать, это будет более веско и убедительно. А если я один пойду – меня, может быть, и выслушать не захотят. Вот за этим мы и приехали с Сергеем Савельичем».

Разговор взрослых для нас, пацанов, всегда чем-то интересен. Я пытался понять о чём спорят взрослые – что-то понимал, что-то не очень. Но уходить из правления я не собирался. А вот маме, наверное, скучно? Я глянул на неё. Она слушала внимательно. Разговор был, видно, и для неё интересен.

«А ты, Васька, хочешь быть механизатором?» – шёпотом поинтересовалась она у меня. Я посмотрел ей в глаза, потом глянул на дядю Серёжу и решительно сказал: «Хочу». – «Тогда слушай. О тебе заботятся».

Между тем взрослые шумно, наперебой стали обсуждать, как организовать подготовку будущих механизаторов. Кто предлагал построить в Лубянке общежитие рядом со школой, объединить всех учеников – Лубянских и Кокошинских. Потребуется столовая. Тут даже я предложение высказал: «Поваром поставить Пелагею Нефёдову. Пусть она нам пельмени гнёт». Все засмеялись. Кто-то предлагал вовсе ничего не строить, чтобы нас не отрывать от родительского очага, от родных хозяйств. Много было споров.

«Ладно, – сказал наш председатель наконец. – Главное, никто не против. А как организовать, давайте подумаем не торопясь, чтоб без ошибок». И все стали расходиться – время-то было позднее. Ма с мамой тоже направились к двери, но дядя Серёжа попросил задержаться. Я, конечно, понял для чего. Он пригласил нас в машину, дорога была попутная. Вот дорогой мы им с председателем всё и рассказали, по какому случаю мы в правлении оказались.

«Ну вот, если наша задумка удастся, – сказал дядя Серёжа, – мы с тобой, Васька, часто будем видеться. А пока, не трусь!» И они с председателем уехали в Лубянку, а мы с мамой направились в дом.

В эту ночь я плохо спал. Мне всё хотелось у мамы спросить, а кто же всё-таки мой отец? Но я не решился бередить больную мамину душу. Ладно, думаю, как-нибудь в другой раз спрошу. Вдруг ей неприятно вспоминать об этом. Ведь если бы он был хорошим человеком, она сама бы мне о нём всё рассказала, и гордилась бы им. А раз она молчит, значит – плохой. А зачем он мне плохой-то нужен? Мама тоже плохо спала. Я это слышал. Может она тоже думала о том же? Тяжело ей было после Пелагеинового концерта.

Утром рано пришёл Стёпа, не поздоровался, молча вставил стекло в разбитое окно и ушёл. Вот и всё.

4 Волки

После Пелагеинового концерта над Стёпой Кокошинские мужики стали часто посмеиваться и подшучивать, а иногда даже и мелкие пакости устраивать.

«Эй, Степан, Пелагея тебе велела мяса в бухгалтерии выписать – пельмени будет стряпать». – Или: «Степан, у тебя бутылка-то до сих пор, поди, не распечатана? Пельмени галки съели – закусывать-то нечем». – «Степан, а Колька сам научился стёкла бить, или ты научил». Ну и так далее. Я в начале думал, мужики сочувствуют нам с мамой, коль так ополчились на Стёпу. Но, оказывается, механизаторы его не любили, как иждивенца, лентяя и тупаря. То деталь какую-нибудь с его трактора снимут, то деталь поставят наперекосяк, так, что он целый день не может трактор завести, то ещё какую пакость устроят.

Федька Хомутов работает в мастерских токарем и слесарем. Он хорошо разбирается в технике. Иван Семёныч – механик – считает его своим будущим заместителем, несмотря на то, что он ни шофёром, ни трактористом быть не может, потому что у Федьки правая нога не гнётся – он инвалид. И вот Стёпа по всякому пустяку обращается к Федьке. Федька – парень добрый. Но он дружит с Шуркой Мякукиным. Шурка Стёпу не любил, а потому подговорил Федьку устроить Стёпе шутку. Попросил Стёпа Федьку что-то подрегулировать в двигателе трактора. Федька отрегулировал, завёл трактор, проверил его работу, хлопнул по плечу.

«Степана – «работай на здоровье!». Заглушил двигатель у трактора и незаметно вставил спичку в жиклер карбюратора у пускача, а сам ушёл в мастерские. Стёпа получил наряд и стал заводить трактор. Дёргал, дёргал супонь пускача, а тот чихнёт и тут же глохнет. Час дёргал, другой. Походит вокруг трактора и опять дёргает. Зимний день короткий – каждая минута дорога, время летит безжалостно, а Стёпа всё дёргает. Сжалился Фёдка, подошёл к Стёпиному трактору.

«Ты чего это, Стёпа, над техникой издеваешься?» – «Это она надо мной издевается!» – «Я ж тебе отрегулировал... Нормально ж трактор заводился». – «Пускач не заводится». – «И чего он на тебя так осердился?» – «А чёрт его знает!»

Под руку Фёдке подвернулся Серёжка Ерохин, сопляк, в четвёртом классе учится. «Ну-ка, Серёга, иди-ка сюда». – «Чего ещё?» Фёдка накрутил супонь на маховик. «На-ка вот, Серёга, дёрни», – попросил он пацана, а сам незаметно спичку из жиклера убрал. Серёжка дёрнул, да силёнки у пацана, видно, маловато, не провернул толком вал пускача. «А ты упрись левой ногой вот сюда, – посоветовал Фёдка. – Вот так». Серёжка изловчился и дёрнул сильней. Пускач завизжал на больших оборотах, безжалостно давя своим громким, высоким звуком на уши. «Молодец, Серёга! – похвалил Фёдка. – Быть тебе трактористом».

Серёжка расплылся в блаженной улыбке, но Стёпа взял его за шиворот и сердито оттолкнул от трактора. Фёдка заругался на него: «Вот дурак неблагодарный!.. Не обижайся, Серёга, нечего на дураков обижаться». Фёдка пошёл к председателю и всё рассказал. «Эх, и подведёт когда-нибудь Стёпа наш колхоз!» – высказался по этому поводу председатель.

А вскоре правление командировало Стёпу трелевать в лесу брёвна. Он заправился и хотел уже ехать, но его кто-то окликнул, мол, председатель его зовёт, сказать что-то ему хочет. Стёпа побежал искать председателя, а в это время у него из бака почти всю солярку слили. Стёпа председателя не нашёл, вернулся сердитый – понял, что над ним опять подшутили. Завёл он трактор, поехал в лес. Только до делянки добрался, горючка закончилась – трактор заглох. Стёпа опять полдня пытался его завести, прежде чем понял, что бак-то пустой. Пешком вернулся он в Кокошино, нашёл председателя и пожаловался, что у него горючку слили. Председатель – к мужикам: «Кто у Степана горючее слил?» – «Никто, – говорят, – не сливал». – «Но бак-то пустой». – «Не может быть!» Поехали председатель со Стёпой в лес, проверили – полон бак соляры. Стёпа удивился, руками развёл. Председатель его отругал и уехал.

Я после узнал от Вовки Мякуки про это. Это Шурка, Вовкин брат, слил и уехал с соляркой на ту же делянку, помогать Стёпе трелевать брёвна. Когда Стёпа ушёл в деревню, он снова залил солярку ему в бак. А Стёпа никак не мог понять – не было горючего и вдруг появилось... После этой истории Стёпа подал председателю заявление, чтоб его перевели на свиноферму, а от трактора освободили. Так всё и получилось. И вскоре в школе было общее собрание. Пригласили всех старшеклассников, родителей, механизаторов и учителей. За столом сидели председатель колхоза, механик и директор школы. Директор обратился к старшеклассникам: «Кто хочет стать механизатором?» Почти все парни, кому исполнилось четырнадцать, подняли руки. А мне ещё три месяца до четырнадцати. Подумаешь, три месяца... Я тоже руку поднял.

«А ты, Сыроедов, куда? Тебе ещё рано». – «А я, – говорю, – на Стёпин трактор». Всем почему-то стало смешно. Посмеялись, покумекали, и записали-таки меня. Потом нас распределили по механизаторам. Нас, желающих, оказалось много. Опытных механизаторов – учителей-наставников – не хватало. Прикрепили к кому двоих, к кому троих. Шурка Мякукин был пока механизатором неопытным, но он тоже пришёл и просил себе учеников. Но ему их не давали. Он доказывал, что на ошибках учатся. Вместе будем ошибаться – быстрее научимся. Я сам пожелал пойти к нему. Спорить с нами не стали. И Шурка стал моим учителем. Он сам с полгода как права получил, а уже – учитель!

Вовка Мякука моложе меня на полгода и ростом поменьше. Он в механизаторы не просился, но знал, что придёт и его время. Поэтому он техникой интересовался не меньше меня.

Мы часто с ним рассуждали на тему устройства двигателя, карбюратора, той или иной системы, взаимодействия частей, деталей и прочего. Поэтому Шурке легко было объяснять нам необходимые истины. Он был нами доволен и считал учениками обоих. А потом сажал нас по-очереди за баранку, для практики.

Зимой, в каникулы, мы ездили в Лубянку каждый день. Там дядя Серёжа устраивал нам соревнования – то по теории, то по правилам дорожного движения, то по вождению. Оценки он нам не ставил. А тех, кто в чём-то затруднялся, подбадривал: «Ничего, парни, не трусьте. Все мы люди разные – у кого-то сразу получается, у кого-то не сразу. Но раз мы – люди, всё человеческое нам по силам. С одного раза не получилось – со второго попробуй, с третьего, с четвёртого, с пятого, с десятого... Всё равно, рано или поздно, получится!»

И мы старались, и у всех, пусть не сразу, но получалось то, что от нас хотели взрослые. Плохих оценок дядя Серёжа не ставил. Он не справившихся записывал в тетрадь, потом собирал их наставников и просил побольше ученикам уделять внимания, и доказывал, что ученики – это будущие помощники, от которых будет зависеть процветание колхоза. А кому не ясно, что, чем богаче колхоз, тем богаче колхозники. Дядю Серёжу все понимали. В общем, к апрелю мы не только освоили автомобиль и трактор, но и многому научились при ремонте техники, при подготовке к посевной и понемногу стали вникать в хозяйственные и агрономические вопросы. Проще сказать, мы за зиму повзрослели.

Чрезвычайных происшествий никаких не было. Только разве одно... Это дядя Костя Кудрявов (Костюнькин отец) перевернулся на машине, съезжая под гору. Но ничего страшного – лишь слегка ушибся да у машины кабину помял. А груз не пострадал, только упаковку слегка нарушил. Он из сельхозтехники двигатель к комбайну вёз. Колесо у него одно спустило и он решил доехать до Кокошино на трёх, как я в марте ездил в Лубянку с молоком. Он видимо подумал, что это просто. «Васька на трёх колёсах с молоком до Лубянки доехал, а я чем хуже?..» И опрокинулся. А было вот как. Шурке было поручено отправить с фермы молоко в Лубянку на сепаратор. Кокошинский сепаратор был в ремонте. А я, как ученик, был при Шурке. Вовка прихворнул и мы были вдвоём. Погрузили молоко (двенадцать фляг) и поехали. За баранкой был я. Не успели толком отъехать – бах! Камера у правого переднего колеса лопнула. На проволоку какую-то напоролся. Что делать? Запаски нет. Ехать надо срочно – сепаратор не только нас обслуживал, но и Лубянскую ферму. Медлить нельзя. Шурка побежал в мастерские, а я остался у машины. Стою и думаю: «Вряд ли Шурка найдёт Ивана Семёныча, механика, чтобы быстро сменить колесо. Иван Семёныч собирался сегодня съездить в сельхозтехнику, а кто другой поможет в такой беде? Будет большая задержка и будут неприятности. Мне-то может и ничего не будет, а Шурке попадёт.

Я, пока Шурку ждал, поддомкратил передок машины, снял колесо. Стою, нервничаю, соображаю: «А что, если весь груз в машине сдвинуть к левому заднему колесу? Тогда переднее правое совсем не нужно». Забросил накрывшееся колесо в кузов, сдвинул фляги в левый задний угол, закрепив их тросиком, чтоб в пути по кузову не ползали. Завёл машину и потихоньку поехал, тормозя перед каждой кочкой и рытвинкой. Проехал немного – получается! Остановился, поглядел в кузов – фляги на месте. Поехал дальше смелей. Перед лесом дорога в гору. Это хорошо – фляги вперёд не просятся. Но вот, проехав лес, дорога стала спускаться к речке. Поеду под гору, фляги могут передвинуться к кабине и их тяжесть может потребовать четвёртое колесо. Я остановился, подумал, развернул машину и спустился под гору задним ходом. Выехав на ровную дорогу, снова развернул машину кабиной вперёд и поехал как полагаётся. Приехал к сепараторной, никто и не обратил внимания, что у машины всего три колеса. Фёдор Степаныч, сепараторщик, завозмушался: «Почему один приехал? Кто тебе разгрузать поможет? Я ведь не грузчик, всем помогать». – «Фёдор Степаныч, – говорю, – ну, беда случилась, потому один и приехал». – «Какая ещё беда?» – «Да вон, видишь?..» – указал я ему на

отсутствующее колесо. «Эх ты ж, мать честная! Это как же ты на трёх-то колёсах доехал? А Шурка где?» – «Колесо, – говорю, – пошёл искать».

Фёдор Степаныч помог мне выгрузить фляги и я пошёл в правление, чтоб позвонить в Кокошино – Шурка ведь там, наверное, меня потерял? Долго я пытался дозвониться. То никто не отвечает, то никто ничего не знает о Шуркиных проблемах. Словом, больше часа впустую убил, и вернулся в сепараторную. Фёдор Степаныч, тем временем, пропустил почти всё молоко. Я подождал когда он закончит, в надежде, что он поможет мне загрузить в машину обрат и сметану, но привезли Лубянского молоко двое парней, такие же, как и я, практиканты, помогли мне погрузить, даже не заметив, что машина стоит на трёх колёсах. А когда я стал упаковывать фляги, увязывая их тросиком, поинтересовались: «Что это ты, Васька, так тщательно фляги крепишь? Боишься, что по кузову разбегутся? Борта-то у тебя ведь хорошо закрыты». – «Да вы что, парни, – говорю, – али не видите, что я на трёх колёсах ежусь?» – «Как это на трёх?..» Только тут они обратили внимание и пришли в ужас. «Да ты, Васька, совсем с ума сошёл! Опрокинешься же моментально! Выгружай сметану обратно – разольёшь же всё по пути!» – «Не разолью!» – говорю. «Сюда доехал и обратно доеду». – «Не дури, Васька! Ну давай мы тебе на нашей машине всё отвезём. Давай перегрузим...» – «Спасибо, – говорю, – парни! Вам надо учиться ездить и мне надо учиться. Вот я сам и отвезу».

Завёл машину и поехал потихоньку, а парни глядели мне в след, разинув рты, глазам своим не веря. И я, так же не торопясь, потихоньку доехал до Кокошино. А там меня потеряли. Никто не видел как я уехал. Другая машина не приходила, молоко не перегружали. А что на трёх колёсах можно ездить, никто не подумал. Вот дядя Костя и решил воспользоваться моим опытом. После он специально приходил ко мне домой и спрашивал: «А как это, Васька, ты молоко в Лубянку и обратно на трёх колёсах возил, а я километра не смог проехать – опрокинулся?» – «А у тебя, дядя Костя, – спрашиваю, – какое колесо отсутствовало? Левое? Правое? Заднее или переднее?» – «Всё, Васька, как у тебя было – переднее, правое...» – «А груз у тебя в которой стороне был?» – «Да как мне его погрузили... – дядя Костя почесал за ухом. – Так посередине кузова, наверное». – «Э-э-э, дядя Костя, – говорю. – А ведь я в первую очередь про груз думал. Для чего машине четыре колеса? Чтоб она не упала. А если осталось три – упадёт. И куда упадёт? На тот бок, где нет колеса. Вот я весь груз и сдвинул туда, где есть колесо – в противоположный угол – и его закрепил понадежнее, чтоб он не сдвинулся при тряске в тот угол, где нет колеса». – «Это, Васька, я соображаю, – сказал дядя Костя. – Пока ехал по ровной дороге, всё было хорошо, а стал спускаться под гору – загремел». – «А я, дядя Костя, под гору задом спускался». – «Эх ты ж, мать честная!» – воскликнул дядя Костя обхватывая голову руками. «Что, дядя Костя?» – спрашиваю. Но он на мой вопрос не ответил. Встал, прошёлся взад-вперёд по избе и сказал: «Не нам надо вас, пацанов, учить, а нам у вас учиться. Ну конечно надо было задом спускаться!»

Пётр Иваныч поругал его тогда: «На кой чёрт тебе надо было умничать? Зачем надо было торопиться? Двигатель не молоко, не прокис бы». И ещё подметил ему: «Ум человеку дан не только для того, чтобы думать, а и для того, чтобы понимать кем-то что-то придуманное».

А Шурка меня тогда встретил чуть ли не с кулаками: «Растакой ты сякой, Васька, с ума сошёл! Мало того, что я всю деревню избегал, перенервничал, пока тебя искал, так ты ещё и недозволенным занимаешься! А если бы ты перевернулся? Меня в тюрьму бы за тебя посадили!»

Жалко мне стало Шурку. «Ну побей, – говорю, – если я виноват». – «А вот сейчас и побью!» Взял он меня за грудки, потряс... и отпустил. Потом подошёл к машине, осмотрел её со всех сторон, в кузов заглянул, взялся за крыло над отсутствующим колесом, попробовал раскатать машину, почесал затылок и сказал: «А ты, Васька, молодец!»

А вечером все механизаторы собрались возле мастерских, получилось вроде незапланированного собрания. Мой поступок обсуждали. Кто хвалил меня, кто бранил. Спорили. И

Шурке раззявство приписали. Ну, а раз это было не настоящее собрание, Шурка ни на кого и ни на что не обиделся, только подмигнул мне и стал собираться домой. «Послушайте, братцы! – закричал Витька Балагин. – А может Васька – экстрасенс?» – «Какой ещё экстрасенс?» – спросил кто-то. «Ну это... Как в Англии-то тот, который часам на башне приказал остановиться. Может Васька тоже умеет вот так вот приказывать? Приказал машине, чтобы она не опрокидывалась – вот и съездил в лубянку и обратно... на трёх колёсах». – «Не мели ерунду, – сказал Шурка, раздумав идти домой. – Соображаловка у него работает правильно. Экстрасенс...» – «А ты, Васька, на одном колесе можешь ездить?» – не унимался Витька. «Нет, – говорю. – На одном колесе только в цирке ездят». – «А на двух?» – «На двух, – говорю, – смогу». Все зашумели. Кто засмеялся, кто высказал недоверие. «Как на велосипеде что ли? Ты что, оси как-то на середину переставишь?» – «А зачем переставлять? – говорю. «Два колеса сзади, а впереди – лыжи». – «Специальные будешь делать лыжи-то? Тяжесть-то ведь большая. Пока лыжи делаешь, можно двадцать камер заклеить». – «А никакие не буду делать. Вы спросили – сумеешь?», я ответил – сумею. Вот и всё».

Все притихли, а кто-то рассмеялся. На этом все и разошлись.

Пётр Иваныч потом, на колхозном собрании, вспоминал мой оступок: «Вот как надо радеть, заботиться о колхозном добре. Васька Сыроедов с большим риском ко времени отвёз молоко на сепаратор в Лубянку. На трёх колёсах!.. Это надо же!..» Но потом, всякий раз как меня встречал, председатель говорил: «Ты, Васька, пожалуйста больше так не рискуй – опасно это».

А Иван Семёныч мне пальцем погрозил и строго предупредил: «Ты, Чурок бесшабашный, прекрати заниматься самодеятельностью! Из-за тебя, не дай бог, ещё Шурку в тюрьму посадят».

Чурок – это моё прозвище. Парни иногда меня так обзывают. За что? Я не знаю. Но я на это прозвище не обижаюсь. Наоборот, оно мне нравится. Но я не слышал, чтобы меня обзывали взрослые. А вот Иван Семёныч обозвал. «Взрослые не рискуют на трёх колёсах ездить, – продолжал Иван Семёныч, – а ты... Чтоб такого больше не было!»

А вот дядя Костя рискнул. Ну, слава богу, всё обошлось. Ну уж от дяди Серёжи мне выговор был хороший. «Если, – говорит, – ты ещё что такое выдумаешь, я прикажу, чтоб тебе больше баранку не доверяли. Решительность вещь хорошая, – внушал он мне, – только не всякое решение бывает верным. Ты мог не всё учесть, а исправить ошибку не всегда возможно. Бывает что уже и поздно исправлять. А бывает, что уже и некому». – «Риск – благородное дело», – попытался я ему напомнить всем известное выражение. Дядя Серёжа резко ко мне повернулся. «Я тебе дам «риск»! Риск бывает слепой... а бывает взвешенный». – «Так я вроде всё продумал», – спорил я. «Продумал? А всё испытал? Мог тросик не выдержать или развязаться. Или ещё что могло случиться непредвиденное. Раз в инструкциях такое не рекомендуется, значит это не дозволено. А за это права отбирают. И привыкать к подобным вольностям я не позволю».

А я и не знал, что дядя Серёжа может быть таким строгим. Я попросил у него прощения и поклялся впредь недозволенного не творить. Я только виновато спросил: «А почему дядя Костя позаимствовал у меня недозволенное? Он же старше меня... Он опытный». – «Дядя Костя? Вот тебе пример. Дядя Костя перенял у тебя то, что не надо было перенимать. Слава богу, что он жив остался. Могло ведь и хуже получиться». – «А почему он перенял?» – повторил я вопрос. – «Да не должен он был перенимать! Но... – дядя Серёжа подумал. – Психология... Человеческая психология исковеркана жизнью. Мы семьдесят лет живём по указкам да по подсказкам. Нам запрещено самим думать и решать. Для нас сверху существуют указы, приказы, установки, директивы, всякие уставы да инструкции. А при запретах человеческая психология способна возмущаться. Вот дядя Костя и решил проявить себя поперёк запретам. Но он не сумел воспользоваться своим умом. Дядя Костя человек умный. Но он воспитан в духе

иждивенчества. Он привык жить по указкам да по подсказкам. И твой пример перенял бездумно». – «Это как – бездумно? Человек ведь он потому и человек, что постоянно думает». – «Правильно. Так и должно быть. Но вот беда – можно думать, решать сложные задачи, а можно и заблуждаться. И ладно если бы кто-то заблуждался и страдал сам. А тут вот как получается – кто-то заблуждается, а страдают дяди Кости».

Я смотрел на дядю Серёжу, внимательно слушая и стараясь уловить его логику. А он давно уже укротил свой гнев и не отчитывал меня, а ушёл в свою логику, полную возмущения. «Мы – иждивенцы. Не потому, что нам думать не хочется, а потому что нас такими делают». – «А зачем?» – «Что – зачем?» – «Зачем нас иждивенцами делают?» – «А затем, чтоб мы были зависимыми, безропотными, послушными». – «А кому и для чего это надо?» – «Надо, Васька. Очень даже надо. Это надо для того, чтобы свободно, беспрепятственно паразитировать». – «Как это – паразитировать?» – «Ты что, не знаешь слова «паразитировать»?» – «Знаю. А человек тоже что ли паразит?» – «Человек, Васька, в высшей степени паразит». – «Ну это ты уж, дядя Серёжа, слишком... «Человек – это звучит гордо», сказал Горький». – «Горький в своё время был прав. Он это придумал во имя культуры. Культура, она прячет многие грешные стороны человека. По законам культуры мы не должны ни говорить, ни думать, что человек – паразит. Есть правила приличия, которые отвлекают наше внимание от многих дурных сторон. Ну, например – ты же с расстёгнутой ширинкой по улицам не ходишь?» – «Нет!» – рассмеялся я. – «А растрёпанный, не причесанный, в рваной рубаше в школу ходишь?» – «Нет. Но всё равно, дядя Серёжа, как-то не по себе слышать, что я – паразит». – «И одеваемся, Васька, мы не только ради тепла, а ещё и чтобы что-то спрятать. И нужду после обеда стараемся справить в тайне. И много чего мы прячем от людей и от себя. Ты, Васька, просто никогда не задумывался над этим. И это очень хорошо. На самом же деле, Васька, весь животный мир – рыбы, птицы, звери, насекомые задуманы генами так – все они за счёт друг друга живут – паразитируют». – «И корова паразитирует?» – удивился я. «И корова... Чем она питается?» – «Травой». – «А трава, она разве не живая? Трава тоже организм».

Удивлению моему не было конца. Я стоял, глядел на дядю Серёжу широко раскрытыми глазами и думал – какой нехороший получился разговор! Нет, не то, что нехороший, а просто неприятный. Мне страшно не хотелось признавать себя паразитом. «А почему человек «в высшей степени паразит»?» – спросил я. – «А потому, Васька, что ни одно животное не паразитирует за счёт своих сородичей, а человек паразитирует за счёт человека». – «Нам в школе такого не говорили», – пожаловался я. – «В школе много чего не говорят. Учителя тоже ведь работают по указкам да подсказкам. А по-настоящему мы жизнь познаём только после школы, когда носом ткнёмся в нужду да во всякую несправедливость. Я вот что сейчас подумал. А можно ли из паразитов создать коммунизм?»

От такого вопроса я рот разинул. Уставился на дядю Серёжу, не знаю что сказать. А он посмотрел на меня и ещё страшнее задал вопрос: «А когда паразиты сожрут друг друга по пути к коммунизму, чем при коммунизме питаться?» – «А ты, – спрашиваю, – дядя Серёжа, почему не коммунист?» – «Почему я не коммунист? Всем интересно, почему я не коммунист. Вот и ты заинтересовался. А в этом совсем ничего интересного нет. Не верю я в коммунизм, вот и всё. Коммунизм – это сказка. Детская выдумка». – «Детская?» – удивился я. – «Да, Васька. По-детски глупая выдумка. Идея, мягко говоря, до конца не продуманная, многое не учитывающая, и вообще по сути – абсурдная». – «И в чём она абсурдная?» – «Да можно сказать во всём. Вот главный её принцип – «от каждого по возможности, каждому по потребности». Сделать всех иждивенцами – просто, но от паразитизма человека отучить нельзя. Паразитизм в человеке, увы, заложен природой, генами. Природу не переделать. Её можно нарушать, но не переделывать. А за нарушения она мстит. И кроме того – потребности человеческие безграничны, их никогда не удовлетворить. Равноправие – невозможно». – «Почему потребности не удовлетворить?» – «А потому что потребности рождаются с развитием человеческого бытия.

На заре человечества потребности сводились к куску жареного мяса для пропитания, шкуре животного в качестве одежды, пещере в качестве жилья. А теперь?.. К тому же, сначала рождаются потребности, потом появляется необходимость их удовлетворения. Сначала возникают задачи, а потом необходимость их решения, а не наоборот. Вот видишь, какой сам по себе замысел коммунизма глупый. Детская сказка да и только». – «А Ленин? А Маркс?» – «Что – Ленин, Маркс?» – «Разве они не умные люди?» – «А ты их читал?» – «Нет» – «А говоришь умные». – «Так везде же – и в газетах, и в книжках, и в кино, и в школе их выше Бога ставят». – «Не верь тому, что говорят и пишут, узнай сам, убедись, разберись. Так учит Чехов. Вот это умница». – «Ну-у-у-у... вот я и сам... не по инструкции... на трёх колёсах...»

Дядя Серёжа улыбнулся, потрепал меня за волосы. – «На слове меня ловишь? Поверь мне, Васька, нельзя этого делать – это очень опасно. Один раз получилось – слава богу! Но больше не повторяй».

Ну, я, конечно, дал слово, что подобное больше творить не буду.

Пролетели зима, весна и лето. Все мы, пацаны, научились водить машину, трактор и комбайн, но прав нам никто давать не собирался, поскольку все мы были несовершеннолетние. Оба председателя и дядя Серёжа много раз ездили в район, в областной центр с просьбами, с заявлениями, но безрезультатно. Сергей Семёныч возмущался: «Чёрт знает, что у нас за закон! Какой-то дурной, бесчеловечный – совершеннолетие только в восемнадцать лет. Один дурак придумал, другой дурак поддакнул. Сплошная безграмотность! Ведь мы все разные – одни созревают раньше, другие – позже, одни умней, другие глупей, одни крепче, другие слабей. По всем данным все мы разные, потому что у всех у нас условия и природа разные. Не могу понять за какие заслуги за стол законодателей дураков сажают? Ведь жизнь не раком пятится, а вперёд двигается. Если до революции и в революцию четырнадцатилетние и пятнадцатилетние способны были чудеса творить, то ныне, при таких условиях, когда молодёжь грамотная, до предела напичканная всякой информацией через радио, кино и телевидение, в сто раз более развитая и физически при нашей сытости, сильная, в двенадцать-тринадцать лет способна проявить человеческие качества более чем взрослые. Восемнадцать лет!.. Какая глупость! Какой срам!» – «Не кипятись, Сергей Семёныч, – уговаривал Пётр Иваныч. – Всё равно тебя правительство не слышит. А услышит – тебе же сделает хуже. На большее оно не способно».

И мы работали в полях, на фермах, в лесу, ездили по территории наших колхозов, а дальше нам дорога была закрыта. Дядя Серёжа на наш вопрос – «Когда нам дадут права?» – отвечал: «Потерпите, парни. Сейчас в стране идёт перестройка – неразбериха. Вот когда всё встанет на своё место, тогда нам и дадут». – «Какая такая «перестройка-неразбериха»?» – спрашивали парни. – «Политика меняется. Методы руководства страной... власть... в общем, всё меняется. Только на что меняется – сам чёрт не разберёт. Вот и неразбериха». – «А зачем?» – спросил Костюнька. – «Что – зачем?» – «Менять-то зачем?» – «Ну как зачем? Семьдесят лет мы шли к коммунизму неведомой дорогой неведомо куда. Вон Васька однажды шёл неведомой дорогой неведомо куда, а потом ночевал в обнимку с медведем. Хорошо, что ему медведь добрый попался. Вернее он доброму медведю...»

Парни засмеялись, зашумели – всё поняли. Ну а к осени я стал замечать, что тётя Тая становится круглее. «Забота у меня, Васька, – сказал однажды дядя Серёжа. – Дом надо строить – мала наша избёнка-то. Ребёнок будет – тесновато будет». – «Ну и как быть?» – спрашиваю. – «Лес надо заготавливать на сруб, на доски». – «Так нас, парней, много. Мы поможем. Хоть завтра». – «Завтра не надо». – «Почему?» – «На постройку лес заготавливают зимой, а сейчас лето». – «А почему зимой?» – «Летняя заготовка быстро сгниёт». – «А какая разница? Зимняя, значит, не сгниёт?» – «Большая разница. Дерево, оно не бездумно растёт. Летом оно торопится взять больше из земли, из воздуха, от солнца для самопостроения. Оно наполнено всякими ненужными и нужными стройматериалами – химическими элементами. В дереве летом имеются и укрепляющие и разрушающие вещества. Одни нужны для построения древесины,

другие – для коры, для листьев и плодов. Но вот осенью дерево, перед заморозками, начинает освобождаться от разрушающих веществ, оставляя в себе только укрепляющие, защищающие его от болезней, от морозов. На зиму дерево не только сбрасывает листья, но и освобождается от всего лишнего. Вот если бы в дереве в зиму осталась вся влага... Вон весной сколько её в дереве. А осенью дождей больше, чем весной – влаги в дереве ещё больше должно бы быть. Но если бы в дереве в зиму осталась вся влага, что бы с деревом было?» – «Лопнуло бы, – говорю. – Морозом бы порвало». – «Вот именно. Но этого не случается, потому что дерево, это предвидя, старается избавиться от лишней влаги, а вместе с ней и от ненужных ему зимой веществ. Вот поэтому древесина, заготовленная зимой, крепче и долговечней летней».

Дядя Серёжа мне объяснял, а я «мотал на ус». «Ну и когда, – спрашиваю, – пойдём в лес?» – «В декабре, Васька, пока в лесу не слишком убрдно».

И вот, где-то в первых числах декабря, мы вдвоём собрались в лес. Дядя Серёжа где-то раздобыл две пары охотничьих лыж с дюралевыми палками, себе и мне ватные брюки и фуфайки. И, заткнув за ремень топора, мы пустились по той дороге, на которой я расстался с медведем. Снегу было пока ещё не очень много. Под лыжи подвёртывались большие комья застывшей грязи, и мы часто демонстрировали друг другу свою неловкость. Лыжники мы были оба таксебейные, потому друг над дружкой не смеялись, но старались друг от друга не отставать. В лес мы зашли немного левей того места, где я с медведем выходил. Зашли по свежепроторенной тракторной колее. Деревья были уже повалены. Нам предстояло очистить их от сучьев – приготовить для раскряжёвки. Повалены были в основном ели и пихты. Некоторые лежали друг на дружке. Ходить по этим завалам было очень неудобно – мешали ветви поваленных деревьев и придавленные ими молодые берёзки и липки. Оставив лыжи возле пня первой ели мы вытащили из-за ремней топоры и, не теряя времени, принялись срубать сучья. Чтобы не мешать друг другу я решил отойти к середине ели, но дядя Серёжа посоветовал мне отложить топор и отгаскивать срубленные им сучья в кучу, чтобы они не мешали потом раскряжёвывать и трелевать. Мы увлеклись, вошли в азарт и не заметили как пролетел день. В декабре ведь день короток и темнота наваливается торопливо. Дядя Серёжа расправил плечи, покрутил руками, потянулся, поработал уставшими пальцами рук, достал сигарету – первую за весь день – и велел мне собираться. Я подал ему палки с лыжами, одел свои, сунул топор за ремень и мы двинулись домой. Торопливые сумерки нас подгоняли и мы быстро вышли из леса. Я вырвался вперёд, стараясь держаться на лыжне, проделанной нами утром, а дядя Серёжа спокойно шёл за мной. И вдруг – как будто детский плач. Меня обдало жаром какого-то страха и жалости. Я резко остановился и оглянулся. Дядя Серёжа упрямо держал во что-то воткнутую под кустом справа лыжную палку и, неуклюже расшеперив лыжи, левой рукой тянулся под куст. Я заторопился к нему, наступил лыжей на лыжу и упал. Пока барахтался да вставал, дядя Серёжа со своей задачей справился. Когда я оказался на ногах он левой рукой держал за задние лапы зайца. Заяц взбрыкивал и с его мордочки на снег капала кровь. Я чуть не заплакал от жалости. «Зачем ты это, дядя Серёжа?» – «Как зачем? Будет на ужин зайчатинка». – «Отпусти, – говорю. – Жалко ведь». – «Поздно, Васька, он уже не жилец». – «Как ты сумел его поймать?» – «Случайно. Совсем случайно. Не то я устал, не то лыжник никудышный. Покачнуло меня на куст-то, а он видно под этим кустом затаился. Встрепенулся как раз в тот момент, когда я палкой хотел упереться в это место, чтоб равновесие удержать. Ну, я его и придавил палкой-то. Проткнул...»

Заяц успокоился и больше не вздрагивал, но кровь продолжала капать. Дядя Серёжа хотел привязать его к своему ремню, но побоялся выпачкаться в крови, раздумал. Взял обе палки в правую руку, а зайца понёс в левой. Мы потихоньку двинулись вдоль леса. Сумерки заметно сгущались, ночь заботливо начала укрывать землю. Подходя к тому месту, где дорога сворачивает вправо и спускается вниз к речке, мы услышали позади другой плач – волчий. «Вот это хуже... – сказал дядя Серёжа, торопливо запихивая задние лапы зайца за ремень. –

И лыжня ни к чёрту – по ней нам от волков не уйти. Ну, Васька, не падай!» И мы торопливо стали спускаться вниз. Под лыжи часто попадали застывшие грязевые кочки, в любой момент способные стать причиной падения. Наша торопливость и скверное умение стоять на лыжах были скорее в пользу волкам, а не нам. К тому же и стужающаяся темнота не шла нам на пользу, обкрадывая нашу проворность. Волки быстро приближались к нам справа. Они шли не по нашему следу, а двигались поперёк поля, срезая путь. До деревни осталось километра два, но там никто не знает, что нам нужна помощь. На что надеяться? А волчья стая большая – не отобьёшься. Да и чем отбиваться-то? Топорами? Пока я замахваюсь волки меня в клочья разорвут. Вон их сколько!

Я бежал, сосредоточенно глядя под ноги, чтобы не упасть, но страх тянул мои глаза вправо, к волчьей стае. Считать волков было некогда. Считать можно было только минуты оставшейся жизни. А какой смысл их считать. Надо думать, как отбиваться. Вот они уже ясно различимы. Их много. Впереди огромный гривастый вожак.

«Стой, Васька, – скомандовал дядя Серёжа, торопливо высвобождая из-под ремня топор. – На, стучи топором о топор, чтоб звяканье металлическое было». Потом он выхватил из-под ремня зайца и швырнул его в сторону приближающейся волчьей стаи. Звонкие стальные звуки остановили волков. К тому же они набросились на зайца, которого, впрочем, им на такую толпу было явно мало. Меж волками началась грызня. Дядя Серёжа достал складной нож и, подав мне, велел скорее отрезать от его фуфайки правый рукав. Дорога была каждая секунда, поэтому он даже не стал с себя фуфайку снимать. Мне пришлось помучаться, чтобы разрезая грубую ткань и вату не порезать ему руку. Сдёрнув с руки срезанный рукав. Дрожащими от волнения руками, отворачиваясь от ветра, дядя Серёжа разжёл вату. Тлеющий рукав издавал неприятный запах. Дядя Серёжа натянул рукав на лыжную палку, снял с себя ремень и, привязав им рукав к палке, отдал её мне. Я стал размахивать этим вонючим факелом. Волки довольно быстро разорвали зайца. И хватило, разумеется, не всем. Зайчатина только ещё больше разожгла их аппетит и ещё больше распалила их, нацеленную на нас, агрессивность. Но мы успели воспользоваться их замешательством – обзавелись вонючим факелом, который вызвал в их рядах нерешительность. Тут я успел их посчитать – девять волков подступали к нам! Ого! Дядя Серёжа воткнул в снег позади нас лыжи. Получилось нечто вроде небольшого забора, оказывавшего на волков некоторое психологическое воздействие. Теперь нападать сзади на нас они не пытались. Зато спереди подошли совсем вплотную, скаля хищные пасти. Глаза их горели безумным огнём голодного зверя. Меня трясло от страха, тело покрылось холодным потом. Дядя Серёжа, срезав с лыжной палки кольцо ограничителя, отдал её мне вместо пики. Другую, тоже без кольца, взял в левую руку, а в правую топор. Волки, видя все наши приготовления, нерешительно готовились к нападению. Их раздражал запах горелой ваты, поэтому они, по большей части, стали перемещаться к дяде Серёже, делая нерешительные броски и отскоки. Дядя Серёжа был наготове, чтобы рубануть или ткнуть любого приблизившегося на достаточно близкое для него расстояние. Мне было жутко. Тело бросало то в жар, то в холод, ноги и руки дрожали, что было, конечно, не в мою пользу. В моей правой руке была лыжная палка, которую я должен был использовать как пику, а в левой – факел с тлеющим рукавом, которым я, как мог, размахивал перед мордами подступающих волков. Волки, казалось, были готовы в любой момент наброситься на нас всем скопом, чтобы разорвать, но продолжали жаться друг к другу в какой-то нерешительности. Дядя Серёжа сделал резкий выпад в их сторону, чтобы определить степень их трусости, но они не только не проявили её признаков, а на оборот, постарались воспользоваться его приближением. Дядя Серёжа с силой ткнул ближайшего хищника лыжной палкой. Тот взвизгнул и отскочил, но остальные не отступили. Гривастый вожак близко не подходил, но постоянно менял своё местоположение, видимо планируя как напасть поудачнее на более высокого и сильного противника. Он выжидал удачного момента. И вот один из волков принял позу готовности к прыжку. Дядя Серёжа замахнулся топором. Волк остервенело

прыгнул и, наскочив на сильный удар по черепу, упал к ногам дяди Серёжи. Остальные волки, как по команде, бросились на нас. Ещё один волк, пронзённый лыжной палкой, упал на снег. Но ещё пытался ползти к дяде Серёже, пытаясь достать его левую ногу своими клыками. Дяде Серёже некогда было сбрасывать его с палки-пики, он работал топором, ударяя одного за другим. Кому-то доставалось лезвием, кому-то – обухом. На меня волки лезли не так активно, видимо брезгуя вонью факела.

Я отталкивал тех, кто слева пытался наскочить на дядю Серёжу. Силёнок, чтоб проткнуть лыжной палкой точно так же какого-нибудь волка, у меня явно не хватало. Волки от моих укулов только отскакивали, чтобы возобновить атаку. Но вот один из них, бросившись ко мне, разинул пошире пасть, и я тут же всадил в неё свою палку-пику. Она вошла глубоко и волк с силой сжал челюсти, так, что я не смог выдернуть её назад. Я попробовал ткнуть в морду этому волку факелом, но он не среагировал и не желал отпустить палку, а может уже и не мог. Это моё замешательство дорого обошлось дяде Серёже. Вожак, воспользовавшись случаем, прыгнул на него с моей стороны и вцепился клыками в левое плечо. В этот страшный момент топор не успел отогнать очередного хищника и тот ухватился ещё и за дядину Серёжину правую ногу. Я ткнул факелом в морду вожака и тот отвалился от плеча дяди Серёжи, успевшего рассечь топором вцепившегося в его ногу волка. Это был четвёртый волк, упавший у ног дяди Серёжи. Пятый – лежал у моих. Я подёргал палку и кое-как сумел-таки вытащить её из волчьей пасти. Вожак, распространяя вокруг запах палёной шерсти, отряхиваясь и отфыркиваясь, снова прыгнул на дядю Серёжу. Но я успел ткнуть его на лету своей палкой-пикой и он упал справа, прямо под топор дяди Серёжи, голова его была рассечена. Трое оставшихся волков нападать не стали. Но они враз завыли, то ли оплакивая своего вожака, то ли от бессильной злости. Меня мороз по коже пробирал от этих звуков. Дядя Серёжа взял топор в левую руку и правой потрогал левое плечо. Прокушенное плечо явно болело. Я хотел его об этом спросить, но он снова перебрросил топор в правую руку и, наклонившись, до конца перерубил пополам рассечённого ранее его ударом волка. Схватив отрубленную часть за ногу он бросил её в сторону оставшихся волков. Те, перестав выть, набросились на остатки своего собрата и с жадностью стали рвать их в клочья, торопливо глотая куски ещё тёплого мяса. «Да-а-а, – подумал я, – вот уж действительно, голод не тётка!»

«Ну, а что же дальше?» – спросил я дядю Серёжу. «Да ничего, Васька. Одевай лыжи да пошли». – «А эти на нас сзади не набросятся?» – «Нет. Им теперь мяса надолго хватит. Жри – не хочу, как говорится».

Вонючий факел догорал, но я его не бросил, для страховки. Мы одели лыжи и спокойно двинулись в сторону деревни. Я часто оглядывался, но волки за нами больше не шли. Когда мы миновали речку и стали подниматься в гору к деревне, дядя Серёжа сказал: «А знаешь, Васька, кто виноват, что на нас волки напали?» – «Кто?» – «Заяц». – «Как так?» – «А вот так. Проткнул я его палкой-то, кровь из него пустил. Запах её по ветру пошёл, да как раз в сторону волков. А они не то, чтобы очень кровожадные, а просто нынче очень голодные. Зимой с ними часто такое случается. А ты знаешь, что значит, когда голодному волку в нос запах крови ударит?» – «Представляю, – говорю, – дядя Серёжа». – «Как это ты представляешь?» – «Так ведь я тоже голодный». Дядя Серёжа рассмеялся: «Вот ведь какое совпадение. Что ж ты там этого мне не сказал? Я бы вторую-то половину волка тебе отдал». – «Вот ты какой, – говорю, – дядя Серёжа. Волков кормишь зайчатиной, а меня хочешь накормить волчатиной». – «Злопамятный ты, Васька, – пошутил дядя Серёжа. – А как мы сейчас оправдываться будем перед тётей Таей? Она ведь нас уж заждалась небось. Вот мы такие сейчас придём, рваные да покусанные, напугаем её. А её сейчас пугать да расстраивать нельзя – она в положении». – В гору мы шли держа лыжи и палки в руках. Шли рядом, а не друг за дружкой. Хоть и было уже темно, как ночью, но дядю Серёжу, рваного и потрёпанного, разглядеть было нетрудно. И я

представил, как испугается его вида тётя Тая, как заохает да заохает, засуетится. Ну конечно надо что-то придумать. А что?..

«А ты, дядя Серёжа, – спрашиваю, обманывал когда-нибудь тётю Таю?» – «Нет. Если только в шутку. А по-серьёзному, я даже и не умею». – «Ну и как мы её обманем?» – «Надо что-то придумать».

До деревни осталось с полкилометра. Уже были видны светлые пятна окон на фоне тёмных силуэтов изб. Нам надо было придумать какую-то версию, не вызывающую ни подозрений, ни сомнений. Иначе тётя Тая не уснёт, пока от нас правды не добьётся. А я в жизни никогда никого не обманывал и делать этого не умею, потому придумать ничего не мог и бесцельно, наверное сердясь за это на себя, спросил: «Дядя Серёжа, а для чего на свете существует неправда? Она ведь не вечная. Всё равно, рано или поздно, будет разоблачена. Все это знают и всё равно её выдумывают».

Дядя Серёжа ответил не сразу. Некоторое время он шёл и думал, а для ответа оставался. – «Вся жизнь, Васька, состоит из лжи и правды. Во всякой неправде есть элемент правды, как и в правде может присутствовать неправда. И наша задача – весь свой век сортировать эти элементы смысла, раскладывать по полочкам. И тот, кто меньше ошибается, тому легче живётся, а кто постоянно ошибается, тот постоянно ходит жизнью покусанный. Как я вот... сегодня». – Дядя Серёжа осторожно приподнял левое плечо, потом опустил и пошёл, слегка припадая на правую ногу. «Не соврать ведь нам, дядя Серёжа, – сказал я. – Куда ты свои раны-то денешь?» – «А мы зайдём сначала к врачу. Пусть посмотрит, что за раны. Может заклеить их можно как-то». – «Но ведь тебе больно». – «Ничего, Васька, терпимо. Главное, чтоб она сегодня не заметила, а потом, постепенно, сами разоблачимся. Тогда уж она не расстроится, а только удивится».

Мы так и сделали – зашли к врачу. А врач – та самая женщина, которая меня лечила – промыла раны, чем-то смазала и заклеила пластырем. Ну конечно спросила, как и что случилось? Раны были неглубокие – всё-таки сквозь ватник кусали волки. И тем не менее от услышанного врач пришла в ужас. Собственно ужас её был вызван даже самим видом дяди Серёжи, представшим перед ней в рваных ватных брюках и рваной фуфайке с одним рукавом. Да он ещё и топор окровавленный у порога положил. Она не торопилась отпустить дядю Серёжу, расспрашивая – не тошнит ли, не кружится ли голова? Не чувствует ли слабости в теле и непривычной дрожи? И ещё что-то. И долго наблюдала за ранами – не увеличивается ли вокруг них покраснение, не появляется ли опухоль. Но, слава богу, всё обошлось без осложнений. Наконец мы пришли домой. Дядя Серёжа велел мне зайти в избу первым, весело обнять тётю Таю и похвастаться, как много мы сделали, чтобы отвлечь её внимание. А он тем временем успел потихоньку сбросить с себя всю ватную рвань и спрятать свои раны под домашней одеждой. Вроде всё получилось и мы переглянулись, радуясь нашей удаче. Но тётя Тая всё же долго приставала к нам с расспросами, почему мы так сильно задержались? Дядя Серёжа доказывал ей, что мы заходили к Сергею Семёнычу, выясняли кое-какие вопросы насчёт поваленного леса. Но тётя Тая не верила, потому, что к Сергею Семёнычу нам было не по пути. Тогда дядя Серёжа сказал: «Завтра я тебе устрою очную ставку с Сергеем Семёнычем. А сейчас давай спать, устали мы с Васькой». – «Спать?» – удивилась тётя Тая.

Декабрьская ночь длинная, но это не значит, что её всю надо спать. Именно потому и удивилась тётя Тая, а потому, плотно накормив нас ужином, уселась рядом с дядей Серёжей, обняла его и ласково зашептала ему в ухо: «А ведь я тебе всё равно не верю. Ну что тебе... жалко рассказать всю правду сразу?»

Дядя Серёжа поморщился от боли, снял её руку с левого плеча и сказал: «Ты извини, тут у меня чирей выскочил. Давай в другой раз пообнимаемся». – «Чирей? Откуда у тебя чирей? Утром ты об этом ничего не говорил. Ну-ка покажи, мы его сейчас... в два счёта...» Тётя Тая потянулась к пуговицам рубашки, чтобы расстегнуть, но дядя Серёжа отстранил её руки

и сказал: «Я пошутил. Ничего там нет». Тётя Тая села напротив него и уставилась изучающим взглядом. «Ты какой-то сегодня не такой». – «Может быть и не такой, но и не такой-сякой, – сказал дядя Серёжа, взял тётю Таю за плечи, прислонил свой лоб к её лбу, покрутил головой, встал, подошёл к кровати и стал её расправлять. – В самом деле, Тая, мы очень устали. Топо-рами целый день махали, да и убродно в лесу. Утро вечера мудренее».

Я разделся и забрался на печку. Дядя Серёжа устроился на постели. Тётя Тая унялась и несчастный день закончился. Зато утром, задолго до рассвета, кто-то постучался в ворота. Тётя Тая на кровати мостилась с края, потому встала первой и вышла узнать, кто там пожаловал в такую рань? Дядя Серёжа тоже встал и сразу пошёл к умывальнику, щупая на ходу заклеенные раны. Я свесил голову с печи, ожидая с кем тётя Тая в избу зайдёт. В дверь вошёл Сергей Семёныч, а за ним – врач, ну и тётя Тая, конечно. Дядя Серёжа, только и успев три раза щёлкнуть соском умывальника, оглянулся на вошедших и спросил: «Что случилось, Сергей Семёныч?» – «Доброго вам утра! – поздоровался Сергей Семёныч. – Я тоже хотел бы знать, что с вами вчера произошло?» А врач, не поздоровавшись, сразу пошла к дяде Серёже, спрашивая на ходу: «Как ночь спали?» И сразу стала щупать его раны.

Тётя Тая недоумённо крутила головой, как бы молча спрашивая и вошедших, и дядю Серёжу, и меня – Что здесь происходит? Потом она рывком подскочила к дяде Серёже и стала внимательно всматриваться туда же, куда и врач. На лице её вдруг отразился испуг. «Что? Что случилось?! – воскликнула она. – Что вы вчера от меня утаили? Я знала, я чувствовала, что с вами что-то случилось, а вы утаили... Ну хоть сейчас-то скажите!» Дядя Серёжа прижал тётю Таю к груди, приподнял слегка над полом и трижды крутнулся на месте. «Не волнуйся, милая, не расстраивайся, успокойся! Что случилось, то случилось. Всё благополучно обошлось. Никому ни о чём не жалуемся, ни от кого ничего не просим. Слава Богу!» Он отпустил тётю Таю, вскинул руки вверх и ещё раз выкрикнул, словно и вправду выражая Богу благодарность: «Слава Богу! И вам спасибо, Агния Степановна». Подойдя к Сергею Семёнычу он поздоровался с ним за руку и сказал: «Сергей Семёныч, а давайте сегодня устроим праздник. Мы с Васькой сегодня именинники. Нет, не именинники, а как это назвать? Нам Бог дополнительную жизнь подарил, разрешил ещё пожить на этом свете. Чёрт знает, как это всё называется. Васька, иди сюда, – позвал он меня. – У меня радости сегодня – до потолка. Помнишь, как мы с тобой из-под земли вылезли? Сегодня у меня ещё больше радости, чем тогда».

Дядя Серёжа снова стал ласково трепать тётю Таю. «Жить будем! Жить будем!» – Серёженька, милый, ну расскажи пожалуйста, что вчера произошло?» – «Расскажу! Всё расскажу! Пусть все знают! Мне не стыдно. Нам с Васькой не стыдно. Сергей Семёныч, запрягите санирозвальни. Волков будем грузить. Сколько их там, Васька?» – «Шесть штук, – говорю. – Нет, пять с половиной. Одного-то ты разрубил и половину оставшимся волкам бросил». – «Волки... волки...» – бессмысленно запричитала тётя Тая и повисла на шее у дяди Серёжи. «И сколько их было?» – спросил Сергей Семёныч. «Девять», – ответил я за дядю Серёжу.

Сергей Семёныч не мог спокойно стоять на месте. По давней своей привычке он переминался с ноги на ногу, словно собирался куда-то уйти. Особенно это проявлялось в минуты волнения, и вот сейчас было понятно, что он сильно взволнован.

«А где это было? Где они вас настигли?» – «На спуске от леса. Почти у речки». Сергей Семёныч ударил рукавицей по левой ладони и крикнул. «Кхе! Пожалуй я так и сделаю. Сейчас кого-нибудь пошлю, чтобы привезли волков. А насчёт праздника... Вы что, Сергей Савельич, и вправду хотите пир на весь мир?» Дядя Серёжа улыбнулся, приобняв правой рукой тётю Таю. «Пир на весь мир в наше время возможен только в кино. Нынче бутылку днём с огнём не найдёшь. Да и слава мне не нужна. Не терплю я хвальбишество. А так... празднично день провести в хорошей компании я бы не против. Вот сколько есть нас здесь сейчас, мне бы и хватило». – «А если на два-три человека побольше будет?» – «Ну, лишь бы в избе места хва-

тило». – «Ясно, – сказал Сергей Семёныч. – Летом бы нам никто не позволил такую роскошь, а сейчас... Так и быть, составлю вам компанию. Вот так сделаем...»

Сергей Семёныч окинул взглядом дядю Серёжу и тётю Таю, и засмеялся: «В таком виде вас женить можно, а вот в качестве героев как-то не смотрите. Вы хоть оденьтесь по-человечески. Хватит перед нами в трусах-то танцевать». – «Мне кажется, страшного ничего нет в ваших ранах, – сказала Агния Степановна дяде Серёже. – Не торопитесь пластырь снимать, ну и не бередите, по возможности. В бане их не мочите. Я вам больше не нужна. Пойду уж». – «Нет-нет, – сказал дядя Серёжа, одеваясь. – Мы с вами ещё не договорились. Вы ведь первый наш свидетель. Вам за моим столом одно почётное место положено. Сейчас всё спланируем и, надеюсь, вы поддержите наш праздник». – «Ну что вы, Сергей Савельич? Я своё дело делаю. Это моя обязанность. Да мало ли ещё кому понадобится». Агния Степановна повернулась к Сергею Семёнычу и пожаловалась: «Сазыкин Пётр Константиныч второй месяц мается с радикулитом, а я ни чем ему помочь не могу. Все известные мне средства на нём испытала, а улучшений нет». – «И тем не менее Петра Константиныча, Агния Степановна, на ноги поставить надо». – «Да я понимаю, что это моя задача. Но как?» Сергей Семёныч снял шапку, почесал затылок, снова одел шапку и спросил: «А что такое радикулит, Агния Степановна?» – «Радикулит – это ущемление нервных усиков смещёнными позвонками». – «Не совсем так, Агния Степановна. Радикулит, это результат смещения позвонков. Вернее то, что происходит в результате смещения позвонков. А позвонки, они круглые. А окружность имеет триста шестьдесят градусов, а вернее – триста шестьдесят сторон. А это значит, у радикулита триста шестьдесят разновидностей. В какую сторону сместится позвонок? На что воздействует смещение? Искать надо. А в году триста шестьдесят дней и пять выходных. Когда-нибудь найдёте. Главное – надеяться и стараться». – «Так ведь я, Сергей Семёныч, стараюсь». – «Да пошутил я, Агния Степановна. Мы все ваши заботы прекрасно видим и знаем, и благодарности своей от вас не прячем. Вот и Сергей Савельич своим приглашением хочет выразить вам свою признательность».

В разговор вклинился дядя Серёжа: «Агния Степановна, дорогая, мне не просто хочется вас отблагодарить за ваши добрые дела и заботы, мне хочется радостью своей поделиться с вами. Неужели вы будете равнодушны к моей радости?» – «Ох уж, Сергей Савельич! Ну, я не знаю... Вы так... – Агния Степановна пожестиковала руками около своей головы, пытаясь выразить какую-то мысль, но, видимо, так и не сумев подобрать слова. – Ладно уж, уговорили».

«Ну вот и хорошо», – сказал дядя Серёжа. «Давайте так сделаем, – сказал Сергей Семёныч. – Отпразднуем эту радость в моей избе, а в вашей, Сергей Савельич, уже новой, когда вы её построите, будем праздновать новоселье. Я надеюсь, что его нам ждать долго не придётся. А сейчас вот о чём давайте подумаем». Сергей Семёныч стал что-то подсчитывать на пальцах. «Что вы считаете?» – поинтересовался дядя Серёжа. «На какой контингентстряпню готовить?» Дядя Серёжа пожал плечами. «В общем, вы, Таисия Ильинична, с моей Анной Ивановной сообразите что-нибудь к обеду, человек на пятнадцать-двадцать».

А я и не знал, что тётя Тая по отчеству Ильинична. Моя мама тоже – Ильинична. Выходит, они как бы сёстры, подумал я.

«Мало ли кто зайдёт поинтересоваться или поздравить, – продолжал Сергей Семёныч, – не обнищаем небось. Одевайтесь и идите к нам. Советуйтесь с Анной Ивановной, соображайте, стряпайте. Продукты – какие у вас найдутся, какие у нас, считаться не будем. Вот насчёт бодрящего... Это проблемнейшая проблема. В магазине ни водки, ни красного. В городе по талонам даже коньяк. Что бы вы хотели иметь на столе, Сергей Савельич?» – «Водку, конечно. Красное только алкоголики пьют». – «Ну, это вы зря... Почему только алкоголики?..» – «Не знаю, Сергей Семёныч. На мой вкус – лучше немного, но крепче. Мне не надо до пьяна. Лишь бы радость во мне горела синим пламенем, как крепкий самогон. Раньше я любил на радостях стопочку коньячка... Да где его нынче возьмёшь? Да и цена у него стала слишком

бессовестная». – «Ну, а если водки не сможем достать, на коньяк согласен?» – Дядя Серёжа не сразу, но решительно ответил: «Давай!»

Сергей Семёныч улыбнулся и повернулся к Агнии Степановне. Тётя Тая оделась и запровила кровать. Агния Степановна приготовилась слушать.

«Агния Степановна, дорогая, есть нынче обычай – на похороны отпускается в магазинах водка без талонов, но по справке. У вас есть какая-нибудь печать, чтобы заверить такую справку?» – «А кого вы хотите схоронить, Сергей Семёныч?» – испугалась Агния Степановна. «А вы не бойтесь. Ни Сергея Савельича, ни Васю оскорблять не будем. Давайте схороним моего кота».

Все засмеялись. Агния Степановна улыбнулась и продолжила слушать. «Никто к вам с ревизией не придет и не придёт. Затеряется эта бумажка в магазине, как никому не нужная. Давайте сочиним...»

Агния Степановна нерешительно пожала плечами и поглядела куда-то в угол. Она бы никогда не додумалась до такой поганой затеи – спекулировать имеющейся у неё печатью. И вот...

«Агния Степановна, миленькая, никакого преступления в этом нет. Абсолютно никто от этого не пострадает. Мы ведь не для перепродажи, а для доброго дела... Ну какая разница? На свадьбу, на юбилей отпускается, а... Ну чем у Сергея Савельича меньше свадебной или юбилейной радости?» – «Так кому и какого содержания я должна дать справку?» – «А давайте так: справка дана Царапкину Василию Яковлевичу...» – «Какому такому Царапкину?» – «Ну кто в районном торге знает под какими фамилиями в деревне люди живут? Кота своего мы с Анной Ивановной зовём Яшкой. Ну, а кто его должен хоронить. Как не сын – кот Васька?» Мы опять рассмеялись. В общем справка была состряпана. Заверена была, конечно, не в дядиной Серёжиной избе, и с кем-то была отправлена в райторг и отоварена.

На пиру на том я сидел за столом рядом с мамой. Дядя Серёжа посылал за ней Ваську Зюкова на Газике, такого же пацана, как и я. Она ничего о случившемся не знала и Ваське строго было наказано не проболтаться. Она даже не знала, что её привезли на пир. Но она с первой минуты была уверена, что опять что-то случилось с Васькой. Оттого сразу по приезду не спускала с меня глаз и всё норовила прижаться поближе. Ростом своим я уже стал её перегонять, поэтому не прижимать меня к себе, а самой ко мне прижаться ей было удобней. От осознания этого в душе моей что-то поменялось – теперь не мне надо ждать от неё защиты, а самому пора её защищать. Но за столом мне пока не наливали и чокались не приглашали. Маме же, конечно, не терпелось поскорее узнать в чём дело. А вдруг решили кому-то справить День рождения, а она без подарка. Да и зачем её привезли? Разве некому поздравить? Нет, тут что-то не то. И она несколько раз шёпотом меня спрашивала: «Что, Васька, тут за праздник? Зачем меня привезли?» – «Пируй а ты, – говорю, – да радуйся. Постепенно всё узнаешь».

А тётя Тая, уставляя стол яствами, улыбалась маме и просила сесть «вот на этот стул». Сама уселась рядом. Вот мы и сидели в одном ряду – дядя Серёжа, тётя Тая, мама и я. Рядом с дядей Серёжей, с торца стола, сидел Сергей Семёныч, напротив дяди Серёжи сидел Максим – прежний механик, нынешний дядин Серёжин заместитель. Это он ездил в райторг и привёз ящик водки. Рядом с ним сидел дядя Кузя – тракторист, уже старичок. Ему пора на пенсию. Это его Сергей Семёныч посылал за убитыми волками. Все пять с половиной волчьих туш он привёз и сгрузил в пожарном сарае. Лубяньские псы, почуяв волчий запах, попрятались, опасаясь даже тявкнуть. Напротив мамы сидела Агния Степановна, а напротив меня, к моему удивлению, пришёл позже всех и уселся поп. Как я потом узнал, он был приглашён по просьбе дяди Серёжи. Поп красиво, с поклоном, поздоровался со всеми. Пожелал всем доброго здоровья, всего хорошего и душевного блага. Я, между прочим, не забыл его добрые слова в мою защиту, был ему за это благодарен и охотно его поприветствовал полупоклоном. Он, усаживаясь, мне подмигнул. Анна Ивановна пока не садилась. Ей осталось место рядом со мной, с торца стола –

напротив Сергея Семёныча. Она продолжала хлопотать по кухне – кому-то соль понадобилась, кому-то нож. Наконец Сергей Семёныч встал с налитой стопкой.

«Ну, друзья дорогие, закуски запахом дурманят и медлить нету больше сил. Собрались мы, думаю, всем известно по какому поводу. У Сергея Савельича и у Васи нынче радость до небес, по поводу того, что Бог помог им справиться с волками и не покинуть раньше времени наше с вами общество. Я предлагаю выпить за нашего всемогущего хранителя и спасителя – Бога! Я, дорогие друзья, неверующий, но этот случай себе объяснить не в состоянии. Пусть это – сила, смелость и находчивость Сергея Савельича и Васи, пусть это – стечение обстоятельств, но это – исключительное стечение обстоятельств. Просто чудо какое-то!» Сергей Семёныч обвёл всех вопросительным взглядом и спросил, обращаясь к попу: «Я не богохульствую, Григорий Перфирьевич?» – «Напротив, я приветствую ваш тост, – ответил поп. – Я только посоветовал бы всем встать, перекреститься, кто желает, конечно, и выпить молча. Бог любит хвалу и просьбу скромных». Все встали. Я, не зная как мне быть (у меня ведь не было стопки с водкой), побоялся нарушить обычай старших, тоже встал, слегка потупился. Все перекрестились, кроме дяди Серёжи и Сергея Семёныча, молча чокнулись, выпили, сели и стали налегать на закуски. Ну, а закусывать было чем! На столе дымилось жаркое, две хорошо подрумяненные курицы, посыпанные зеленью укропа и петрушки, какой-то салат, густо покрытый сметаной и тоже посыпанный зеленью, солёные огурцы, квашенная, пластовая, крупно нарезанная капуста, при виде которой у меня всегда бегут слюнки, и даже солёные рыжики. Это уж достоинство кухни Анны Ивановны. Кроме хлеба были ещё какие-то замысловатые пресные крендельки. Это, что называется, на любителя. В общем из-за такого стола голодным не выйдешь. Мама тоже отхлебнула маленько из своей стопки, сунула в рот рыжик, приобняла меня и заявила сем свою претензию: «А ведь я ничего не поняла. Что случилось? Какие волки?» – «Клавдия, милая, – прервала её тётя Тая, – что-то вчера страшное случилось, мне до сих пор толком не говорят. Я уж терплю – всё ведь потом расскажут. Потерпи». – «Ох, как я испугалась, когда они вчера вечером зашли ко мне после побоища! – сказала Агния Степановна. – На Сергее Савельиче ватная фуфайка вся рваная, с одним рукавом, штаны – в клочья, в руках окровавленный топор...»

Дядя Кузя заикнулся было что-то маме с тётей Таей сказать, но дядя Серёжа показал ему палец. – «Потом, дядя Кузя. Потом. Пусть будет сегодня праздник, а переживать будем потом. Напереживаемся ещё, жизнь наша длинная, богатая. Всего в ней хватает, и горя и радости. Сегодня будем радоваться!» И он велел наливать по второй. Вторую выпили уже не вставая, за здоровье каждого, потому что все мы и всегда друг другу нужны.

«Сожрали бы меня одного волки, если бы не Васька, – признался дядя Серёжа, – как и Ваську бы сожрали без меня».

Григорий Порфирьевич дополнил тост словами: «Все мы – братья и сестры, и должны уважать друг друга, помогать и заботиться о каждом».

А потом Сергей Семёныч высказал свою особую радость, по поводу которой попросил налить по третьей. Он торжественно заявил, что вчера был в райкоме и сдал партбилет. Какое душевное облегчение! Отныне он беспартийный! Все удивлённо и недоверчиво уставились на него, а дядя Серёжа, а потом и Максим поаплодировали. Мне было интересно смотреть и слушать такие откровения взрослых. А взрослые налили и осушили по третьей. Мама и тётя Тая чокались со всеми, но пить не пили, только губы мочили. Потом тётя Тая попросила меня поменяться местами с мамой, чтобы я им рассказал, как на нас вчера напали волки и как мы от них отбивались. Но я наотрез отказался, напомнив тёте Тае, как она упала с кровати, наслушавшись моих рассказов. «Потом, – говорю. – Пусть всё маленько забудется. А то мне сейчас и самому страшно вспоминать». Ну, они давай меня обнимать, как маленького, а мама опять расплакалась. «Ну что ты, – говорю, – при людях-то плачешь?» – «Боюсь я, Васька. Никак у тебя без приключений не получается».

Григорий Порфирьевич, разговаривавший больше с Анной Ивановной и с Агнией Степановной, повернулся в нашу сторону. – «Не вкусивший горя, радости не знает. Тот, кто горе испытал до слёз, тот и чужую радость воспринимает со слезами. Ты, Василий, и вы, уважаемая мамаша, посетили бы наш храм. Все людские благополучия на Земле проистекают не без помощи воли Божьей. Отблагодарить Господа надо и попросить его о дальнейших заботах о судьбах наших». – «Спасибо, – говорю, – Григорий Порфирьевич. Я благодарности своей лично к вам не теряю, век буду хранить её, но прошу меня простить, Бога я не знаю». – «А ты походи в храм наш, по присутствуй в нём смиренно, послушай, приглядишься – всё поймёшь, сын мой».

Наш разговор услышал дядя Серёжа и обратился к Григорию Порфирьевичу: «Уважаемый Григорий Порфирьевич, мы с Васькой не будем возражать, если вы своим прихожанам будете освещать наш случай, как проявление воли Божьей. Я, однажды побывав в вашем храме, навсегда проникся уважением к вашей деятельности. Готов всегда и чем угодно помогать вам, хотя и остаюсь неверующим». – «Дорогой Сергей Савельич, церковь всегда с благодарностью принимает добро, приношения и пожертвования от кого угодно. Если вам удобно быть неверующим, оставайтесь им, но, желая нам чем-то помочь, не подчёркивайте этого, ибо вера наша не терпит кичливости, но ценит скромность». – «Вот и даже за это я обязан вас уважать».

Дядя Серёжа снова повернулся к Сергею Савельичу. В избе было шумно. Не сразу разберёшь, кто и на какую тему разговор ведёт. Максим спорил с дядей Кузей на тему волчьих повадок. Дядя Кузя видимо находился под впечатлением от увиденных в поле порубанных волков. «Надо же, шесть волков порубил! Да ещё и не всех».

Григорий Порфирьевич, Агния Степановна, мама, тётя Тая и Анна Ивановна внимательно их слушали, пытаясь представить картину побоища. А я прислушивался к разговору дяди Серёжи с Сергеем Семёнычем.

«Нынче модно сдавать партбилеты, – сказал дядя Серёжа. – Не думал я, что вы поддадитесь этой моде». – «Нет, Сергей Савельич. Сто раз нет, – встрепенулся Сергей Семёныч. – Я даже могу обидеться на ваш вывод». – «Ну, если мода не причём, тогда почему?» – «А причина простая. Нагляделся я на партию, особенно на её руководителей и пришёл к убеждению – идея коммунизма порочна, абсурдна, даже преступна. В эту идею может верить только тот, кто не имеет представления о человеческой психологии. В кого она превращает человека? В шестерёнку, винтик, в бесправную, опустошённую, послушную тварь. У нас уже не осталось ни чувства собственного достоинства, ни чувства полноценного человека, ни уважения к себе и к другим. Опустили наши души. И это ещё по пути к коммунизму, а что же тогда дальше-то будет?.. А эти наши руководители, так называемые «убеждённые коммунисты», в кого они превратились? В хищников? Для чего хищнику коммунизм? Чтоб беспрепятственно пожирать кого захочется?» – «Почему в хищников?» – несколько удивился дядя Серёжа. – «А вы не перебивайте, слушайте. Мне хочется выговориться. Не язык почесать, а успокоиться, утвердиться в мыслях. Вы, я, мы – мой народ тысячу раз обманут, тысячу раз ограблен и обобран, оскорблён, унижен, забит, замордован, обесправлен, запуган. Кем? Советской властью? Не было у нас её и нет – Советской власти. Вся власть у партии. Семьдесят лет мы думали, что живём в Советском Союзе. Не было Советского Союза и нет, потому что у нас нет ни одной союзной республики. У нас есть империя с покорёнными, бесправными народами. Вот мы с вами – колхозники. Нет у нас во всей России ни одного колхоза. Ложь всё это. Утопили нас во лжи». – «Как нет колхозов? – перебил дядя Серёжа. – Но мы же колхозники». – «Колхоз – коллективное хозяйство. Какое к чёрту оно коллективное, если коллектив не хозяин своего хозяйства?» – «Понял». – «Не перебивай. Семьдесят лет вешали нам на уши лапшу. Семьдесят лет учили нас думать «телячьё думу» – в недовольстве молчать, а на радостях мычать. Это по воле партии, возжелавшей сласти от власти, были замучены, сгноены и расстреляны в тюрьмах и лагерях лучшие сыны моей Родины, миллионы невинных моих братьев и сестёр. Это она (партия) оставила

кормилицу землю без хозяина, это она культивировала вместо оптимизма верхоглядство, это она в инфляцию выплеснула свою неряшливость. И нет ей от меня прощения!»

Сергей Семёныч был не просто взволнован, он был вроде как на кого-то сердит. Казалось вот сейчас хватит кулаком по столу. Оттого дядя Серёжа его не перебивал, слушая и наблюдая за его жестами. Но Сергей Семёныч вдруг как-то разом сменил сердитый вид на улыбку. Вот, думаю, артист!

«Народ и партия едины!» Помнишь такой лозунг? – продолжил, между тем, он свой монолог. – Есть народная басенка: «Однажды калина сама себя хвалила: ах, как я с мёдом хороша! А мёд ответил: ах, душа, не зря ли ты поёшь? Ведь я и без тебя хорош». Коррупция... Знаешь, что такое коррупция? Гниение верхушки общества. Наше правительство сгнило. «Убеждённые коммунисты» сгнили! Наша всемогущая партия создала себе закон неприкосновенности. Никакой народный суд не имеет право судить члена партии. Это ли не преступление?! И это явилось благодатной почвой для возникновения мафии. Где центр мафии? Наверху! – Сергей Семёныч показал указательным пальцем на потолок. – А я голосовал за них... И нынче каждый член партии является если не потенциальным мафиози, то пособником мафии».

Мне захотелось запомнить слова «потенциальный мафиози» и я стал про себя их повторять, чтобы потом спросить у дяди Серёжи, что это такое? Естественно я притупил внимание и дальнейший их разговор не запомнил. Помню только, что дядя Серёжа махнул рукой и сказал: «Наплевать на политику! Я всё равно в ней не разбираюсь. Не моя это забава. Давайте лучше лишний раз подумаем, как пацанов квалифицировать». – «Ах! – крикнул Сергей Семёныч. – Давай ещё по стопке, я что-то взвинтился».

Сергей Семёныч налил и они чокнулись без тоста. Дальше, между прочим, мужики тостов не произносили, наливали себе и выпивали. Особенно часто это делал Максим, предлагая свою компанию дяде Кузе и Григорию Порфирьевичу. Но те его поддерживали редко и вот Максим крепко захмелел, откинулся на спинку стула и повесил пьяную голову. Вид у него был весьма не привлекательный. Анна Ивановна сняла с печки старое рваное пальто, бросила его на пол у порога и дядя Кузя препроводил Максима на эту импровизированную постель. Тётя Тая запела: «В низенькой светёлке...», мама подхватила, за ней и Анна Ивановна, и Агния Степановна, потом все мужики, в том числе и Григорий Порфирьевич. Мама встряхнула меня: «пой». Я сначала стеснялся, но потом подумал: а кого стесняться-то? И зачем? И я подхватил песню, вливаясь в мужские голоса. Слов я не знал – прислушивался, ловил их налету и запоминал. Кончилась одна песня, тут же началась другая. Протяжную песню сменяла весёлая, весёлую – грустная, потом шуточная, потом снова протяжная. Пение мне понравилось и я пел с удовольствием. В избу ввалился Фёдор Степаныч – сепараторщик. В деревне пирушку не утаишь. Особенно, если в избе поют. Ну, а Фёдор Степаныч, видно, соскучился по стопке. Нынче не скоро дождёшься, кто тебе нальёт. А сам – купил бы, да негде. Как не воспользоваться случаем?

«Прошу меня извинить, не ко времени зашёл», – стал он оправдываться, не успев поздороваться. «Не наступи на спящего», – предупредил его дядя Кузя. «А-а-а-а... Фёдор Степаныч, сосед мой дорогой, – протянул руку навстречу вошедшему Сергей Семёныч. – Раздевайся, проходи».

Анна Степановна помогла Фёдору Степановичу раздеться и усадила на место, покинувшего стол, Максима, налив сходу стопку. Фёдор Степаныч, зажав в кулак «заветную», поинтересовался: «Ну так по какому случаю пир-то? Кого и с чем мне поздравлять-то?» – «Сергея Савельича с Васькой поздравляй, – подсказал дядя Кузя. – С победой». – «С какой победой?» – Дядя Кузя взмахнул правой рукой, как бы готовя решительный жест, но, посмотрев на дядю Серёжу и женщин, обмяк, бросив просто: «Пей за здоровье Сергея Савельича и Васьки».

В уговоры вклинился Григорий Порфирьевич: «Ты, Фёдор, выпей во славу Господа Бога, ибо все наши деяния и здравие в воле его. Да перекреститься не забудь». – «Слава тебе, Господи!» – воскликнул Фёдор Степанович и опрокинул стопку в рот. Мне показалось он одним глотком её осушил. Закусив, Фёдор Степаныч завёл тихую беседу с дядей Кузей. Тот, похоже, принялся объяснять ему причину пира. А дядя Серёжа с Сергеем Семёнычем что-то безбожно потрошили. С чего начался разговор, я прослушал. Внимание моё привлекли слова: «неряшливость», «верхоглядство» и «тщеславие». Григорий Порфирьевич попросил Фёдора Степаныча поменяться с ним местами, подсел к Сергею Семёнычу поближе, чтоб послушать их разговор, а может и своё слово вставить. Женщины завели свою беседу, решая свои проблемы. Мы с тётей Таей тоже поменялись местами для удобства. Фёдор Степаныч быстро выровнял своё состояние с дядей Кузей. Но мне было не интересно о чём они говорили. Меня всю жизнь тянет к дяде Серёже, поэтому я боялся пропустить каждое сказанное им слово. А этот сегодняшний их спор-разговор мне показался особенно интересным, потому что они сегодня, возбуждённые спиртным, как-то особенно убеждённо и решительно выкладывали свои мысли. Говорил больше Сергей Семёныч, а дядя Серёжа слушал и, время от времени кивая головой, как бы утверждал его мысли и рассуждения.

«Моя философия, Сергей Савельич, вот такая. И к своей работе я хотел бы относиться с позиций этой философии, и хочу, чтобы и вы с пацанами это учитывали. Человек – это высокоорганизованное животное. Основой организации его психики, сознания, поведения и внешних его форм, отличающих его от всего животного мира, является труд и речь. Извечно наивысшую оценку человек получает с позиций его отношения к труду. И чем равнодушной человек относится к труду, тем более он возвращается к слабоорганизованному животному по психике, по сознанию, по потребностям и по форме. В этом я убеждён. Сам много раз наблюдал до чего опускаются лентяи. Надо создавать такие условия, при которых труд всегда бы нёс человеку радость и только радость. И даже усталость чтобы была приятной. И внешнее, и внутреннее состояние человека всецело зависят от организации труда. Если труд хорошо организован – человек собран, опрятен, культурен и внешне и внутренне; плохо организован труд – человек неряшлив и внешне и внутренне». – «Как во всей матушке России, – улыбнулся дядя Серёжа. – Любой труд может быть творческим, если его выполнять не по шаблону, а осмысленно, делая в нём свои открытия, совершенствуя его по-своему. Поэтому человек должен избрать себе профессию обязательно по душе, по призванию. Специальность не должна быть в жизни человека только источником средств существования. Специальность должна быть сферой творческой деятельности, а рабочий участок – лабораторией его открытий. Именно в творчестве человек находит радость труда. И тогда труд его не утомляет, ему хочется сделать ещё больше, ещё лучше. Шаблон же утомляет и человек невольно в своём труде допускает неряшливость, неаккуратность». – «Удивительно, вы, Сергей Савельич, правильно меня понимаете. Я при этом имею такой вывод: призвание – это творческая потребность, а лень – ограниченность человеческих потребностей». – «Труд красит человека, а ленивого приводит в ужас», – вставил своё слово Григорий Порфирьевич. – «Правильно, Григорий Порфирьевич, но мы немножко не о том...» – «Вы правильно, Сергей Семёныч, говорите, что в основе культуры нашего правительства лежит неряшливость, верхоглядство и тщеславие, – сказал дядя Серёжа, – это всё противоречит вашей философии. Я не могу отрицать вашу логику, а могу только сожалеть, что при такой культуре нашего правительства нам по-человечески не жить». – «Вот почему я выложил партбилет. Я им не попутчик. Кстати, что означает слово «товарищ»?» – Дядя Серёжа подумал, пожал плечами, признав, что не знает ответа на этот вопрос. – «Слово «товарищ» в своём изначальном значении – это попутчик... по товару. Это древне-купеческое слово. Позже его заимствовали братья разбойнички, отбиравшие у купцов товар. А ныне товарищи-коммунисты превратились в разбойников». – «Коммунизм, это высшая форма паразитизма», – заявил дядя Серёжа. Сергей Семёныч повернулся к Григорию Порфирьевичу, не обратив внимание

на слова дяди Серёжи. «Вам скучно, Григорий Порфирьевич, в нашей компании? Может предложите нам свою тему для беседы? А мы с Сергеем Савельичем ещё наговоримся. Мы с ним чаще встречаемся, чем с вами».

Сергей Семёныч наполнил стопки, предлагая Григорию Порфирьичу и дяде Серёже чокнуться. Они выпили. Закусывая, Сергей Семёныч мне подмигнул и сказал: «Ты, Вася, нас не слушай. Наша болтовня тебе не интересна. Послушай, о чём бабоньки говорят». – «Что вы, – говорю, – Сергей Семёныч? Я как в кино сижу – и нагладелся, и наслушался. Я вас с удовольствием слушаю. Вот только не всё понимаю». – «Ничего, Вася, поживёшь – всё поймёшь. Только не вешай нос». – «Молодости характерен ненасытный интерес ко всему, – встрял в разговор Григорий Порфирьевич. – Притупление интересов – это уже признак старости. Не зря говорят: «много будешь знать, скоро состаришься», ибо молодой в познаниях ненасытен, а состарившийся многое уже считает необязательным. Вот вы, Сергей Семёныч, долгое время пребывали в иллюзиях коммунистических идей. Порой относились к церкви как к врагу. Простите, не лично вы, а партия, которую вы ныне покинули... Думается мне, что в душе у вас кроются не коммунистические образы, а нечто другое, более вас удовлетворяющее. Пусть вы не признаёте Господа Бога, но вы не можете себе объяснить сущность силы, которая стоит над нами и руководствует нашими деяниями. Интерес вас не покидает – вы ещё молоды. Иначе вы не пришли бы к такому умозаключению, заставившему вас расстаться с партбилетом. Хотел бы я знать, нет ли в душе вашей перемен в отношениях церкви?» – «Нет, Григорий Порфирьевич. Хотя, признаться, я действительно затрудняюсь объяснить себе «сущность силы, которая стоит над нами». Я догадываюсь, – улыбаясь погрозил Сергей Семёныч пальцем, – куда вы закидываете удочку. Я уж как-нибудь сам попробую разобраться в этом».

Григорий Порфирьевич с улыбкой согласно покивал головой и обратился к дяде Серёже: «А вы, молодой человек, как бы на это ответили?» Дядя Серёжа зачем-то взял со стола вилку, повертел её в руках задумчиво и стал не торопясь выстраивать свой ответ: «Я думал об этом. Много думал. Я ещё там, в храме над этим задумался, когда Васькину бабушку хоронили. Вернее, отпевали. Если хотите, могу высказать свои мысли. Но они, боюсь, для убедительности будут выглядеть несколько длинно». – «А куда нам спешить?» – сказал Сергей Семёныч. – «Сегодня у нас праздник». – «Я готов смиренно и терпеливо вас выслушать», – поддержал Григорий Порфирьевич. Сергей Семёныч хотел снова наполнить стопки, но дядя Серёжа его остановил. «Не стоит. Пока не нужно. Уж коли я собрался с мыслями, что думаю – скажу». Он опёрся левым локтем о стол, правую ладонь положил на колено и начал свой длинный монолог.

«Чем слабее человек владеет логикой, тем чаще он ошибается. Чем чаще ошибается, тем больше не доверяет себе, тем в меньшей степени надеется на свои силы и волю, тем в большей степени он верит другим, тем слабее его чувство собственного достоинства, тем более он почитает авторитет другого. Оттого на Земле появилось раболепие, подхалимаж, фанатизм. Таких людей на Земле очень много и будут они существовать вечно. И ими всегда будут пользоваться сильные люди. Они – неудачники, вечно нуждающиеся, самоуниженные. Этим удобно спекулировать. А сильные – ненасытны». – «Не то я хотел от вас услышать», – перебил дядю Серёжу Григорий Порфирьевич. Дядя Серёжа поднял руку: «Слушайте дальше. Фундаментом всей жизни на Земле является надежда. Человек развивает свою деятельность, организует свою жизнь, надеясь на свои умственные возможности и физические силы, на условия, которыми он располагает и на помощь сильных людей. Когда несчастья, беды и неудачи исчерпывают все надежды на собственные силы и ум, на возможную человеческую помощь, человек падает духом. Его жизнь становится невозможной, бессмысленной, лишается фундамента. А без фундамента как?.. Но по какому-то стечению обстоятельств в жизни бывают случайности – что-то человека, находящегося казалось бы в безвыходном положении, спасает. Эти случайности рождают в человеке затаённую, дополнительную надежду. Хотя, надо сказать, что такие случайности далеко не всем на Земле достаются, но они иногда ещё и повторяются (чаще, конечно,

у разных людей, а не у одних и тех же). За эти случайности, счастливые случайности, человеку всегда хочется кого-то отблагодарить. Но кого? Кто человеку готовит случайности? Кто выручает, помогает, не даёт преждевременно умереть – спасает? Так у человека появляется Бог-спаситель – невидимая, но всемогущая сила. Бог, он не вечен: я умру – умрёт и Бог со мной, ибо Бог, он во мне, а не в небесах». – «Вечен! – возразил Григорий Порфирьевич. – Бог, он творец». – «Творец – природа. Она – вечна. А Бог, это – затаённая надежда». – «Логично!» – воскликнул Сергей Семёныч. «Бог создавался долго, много тысячелетий, – продолжал дядя Серёжа. – Связь наших предков с Богом – это их культура. А коли религия – культура наших предков, мы обязаны к ней относиться как к явлению музейному – с уважением, бережно. Пользоваться ею, я считаю, и можно, и не обязательно. У нас должна быть своя культура, которую мы, к великому сожалению, не имеем – не создали. А без культуры как?..» – «Правильно, Сергей Савельич, коли нет пока другой культуры, пусть живёт старая, всё лучше, чем ничего».

Григорий Порфирьевич резко встал, подвинул стул и снова сел. «Вы, по своему, может быть и правы, но для меня неприемлемы выражения «музейное явление», «старая культура». Обижает как-то». – «Я прошу прощения, Григорий Порфирьевич, – сказал Сергей Семёныч. – Впредь постараюсь воздерживаться от подобных выражений». – «Мы отвернулись... – продолжал дядя Серёжа. – Нет, не отвернулись, а отвергли культуру предков, не создав своей, и плюхнулись в омут невежества. Семьдесят лет демонстрировали миру своё невежество. Над нами смеялись, а мы гордились». – Он ненадолго замолчал и, будто пытаясь принять более строгую позу, слегка выпрямился, словно приготовился встать из-за стола. – «Я не знаю своих родителей. Я вырос в детдоме. Но я не могу простить такое отношение к предкам, к их культуре. Я не крещёный. Я не молюсь. Я не знаю христианских обрядов и обычаев. Я вообще ничего не знаю о церковной жизни. Я единственный раз попал в храм, когда хоронили бабушку Сыроедова. Как же я был возмущён, когда увидел прелесть культуры своих предков, которую так безжалостно уничтожали... коммунисты, развернувшие атеистическую компанию».

Сергей Семёныч и Григорий Порфирьевич дядю Серёжу не перебивали. Слушали, сосредоточенно погружившись в собственные мысли.

«Варварство! – продолжал дядя Серёжа. – Непростительное варварство! История коммунистам такое не простит. Я не знаю, когда и в какой форме будет суд, но судить коммунистов за это будут». – «Их много за что будут судить», – сказал Сергей Семёныч, задумчиво качая головой. «Бог им судья», – добавил Григорий Порфирьевич, глядя куда-то в пустоту. «А какую ты имеешь в виду новую культуру, вместо христианской?» – вдруг спросил Сергей Семёныч дядю Серёжу. – «Если бы я знал... – ответил дядя Серёжа. – Новая культура должна рождаться медленно, безболезненно заменяя старую. Во всяком случае мне бы так хотелось, а не так, как это проделывали коммунисты. Какая она, новая культура? Я её не знаю и не представляю. Думается мне, что она кроется в развитии науки, в человеческих познаниях неопровержимых истин и тайн природы, ну и, конечно, в развитии объективных отношений человека ко всему, с чем связана его жизнь и его деятельность. По моим понятиям культура, это – качество человеческих отношений ко всему, с чем связана его жизнь. А в жизни, конечно, им не всё познано. И то, что им не познано, то породило культуру наших предков – отношение к непознанному. Долгие года, я бы сказал, слишком долгие годы человек всё непознанное увязывает с Богом, с Божьей деятельностью. Не может оторваться от созданной предками культуры. Инерция... – развёл руками дядя Серёжа. – Великая сила – инерция! Современные колдуны-экстрасенсы не только считают свои способности даром божьим, а иногда и присваивают себе статус Божьих посланников. Почитаешь их, диву даёшься – грамотные, с высшим образованием, а так охотно лезут в старую культуру».

Тут Григорий Порфирьевич встрепенулся: «Позвольте, молодой человек, с вами не согласиться». – «В чём, Григорий Порфирьевич? Где я ошибаюсь?» – «Вы говорите, современные экстрасенсы лезут в старую культуру. На мой взгляд они утверждают фактами учение Иисуса

Христа о наличии души человеческой, о её бессмертии. Они на живых примерах доказывают, что душа, в форме энергии, способна отделяться от тела и возвращаться. Душа бессмертна. Человек умирает телом, а душа остаётся». – «Извините, Григорий Порфирьевич, – перебил его дядя Серёжа. – Никакая энергия душой быть не может, как и душа не может быть энергией, потому что никакая энергия не может быть самоуправляемой. У любой энергии есть единственное стремление – это занять доступное пространство. В остальном её надо направлять. А для самоуправления энергию мало снабдить человеческим разумом, который был бы в единстве с разумом тела, её ещё надо снабдить необходимой механикой для самоуправления». – «А почему вы не допускаете, что Бог данную энергию снабдил всем необходимым?» – «Но вы же, Григорий Порфирьевич, знаете, что механика способна ломаться. Какой тогда может быть разговор о бессмертии души?» – «Но механика души не рукотворна». – «Вот именно, нерукотворна. Она находится в ведении генов, а не в руках человека. Умение мыслить – пользоваться интеллектом – это своего рода механика материи. Могут ли мыслить душа и Бог, если они нематериальны?» – «Душа и Бог – материальны!» – горячился Григорий Порфирьевич. – «А если они материальны, из каких материалов они созданы и кем?» – «Вы, молодой человек, помогаете начало найти?» – «Материя, Григорий Порфирьевич, не имеет начала и конца – она вечна. Другое дело, что форма материи имеет начало и конец. Форма – есть произведение природы. Бог и душа человеческая, я думаю, не бесформенны, коли они материальны. К тому же всё, что материально, то подвластно законам притяжения и отталкивания. Как же душа и Бог находятся в небесах – не падают, не улетают от Земли?» – «У Бога своя механика и свои законы». – «Но Бог ведь создал человека по своему подобию. Какая же у него может быть своя механика и свои законы?» – «А вот американцы зафиксировали много фактов, – не унимался Григорий Порфирьевич. – Они опрашивали людей, вернувшихся после клинической смерти. Что они видели там, когда, можно сказать, умерли? И большинство утверждали, что улетали куда-то в неведомое, оставляя своё тело на смертном одре». – «Человеческий организм, Григорий Порфирьевич, состоит из множества органов – зрение, слух, осязание и другие. Не все органы при клинической смерти отключаются одновременно. Чаще всего, видимо, у человека отключается в первую очередь ощущение тяжести, а мозг продолжает работать. И вот человек начинает испытывать великое облегчение, и как будто он полетел. А куда полетел? Коли мозг ещё не отключён, он начинает, так сказать, фантазировать. И вот, выйдя из состояния клинической смерти, человек заявляет, что он побывал в раю или аду».

Григорий Порфирьевич унялся, а дядя Серёжа продолжал: «Душа – это определённое поведение генов, создающее определённое состояние организма. Душа – это позитивное проявление чувств. При этом непременно присутствует та загадочная энергия, которая необходима генам для их общения, на которую обратили внимание экстрасенсы и ошибочно назвали Душой. Именно гены и придают ей нужные направления и создают нужные им формы её бытия. Эти формы бытия загадочной энергии и сбили с толку экстрасенсов».

Григорий Порфирьевич пожал плечами, демонстрируя недопонимание. «Что, Григорий Порфирьевич, – спросил дядя Серёжа, – я непонятно говорю?» – «Кто такие эти ваши гены? О чём вы говорите?» – «Мне тоже не всё понятно, – поддержал Григория Порфирьевича Сергей Семёныч. – Гены – это по сути нуклеиновая кислота. Она что, способна проявлять определённое поведение, создающее определённое состояние организма?» – «Экстрасенсы на примерах доказали, как душа способна парить над оставшимся на одре телом и наблюдать, что с ним происходит, что с ним делают люди», – настаивал Григорий Порфирьевич. – «Абсурд! Это абсурд, Григорий Порфирьевич. Не спешите в это верить. Где остались глаза? Душа с собой их взяла или они остались при теле? А где остались мозги? Или душа способна самостоятельно мыслить? А может быть душа одно соображает, а тело о другом мыслит? Душа и тело едины! А то, что наблюдают экстрасенсы, это игра воображения, только и всего». – «А вот чем объяснить такое явление? – вклинился в спор Сергей Семёныч. – Я часто во сне летаю. Говорят

ребёнок во сне летает – он растёт. А я до сих пор летаю, и летаю довольно часто, хоть давно уже и не ребёнок, да и расти дальше уже поздно. Может это душа моя летает, а я на кровати остаюсь?»

Дядя Серёжа улыбнулся. – «Думал я на эту тему, Сергей Семёныч, сам тоже иногда летаю. Дело в том, что наши органы в некоторой степени самостоятельны и во сне отдыхают по-разному. И вот когда орган ощущения тяжести отключается, мы с вами и летаем». – «А какая необходимость в этом?» – «В чём?» – «Что в этот момент надо летать?» – «Так ведь момент отключения тяжести даёт... импульс, что ли(?), для воображения. Сон ведь чаще всего – сумбурное воображение». – «Почему сумбурное?» – «Потому что многие наши центры чувств отключаются, а не отключившиеся работают, создавая сумбурное, неполноценное воображение». – «Да, да... это понятно. Ну, а насчёт генов?..» – «Я прошу прощения, – извинился дядя Серёжа. – Я не генетик – иначе строить свою логику не могу. Я так рассуждаю: я сам себя не строил. Меня кто-то построил по строго определённой программе. Как липа из крапивного семечка вырасти не может, так и я не от кого попало произошёл, а от человека. Мой организм построен из определённых материалов в строгом соответствии с программой. Все органы и части моего тела строго скопированы с предыдущего организма – отца и матери. При построении моего организма использовано всё наличие тех материалов, которые я принимал в себя во время еды. О случайных химических соединениях речи быть не может, потому что я имею определённую форму, а не случайную, являюсь копией отца. Всё это даёт мне право думать, что я кем-то построен». – «Богом», – сказал Григорий Порфирьевич. – «Не перебивайте, Григорий Порфирьевич», – одёрнул его Сергей Семёныч. – «Это не серьёзно, Григорий Порфирьевич, – возразил дядя Серёжа. – Я позволю себе объяснить весь процесс развития и сохранения организма деятельностью генов – неутомимых тружеников, перед которыми я преклоняюсь, а не перед Богом. Именно гены строят и берегут организм. И строят не из ничего, а из тех материалов, которые мы им своевременно поставляем с пищей. Организм сам снабжает себя строительными материалами. Деятельность генов обусловлена специальностями, как и у человека, у муравьев и термитов, у пчёл. Одни гены берут из пищи необходимый строительный материал для построения организма и восстановления его нарушенных органов и частей. Другие доставляют нужный строительный материал и программную информацию в нужные места организма, третьи – строят и так далее. Для общего руководства созданием, жизнью, деятельностью и сохранением организма существует определённый центр генов, который называется инстинктом. Инстинкт – это руководство генами по созданию, развитию и сохранности задуманного сооружения. Но строительный материал для генов должен добывать сам организм. А как? Для этого гены снабдили организм интеллектом. Организм, пользуясь интеллектом, ориентируется в окружающей среде, тасует обстоятельства, применяя зрение, слух, обоняние, вкус ищет строительный материал, поглощает его занимаясь самоснабжением. Гены через аппетит сигнализируют о необходимости нужного материала, а организм, пользуясь возможностью соображать и двигаться, снабжает им себя. Вернее отправляет в распоряжение генов – в желудок». – «Образно, образно, – улыбаясь сказал Сергей Семёныч, и потянулся к бутылке, чтоб наполнить стопки. – Ну что ж? Отправим уважаемым генам очередную порцию». – «Погодите, Сергей Семёныч, – сказал дядя Серёжа, – я ведь не всё обсказал о душе». – «Да, да, – поддержал Григорий Порфирьевич. – Продолжайте, продолжайте». – «Вот вы проповедуете, что душа бессмертна. И с этим я не могу согласиться. Вы уж меня простите, Григорий Порфирьевич. Я другое наблюдаю. Первое, что умирает в человеке – это душа». – «Как?!» – воскликнул Григорий Порфирьевич. Такое заявление видимо показало ему ошеломляющим. Он отстранился от стола и уставился на дядю Серёжу округлившимися глазами. «Уж коли я считаю, что душа это определённое поведение генов, создающее определённое состояние организма, то логически прихожу к выводу – в разном возрасте мы по-разному воспринимаем окружающий нас мир и по-разному к нему относимся. В расцвете наших физических, умственных, половых сил и душа наша цветёт. Мы радуемся жизни, душа

в нас ненасытна, но с приходом угасания физических сил, с приходом умственного торможения и особенно с приходом полового угасания душа в нас становится вялой, нетребовательной. К нам приходит равнодушие, безразличие. Как говорят, наступает душевная глухота. Душа постепенно отмирает, хотя организм ещё не умер. Проявления чувств становятся слабыми». – «Я не могу согласиться с вами», – качая головой возразил Григорий Порфирьевич. – «Но я так думаю. Может со временем моё мнение изменится». – «А почему «особенно с приходом полового угасания»?» – спросил Сергей Семёныч. – «Как почему? Для чего генам организм?» – «Ну и для чего по-вашему?» Дядя Серёжа улыбнулся и откинулся на спинку стула. – «Тема меняется, но разговор продолжается. У нас есть умнейшее слово – природа. Это слово люди давно придумали. Любой организм, если он не будет «прирождать», он обречён. Отомрёт этот организм и не будет ему продолжения. А если все организмы не будут природждать? Угаснет вся жизнь, как таковая. Значит, на первом плане, главенствующая задача генов, вернее главнейшая их забота – плодonoшение. И уж конечно бесспорно, пока организм сохраняет способность плодonoшения, гены о нём заботятся, оберегают его здоровье, оберегают способность плодonoшения. А «в здоровом теле здоровый дух». Не так ли?» – «Так». – «А когда организм утрачивает способность плодonoшения, для чего он тогда генам нужен?» – «Не знаю». – «Помоему и гены не знают. Тогда они постепенно перестают заботиться об организме. И организм продолжает жить в меру прочности своей конструкции. Вспомните, многие растения, отсевшись, погибают. Как и некоторые виды рыб, преодолев тысячи километров к местам нереста, сразу после икрометания погибают». – «Но не все...» – «А иные – многолетние растения – надеются на повторный акт плодonoшения». – «И где вы такое вычитали?» Дядя Серёжа поднял левую ладонь, словно отгораживаясь от вопроса: «А что при этом происходит с душой?» Сергей Семёныч, не отвечая, приготовился слушать. И дядя Серёжа продолжил: «Душа увядает. А вернее вступает в стадию отмирания. Ведь наиярчайшие её проявления всегда наблюдаются в период полового расцвета организма и во время заботы о потомстве. Так и задумано природой». – «И тем не менее я неприемлю вашу логику, молодой человек», – откинувшись на спинку стула, выразил своё несогласие Григорий Порфирьевич.

«Дорогие Сергей Семёныч и Григорий Порфирьевич, нигде я этого не вычитывал и не слыхивал. Всё это мои «бредни» и я никому их не навязываю. Я просто имею их для того, чтобы оспаривать «бредни» других, не увязывающиеся с моей логикой. Ну, а если я своими «бреднями» немного обидел вас, Григорий Порфирьевич, прошу меня простить. Я без злого умысла... Просто так... Такая уж тема сложилась у нашего разговора». – «Весь наш сегодняшний разговор атеистичен, – сказал Григорий Порфирьевич. – Естественно ваша логика, молодой человек, меня обижает. Хотя я чувствую в вас уважение к нашей духовной жизни. Я не улавливаю основы вашей раздвоенности».

И тут дядя Серёжа снова вспыхнул и заговорил как-то сбивчиво, торопливо стремясь к какой-то далёкой мысли: «Человек – разумное существо. Но человек не единственный обладатель разума. Он ещё не дошёл, далеко не дошёл до того разума, который создал человека. Вы говорите, создатель человека – Бог. Вот простейший пример. Растёт на голом песке сосна. Что есть в песке? Какие питательные вещества имеются в пустом песке для построения древесины? А ведь сосна – это не просто стандартная деревяшка. Она своеобразна – со своими качествами, цветом, запахом. Для её построения требуется много компонентов. Вот в песке смолы да серы сосновой нет. А сосна богата серой. И сера её не похожа по качеству на серу других деревьев. Значит, сосна имела выбор материалов для построения своей древесины и серы. Может ли человек из пустого песка создать нечто подобное? Сосна – это целая промышленная индустрия, неразгаданная человеком. А разве сосна единственное растение на Земле? На Земле миллионы видов растений и животных, и все они своеобразны. Значит, на Земле – миллионы вариантов разума. Человек создал Бога, чтобы Бог создал человека. Человек отдал высший разум Богу, тем самым унизив себя. И с этим можно бы мириться, да вот беда. Все

свои промашки, недоразумения, глупости и даже свою преступную деятельность человек сваливает на Бога. «Так Богу угодно...» Неблагодарное животное – человек. Порой мне кажется, что в основе всех бед на Земле лежит человеческая неблагодарность. И вера духовная – ваша деятельность, Григорий Порфирьевич, направлена на совершенствование человеческой души, на укрощение человеческой неблагодарности. Могу ли я вас не уважать за это?» – «Спасибо, молодой человек! – поблагодарил дядю Серёжу Григорий Порфирьевич. – Человек узурпировал власть над планетой, не думая о том, что при этом надо соблюдать ответственность». – «Это коммуниста своим атеизмом обнажили свою неблагодарность, показали всему миру своё невежество и варварство». – «Вот именно, – подтвердил Сергей Семёныч, внимательно слушавший разговор дяди Серёжи с Григорием Порфирьевичем, держа в правой руке бутылку, приготовленную для розлива. – Сколько я износил выговоров по партийной линии за то, что не только не закрыл церковь, а ещё и иногда ей помогаю». – «Церковь не преминет отблагодарить вас, Сергей Семёныч, за добро, вами содеянное, и за испытания ваши».

Сергей Семёныч наконец-то разлил водку по стопкам и они выпили. Закусывая капустой, смачно похрустывая, Сергей Семёныч решил возразить дяде Серёже: «И всё же, Сергей Савельич, не укладываются у меня в голове ваши мысли о том, что меня построили гены-строители, как вы изволите выражаться. Тем более, что они обладают разумом».

Я тоже поддел на вилку кусок пластиковой капусты, позавидовав как она смачно похрустывает на зубах. Но заслушавшись, долго держал её нетронутой у рта.

«Вот именно, – подхватил Григорий Порфирьевич. – Разумом Бог наделил только человека и более ни кого». – «Человек – громадное сооружение ничтожно малых строителей генов – является ничтожеством перед генами, – разгорячился дядя Серёжа. – Попробуй создать подобное сооружение наполненное таким глубоким смыслом. Именно это даёт мне право думать, что гены-строители обладают немалым разумом, какого не дано человеку». – «Человек – продукт эволюции», – возразил Сергей Семёныч. – «Эволюция – это практика генов по совершенствованию организмов, – продолжал горячиться дядя Серёжа. – Миллиарды лет ушли на эволюцию потому, что продолжительность жизни самих генов невелика. Человек ещё не дошёл до замысла такого громадного, с глубоким смыслом, сооружения, запланированного на миллиарды лет. И неизвестно, как и какие изменения внёс бы человек в свой проект при повторении своего замысла в случае необходимости. Такая эволюция человеку не по силам. А это ещё раз подтверждает, что разум человека пока примитивен, – дядя Серёжа отломил ножку от курицы и добавил, – и кичиться человеку, что он разумное существо, более чем нескромно».

Дядя Серёжа, Сергей Семёныч и Григорий Порфирьевич приступили к серьёзной закуске, тут и я схрумал свою капусту. Ещё не доев куриную ножку дядя Серёжа дополнил свою речь: «Человек всё познаёт в сравнении. Он всё познаёт в сравнении с тем, что ему хорошо известно. Познавать вещи в сравнении с тем, что человеку ещё неизвестно, невозможно. Вот почва для недоверия. Удивительные способности генов дают основание считать их более разумными, чем их создание – человек. Но у человека есть основания в этом сомневаться. Не потому, что у человека есть голова и руки, а у генов не известно что, но потому, что весь человеческий опыт ему подсказывает: чем меньше организм, тем он примитивней. Мне же хочется думать, что гены более сложны по своему строению, чем сооружения ими создаваемые. В мире всё относительно и нам просто трудно мыслить и оценивать в областях большего или меньшего относительно наших собственных размеров. Вот почему у всех есть основание считать подобные мысли бредом. А если это не бред?» – «Извините, Сергей Савельич. И тем не менее ваши рассуждения весьма противоречивы. То вы на стороне духовной жизни, то уходите в атеизм». – «Вся жизнь, Сергей Семёныч, состоит из сплошных противоречий, и наша задача найти в этих противоречиях истину. Вот я и ищу. И вы пожалуйста не подумайте, что я выдаю свои суждения, как непреложную истину. Я буду благодарен, если вы мне докажете, что я не прав, в чём не прав и что и как на самом деле. А пока – это мои умо-

заклучения, это моя вера». И спокойно доглодав ножку дядя Серёжа продолжил: «Человек многого ещё не знает о хитростях строения и состояния своего организма, созданного генами. Многие замыслы генов ему непонятны. Вот мы говорим: «счастье», «любовь», «тщеславие»... А что такое – счастье? А что такое – любовь? Что такое – тщеславие? И сколько ещё таких, что называется, «что такое?», что человек понимает и объясняет приблизительно, сравнительно, примерно... или вообще объяснить не в состоянии. Любовь... Никто не может конкретно сказать, что это такое. А это один из главных замыслов генов. Для всех организмов любовь запланирована генами не как период, отрезок времени, а как определённое состояние организма, утверждающее природу. Это самый прекрасный момент в жизни организмов. Это праздник генов. Мне кажется в этот момент гены любят, восхищаются, наслаждаются своим созданием. Какой прекрасный, чарующий, зовущий, обаятельный, восхитительный, весьма желанный становится организм. Именно праздник... Взять к примеру растение. Все листочки свежи, а какими красками играют лепестки цветов! Как аккуратно отточены формы цветка! Птицы... Как они хороши, как нарядны в свой брачный период! Рыбы, змеи, насекомые – все в это время прибраны, необычны, по-своему прекрасны. Животные и человек – на высоте своего изящества. Но пора любви имеет не только внешнюю сторону, а и внутреннюю – главную. Внешнюю сторону мы наблюдаем и объясняем, как видимую, доступную для наблюдения и описания. Но внутреннюю, невидимую, мы описать не можем, нет у человека для этого слов. Гены, конечно, знают что такое любовь, что это для них за праздник – это кульминация их деятельности. Мы, организмы, эту «кульминацию» отлично чувствуем и переживаем, как нам позволяют внешние условия, но что в этот момент делают гены с нашими нервами?.. Этого мы объяснить не можем даже сами себе». – «Ну, а счастье? – перебил монолог дяди Серёжи Сергей Семёныч. – Как вы объясните, что такое – счастье?» Дядя Серёжа улыбнулся. – «Я не энциклопедист. Как я понимаю это слово, могу сказать. Но без доказательств». – «Ну хотя бы. Мы же все его понимаем по-своему». – «Точно. А я вот так его понимаю. Человек за всю свою длинную жизнь успевает выполнить, сделать, свершить ничтожно мизерную часть своего задуманного, желаемого. Радость свершившегося и свершённого – это и есть его счастье». – «Счастье – это высшее чувство собственного достоинства, – решил высказать свою точку зрения по этому поводу Григорий Порфирьевич. – Достоинство располагает человека к творчеству ради достижения ещё большей радости и осознания собственной полезности. Попраание же человеческого достоинства естественно угнетает волю и губит стремление к творчеству». – «Вот это вы, Григорий Порфирьевич, хорошо сказали. Уж попраание-то достоинства мы все досыта испытали». – «По-моему попраание человеческого достоинства заложено в идею коммунизма», – сказал дядя Серёжа. – «Не надо о коммунизме. Тошнит с него, – сказал Сергей Семёныч. – Продолжайте-ка лучше о своих генах». – «Не о моих, а вообще...» – «Ну да, вообще».

И дядя Серёжа продолжил. Я не всё понимал в его «философии», но слушал внимательно, стараясь разобраться и запомнить.

«Тайны внутреннего мира человека, как и всех организмов остаются тайнами вечными, необъяснимыми. Необъяснимыми остаются и «счастье», «тщеславие», «гордость», «достоинство», «смелость», «страх», «материнство», «родина» и многое другое. Невозможно не восхищаться деятельностью и разумом генов. Каким богатством наделили они внутренний мир каждого организма! Инстинкт – что это такое? Где найти объяснение этому слову? Конечно, я буду далеко не точен, если попытаюсь представить его как некую сумму всех чувств и предчувствий. Инстинкт – это руководящая деятельность генов. Все организмы – подвижные и не подвижные – находятся под постоянным контролем генов. Все состояния организмов создаются генами, все движения организмов управляются генами. Ну, конечно, не все гены враз этим занимаются. Как у пчёл – есть матка, есть трутни, есть рабочие пчёлы, сторожевые, разведчики и прочие. Так и у генов – есть строители, контролеры, снабженцы, плановики, руководители и прочие распределители и правители. Как в человеческом государстве. Государство

не человек ведь придумал. Это от генов... Всё это есть – инерция природы. Но вот человек, развивая свой интеллект, всё более и более отстраняет инстинкт, хотя далеко ещё не дорос по уму до совершенства генов. Об организме заботу берёт в свои руки, не доверяя генам. Создал научную медицину, а лечение травами отодвинул в сторону. И в виду этой самоуверенности нанёс себе громадный ущерб, растерял много знаний, которые человек принёс в цивилизованный мир от своего дикого состояния. Ещё когда человек не был человеком, когда он в своей жизни отдавал предпочтение инстинктам, а не уму, он оберегал своё здоровье травами и разными растениями. Он инстинктивно чувствовал (а в то время чувства его были развиты во много раз сильнее), когда и какая трава нужна организму для восполнения недостатков в борьбе с болезнью. Гены через обоняние, вкус, аппетит помогали найти ту траву, содержащую в себе те химические элементы, которые необходимы в данный момент. Это мы наблюдаем и поныне – животные лечатся травами и грибами. У беременных женщин существуют прихоти. Они едят глину, мел, древесный уголь и прочее. Я видел, как женщина ела дёготь и пыталась доказать, что дёготь вкуснее мёда. Ни один умный человек не сумел бы доказать, что дёготь вкуснее мёда! А гены это сделали. Выходит, можно сказать – вкусно то, что не противоречит аппетиту, если считать аппетит запланированной генами мерой стройматериалов, необходимых для построения и ремонта организма. Ведь пища, это в первую очередь стройматериал, и уж во вторую – энергия». – «Я не в курсе генетики, – сказал Сергей Семёныч, – и в разуме генов всё равно сомневаюсь. Вы нам на примерах докажите неопровержимость вашего утверждения». – «А это нетрудно, Сергей Семёныч. Вы холодец из свиных ножек делали?» – «Приходилось». – «А вы не обратили внимания на количество костей в ножке и на их форму?» – «Обратил». – «А вы уверены, что количество и форма совершенно одинаковы? Быть может есть различия?» – «Почему? Какие различия? Это не возможно». – «Вот именно, это не возможно, потому что строение ножки не бессмысленно. А кто продумал её строение? Сама свинья? Бог?» – «Гены?» – спросил Сергей Семёныч. – «А я не знаю, – ответил дядя Серёжа. – Я только уверен, что в этом нет случайности, в этом есть глубокий смысл – разумность. Васька вон летом подобрал в лесу лосиные рога. Я посмотрел на них, подивился. Какая красота! Какая прочность! Сколько ума и добросовестного труда в них вложено! А ведь они не из глины, не из чего попало, а из определённых материалов... и форма у них определённая. И строились они не в один миг кем-то снаружи а в течение нескольких лет изнутри организма. Из-нут-ри! Что вы на это скажете? Эволюция тут не причём».

Сергей Семёныч задумался. Григорий Порфирьевич усердно занялся закуской, как бы не обращая внимания на беседу Сергея Семёныча с дядей Серёжей. Ему этот разговор был явно не по душе. Посидев с минуту молча, Сергей Семёныч это заметил и решил возобновить пение. Но пение не клеилось. Дядя Кузя с Фёдором Степанычем уже хорошо «наклюкались». Их пение больше напоминало мычание. На этом пир закончился. Когда стали расходиться я спросил у дяди Серёжи: «Дядя Серёжа, а что такое – музыка?» – «Музыка? – удивился дядя Серёжа моему вопросу. – Музыка, Васька, это... – он почесал за ухом. – Музыка – это средство насилия чужой души». – «Это как?» – не понял я. – «А очень просто. Через определённую комбинацию звуков музыкант навязывает своё настроение слушателю. А вернее сказать, насилует чужую душу». – «Но ведь музыка-то всегда приятна». – «Во-первых, не всегда. Во-вторых – почему насилие должно всегда быть только неприятным? Оно бывает и приятным. Помнишь басню «Демьянова уха?»»

Я улыбнулся. Но тем не менее ответ дяди Серёжи меня озадачил. «Как так мог охарактеризовать музыку дядя Серёжа? Когда мы пели за столом, он пел вместе с нами. И, по-моему, пел охотно. Никто его не насилует. Песня ведь – это тоже музыка. Нет, тут он что-то явно перегнул. Музыка, по-моему, не только насилует, но и организует людей. Вон как чётко под неё маршируют военные! А может быть они и не маршировали бы, если б их не насилвала музыка?»

Дядя Серёжа улыбнулся и продолжил объяснение: «Музыка, Васька, это – искусство. А что такое искусство? Искусство – это форма проявления человеческих отношений высокого качества, это особая форма человеческих общений. Короче говоря, искусство – это язык. Художник, общаясь с нами, разговаривает языком красок. Свои соображения и настроение передаёт нам красками. Писатель – разговорным языком, а композитор звуками. Композитор делится с нами своим душевным состоянием, своим настроением, предлагает нам посопереживать. Предлагает, а не навязывает. А потому он нас не насилует. Насилует нас исполнитель, не спрашивающий нас, желаем ли мы его слушать? Нужна ли нам комбинация звуков с чуждым нам настроением, с неприемлемой для нас динамикой, ритмом и интонацией?» – «Я понимаю, – говорю, – дядя Серёжа, догадываюсь, что и кого ты имеешь в виду». – «Догадываешься? Молодец. Современную музыку я имею в виду, низменную, грубую, дикую, фальшивую. Современная музыка – это фальшь. Чем громче человек матерится, тем убедительнее его мат. Вот по этому принципу и развивается современная музыка. Чем громче, тем внушительней».

Сергей Семёныч каким-то своим методом быстро отыскал Ваську Зюкова и тот отвёз нас с мамой в Кокошино на «газике».

На другой день в школе, в конце уроков, появился корреспондент. Тот самый, которого я провёл на Крутом яре. И опять стал искать Ваську Сыроедова. Вот ведь как быстро «земля слухами полнится»! Он уже узнал о нашем с дядей Серёжей приключении. Я крадучись смылся из школы, чтобы с ним не встречаться. А он припёрся к нам домой. Мама на этот раз тоже была дома. Он стал задавать мне разные вопросы. Ну, а поскольку мама всех подробностей нашего приключения не знала, ей тоже интересно было узнать всё. Ну, думаю, расскажу уж. И рассказал. Корреспонденту, похоже, моего рассказа показалось мало. Он стал задавать вопросы о прошлых моих приключениях. Ну, а мне не всё ведь по душе вспоминать из старого. На несколько вопросов я ответил, потом встал и вышел из избы, ничего не сказав, не предупредив его. «А ну тебя, – думаю, – к чёрту!» Я вышел в хлев, а он остался с мамой. Пусть, думаю, с мамой поболтает. Ход в хлев у нас соединён с сенями. В хлеву ко мне с хрюканьем подошла свинья, поинтересоваться, не принёс ли я ей чего-нибудь вкусенького. Я погладил её, почесал, потом подвёл к входной двери и пустил её в избу, быстро дверь прикрыв. Зачем я это сделал? Сам не знаю. Просто мне захотелось сделать корреспонденту какую-нибудь каверзу. Сам ушёл в туалет, не спеша облегчился. А что дальше делать – не знаю. А свинья, не бывавшая в избе, поглядела на маму, на корреспондента, хрюкнула и принялась знакомиться с обстановкой. Корреспондент ошалело глядел на свинью, неподвижно стоя посреди избы. Свинья к нему подбежала, почесалась боком о его коленки и подалась на кухню, почуяв оттуда запахи съестного. Мама, видимо, тоже не сразу сообразила, что случилось, и только когда свинья направилась на кухню, открыла дверь и вытолкала её из избы. Ну, я водворил свинью обратно в хлев и не спеша вошёл в избу. Мама конечно была мною недовольно, стояла со сжатыми кулачками, явно намереваясь высказать в мой адрес что-нибудь сердитое. Но она стеснялась корреспондента. А тот крутил головой то на меня, тона маму. Я почувствовал мамино недовольство, готов был высказать что-нибудь в своё оправдание, но присутствие корреспондента так же заставляло меня молчать. Поэтому я подошёл к окну и уселся на стул, глядя в угол. Не знаю, что подумал корреспондент, но, не задавая больше вопросов, он молча собрался и ушёл.

«Ну как тебе не стыдно?! – затрясла передо мной кулачками мама. – Ведь ты уже большой. Что ты вытворяешь? Человек по делу пришёл, а ты... Ну, для чего ты свинью-то в дом запустил?» – «Корреспондента, – говорю, – выгнать. Кто его звал?» – «А чего он тебе плохого сделал, что ты им так недоволен?» – «Не хочу, – говорю, – чтобы про меня и про мои беды весь мир знал. Пусть ко мне не ходит, вот и всё!»

Мама долго на меня сердилась и не хотела со мной разговаривать. Мне, конечно, было перед ней неудобно, но что поделаешь? Взбунтовалась душа моя против корреспондента и всё тут. Нежелателен он мне.

Ну, а статья-то в газете всё-таки была. И на этот раз большая, под заголовком: «Сыроедов – кто он?» В статье корреспондент долго размышлял, кто есть Василий Сыроедов – экстрасенс, гипнотизёр? Или ещё кто, со способностями «совершенно необъяснимыми»? Перечисляя все мои приключения и объясняя их по-своему, он робко высказывал свои предположения: «Вызывает удивление, как Василий, приказав автомашине двигаться на трёх колёсах, спокойно едет с грузом от Кокошино до Лубянки и обратно, не теряя ни минуты времени, не нарушая рабочего ритма. А глядя на него опытный старый шофёр, желая повторить пример Василия, не проехав и ста метров опрокинул машину в кювет». А волкам, оказывается, я просто подавал сигналы, которому первому подставлять спину под топор дяди Серёжи, которому – следующему. А дядя Серёжа их «с азартом» рубил на куски. И, к моему великому удивлению, я, оказывается, могу превращаться из человека в свинью и обратно. Это «феноменальное» явление я продемонстрировал при его визите к нам. Я даже в образе свиньи дружески потёрся о его колено. Во как! Ну и в конце корреспондент вопрошает: «Какой такой непонятной силой наделён Василий? Кто он, если не экстрасенс и не гипнотизёр, не колдун и не дьявол?»

Я эту статью показал дяде Серёже. Он небрежно бросил газету на стол и сказал: «Читал я, Васька. Чему тут удивляться?» – «Как чему?.. – возмутился я. – Врёт ведь!» – «Не врёт, а хлеб зарабатывает». – «За враньё разве деньги платят?» – «Платят, Васька. И тому кто врёт, платят, и тому, кто разоблачает ложь». – «А почему?» – «Что «почему»?» – «А зачем?.. Кому нужно это враньё и его разоблачение, да чтоб за всё за это деньги платили?» – «Нужно, Васька. Всем нужно. Кроме того, что истина укрепляется в противоречиях, само по себе враньё не даёт покоя мыслям человеческим. А ведь человек не просто постоянно мыслит, он должен постоянно совершенствовать свои мысли. А враньё хорошо помогает их совершенствовать. Я, по-моему, тебе говорил, что вся жизнь состоит из лжи и правды. Ложь бывает безобидной и бывает вредной, выгодной, невыгодной, злой, смешной, приятной. И правда бывает злая, добрая, приятная, горькая, удобная, неудобная, выгодная, невыгодная. Какая бы правда не была, её не надо путать с неправдой – с ложью. Кстати, неприкрытая неправда – это шутка, а скрытая – это ложь. Вот шутка-то в жизни и служит нам чаще тем, что помогает нам разбираться, отличать неправду от правды, а за одним и распознавать ложь. Вот ты книжки читаешь? Кстати я ни разу от тебя не слышал, чтобы ты чем-то из литературы восхищался». – «Читаю, – говорю, – но мало. А когда читать-то?» – «Если охота читать, время найдёшь. Ну так вот: вся литература построена на неправде, на вымысле. Но каждый писатель выдумывает такую неправду, через которую читателю удобно поднести свою правду». – «Какую «свою правду»?» – «А вот... Как тебе проще-то объяснить? Ну, например, ты «Евгения Онегина» читал?» – «Читал». – «Так вот... Никакого Евгения Онегина никогда на свете не было. Это вымысел Пушкина. Ну, а раз вымысел, значит – неправда. Все похождения Евгения – неправда. Но его отношение к людям, к обществу, форма его воспитания и поведения – это как бы отпечаток того времени, в котором жил, или, вернее, мог бы жить Евгений, это та правда, которую хотел сказать нам Пушкин. Или Татьяна... Она тоже вымышлена, тоже неправда. Но в её образе Пушкин выразил свои желания, свою правду – ему хотелось, чтобы идеал женщины был похож на Татьяну, скромную, преданную». – «Понял, – говорю. – Нам ведь на уроках литературы то же самое говорят, только «правдой» и «неправдой» не называют». – «Ну и слава богу! А я думал у тебя по литературе «двойка». – «Ну что ты, дядя Серёжа, – говорю. – С тех пор, как мы всерьёз занялись техникой, у нас, у пацанов, отношение ко всем предметам стало какое-то другое. Нам некогда дома висеть над домашним заданием, мы на уроках стали внимательней слушать. Нами учителя теперь довольны». – «Вот и слава богу! Ты теперь стал взрослым. Значит должен понимать корреспондента. Он тоже взрослый и старается найти свою правду. Только вот не у всех и сразу в жизни всё получается. Многие начинают свою жизнь с ошибок, и тоже по той же причине, что не сразу в жизни отличают неправду от правды. Будем надеяться, что и корреспондент

когда-нибудь разберётся в жизни. Как говорят? На ошибках учатся. Ну, а кто хорошо учится, тот в жизни меньше мучится».

Дядя Серёжа потрепал меня за плечи и улыбнулся. «Человек, Васька, организует свою жизнь по подсказке собственных убеждений, веры и сознания». – «По подсказке собственных убеждений, веры и сознания, – повторил я его слова. – А что, у корреспондента не хватает собственных убеждений, веры и сознания?» – «Может быть и не хватает. Этого всем нам жизнь преподносит по-разному».

Тут вдруг меня насторожило слово «вера». Какая вера? – подумал я. Уж не в Бога ли? «А что такое – убеждения, вера, сознание?» – спросил я. «Убеждения, вера и сознание?» Дядя Серёжа подошёл к полке с книгами, снял с неё толстенный том и стал листать. Это был «Словарь русского языка». Найдя нужные слова и прочитав их объяснения, он с шумом захлопнул словарь и, сердито бросив на полку, возмутился: «Белиберда! Чушь! Абсурд! Написать такую толстенную книгу конечно похвально. Но ведь писать-то надо умно, грамотно». – «А что там не грамотно?» – поинтересовался я. – «Да я хотел тебе, Васька, объяснить слова – убеждение, вера и сознание – по книжке. Вот словарь взял. Да уж больно глупо, неумно там эти слова объясняются». – «Как глупо, неумно?»

Дядя Серёжа снова снял с полки словарь и прочитал: «Убеждение – твёрдый взгляд на что-нибудь, основанный на какой-нибудь идее, мировоззрении. Убедиться – поверить во что-нибудь». – Он захлопнул словарь. – «Ну, куда ещё глупее-то, Васька? Как можно путать веру с убеждением? А вот слово «вера» – это убеждение в ком или в чём-нибудь». «Верить – это быть убеждённым». Тьфу! – плюнул в сердцах дядя Серёжа. – После таких объяснений словарь в руки брать не хочется. Ну-ка посмотрим как он объясняет слово «сознание». «Сознание – это понятие, мысль, чувство. Способность мыслить, рассуждать...» Ну вот, и здесь сплошная путаница. Сознание путает с интеллектом, с чувствами. Сознание, это же – совокупность знаний! Мир познаётся человеком уже... миллионы лет. Человеческие познания мира накапливаются в памяти человека, передаются от поколения к поколению с инстинктом и интеллектом через посредство языка и культуры, и отражаются на его поведении и деятельности. Именно сознание и поддерживает интерес к жизни, зовёт его к деятельности, к творчеству, к созиданию». – «А по-моему у людей сознание разное, – перебил я его. – Одни сознательно что-то делают, а другие сознательно их грабят». – «А грабёж и воровство, Васька, это тоже деятельность. Деятельность человека, она тоже имеет свои качества и целесообразность». – «А потерять сознание, это что?» – «Потерять сознание? Память отключается. Сознание, это главный ориентир для всех мыслей. А вера и убеждения – коррективы». – «Какие «коррективы»?» – «Ну, мыслить можно ведь и правильно, и с ошибками. А чтобы меньше ошибаться, надо помнить о логике чужого опыта и своего. Вера, это информация, закреплённая в твоей памяти с чужого опыта, так сказать «шуба с чужого плеча», а убеждения – со своего опыта, твоя собственная шуба». – «А как это – информация с чужого опыта, со своего?..» Дядя Серёжа вздохнул, видимо недовольный моей непонятливостью. «Так вот, Васька, постарайся запомнить на всю жизнь. Мысли и чувства человека живут во власти убеждений. Убеждения сильную волю закаляют, а слабую – парализуют. Без убеждений героев не бывает. Вера – это познание мира через слово, через мысли. Вера – это определённый результат логики. А убеждение – это познание мира через ощущения, через чувства, через непосредственное восприятие живых фактов – происходящего, существующего, свершающегося. Познание истины в беде – вот история этого слова. Убеждение – от слова «беда». Уж кто-кто, а ты, Васька, в жизни много убеждений почерпнул в своих приключениях. Нынче много знаешь, что можно, а что нельзя, что доброе, что недоброе, на что можно надеяться, на что нет. Вера, – это теория, которая должна быть подтверждена практикой. Если теория не подтверждается практикой, вера умирает – человек разуверяется. Переубеждений же не существует. Вот ты лизнул языком на морозе железную скобу и познал, что делать этого нельзя. И попробуй тебя пере-

убеди в обратном. Пробовал такое в детстве?» – «Конечно, – говорю. – Чуть пол языка на железяке не оставил. Бабушку чуть с ума не свёл». – «Ну вот ты и познал истину в беде. Познание мира человеком, как и всеми живыми существами, начинается с убеждений задолго до появления веры. Собственно вера, наверное, присуща только человеку, обладающему речью и логикой. А убеждения – всему живому... Через внушение вера часто служит суррогатом убеждений. Переубеждение свойственно только суррогатам убеждений. Например все религиозные и идейные убеждения – это суррогаты. Политические, философские... Они дали истории много примеров падения. Именно здесь и родилось слово «переубеждение», которым, казалось бы, люди не должны пользоваться, но к сожалению очень часто пользуются в ущерб логике». – «Так ты, дядя Серёжа, ничему написанному не веришь?» – поинтересовался я. – «А я, Васька, как-то так привык всё прочитанное подвергать сомнению. И пока не пропущу это через собственные убеждения и логику, не могу считать верным или неверным, достойным или недостойным. Прочитанное надо осмысливать. Тогда через чтение совершенствуются твои мысли, ум и знания». – «А корреспондент, дядя Серёжа, это писатель?» – «Писатель? А что такое – писатель? Писатель – это искатель художественных возможностей для передачи обществу своих умозаключений и мыслей, своих философских открытий – своей правды. Писатель всегда должен стоять выше читателя. Он призван, если не делать свои открытия или не развивать свою философию, то хотя бы помогать читателю наглядно понимать сложности жизни и через судьбы героев своих произведений, через поднесённые читателю наглядные факты обогащать читателя убеждениями. Писатель обязан знать, что такое убеждения, вера и сознание, какого их значение в литературе и в жизни человека, чтоб не вводить в заблуждение читателя, как этот корреспондент. У этого корреспондента может и есть знания, да слабое сознание. У него сильная вера, да нет убеждений. А без убеждений – шаг до заблуждения, потому что вера – подруга лжи». – «Значит корреспондент это не писатель, а ученик?» – «Я так же, Васька, думаю. Из некоторых корреспондентов вырастают писатели, а из других – не получаются». – «В правдах разобраться не могут». – «Может в правдах, а может в себе. Все мы на этом свете разные. Всем и всего нам по-разному досталось. Равноправие только на том свете существует. Кто бы мне, Васька, подсказал, как вас, пацанов, квалифицировать? Вот какая правда меня больше всего сейчас занимает». – «А почему нам не дают права? Мы же справляемся». – «Несовершеннолетние вы, Васька. Никому за вас отвечать не хочется».

Эта дядина Серёжина «правда» занимала не только его одного. Это была и забота обоих председателей колхозов, обоих директоров школ – Кокошинской и Лубянской. А так же и механиков. И вот однажды в феврале они все вместе решили отправиться в областной совет, решив прихватить с собой по паре пацанов от колхозов на всякий случай. В их число попал и я.

Собирались мы – сходились и съезжались, у Кокошинского правления. Нас задерживал запаздывающий Федька. Он в Мякошино живёт. Не догадался видно ночевать у кого-нибудь в Кокошино. Из Мякошино пешком шёл, а нам его ждать пришлось.

«Что такое – опоздание? – напустился на запыхавшегося Федьку Сергей Семёныч. – Объясни мне, молодой человек». – «Опоздание, – оправдывался Федька, – это когда приходишь позже назначенного времени». – «И всё?» – «А что ещё?» – «Так вот, запомни, молодой человек, опоздание – это воровство, оскорбление, издевательство и неуважение себя». Федька пожал плечами, не понимая что к чему. «Не понял?» – спросил Сергей Семёныч. Федька покрутил головой. «Так выслушай и запомни. Ты ворует чужое время. Плюёшь на того, кто отдаёт тебе своё время ни за что ни про что, играешь на нервах ожидающего и не обращаешь внимания на то, что тебя в это время ругают, а может и проклинаят и в хвост и в гриву». Федька виновато потупился. «Ну всё, – скомандовал Сергей Семёныч, – поехали».

До города сто двадцать километров. Мы тронулись из Кокошино утром через Костышевку на двух «газиках». В первом ехали: Пётр Иваныч, Ефим Георгиевич (директор нашей школы), Иван Семёныч, Федька Тетюня – мой одноклассник из Мякошино. Тетюня – это у него

прозвище такое, а фамилия у него – Фекашин. У нас, у пацанов, почти у всех прозвища есть. И у меня есть – Чурок. Мы к ним привыкли и не обижались. Иногда имя и не упоминаем, только прозвище. И отзываемся на них. Ну и я в этой машине ехал. За баранкой был Федька, а вторую половину пути – я. Только подъезжая к городу за руль сел Иван Семёныч. Во втором «газике» ехали: Сергей Семёныч, дядя Серёжа, Олег Львович (директор Лубянской школы), Шурка-Кокурка, пацан из нашей братии (фамилия у него – Кокурин) и Васька Зюков. Машину вначале вёл Васька. Доехали, в общем, спокойно, без приключений. В облсовете старшие велели нам ждать на первом этаже у входных дверей, а сами пошли «считать» этажи да кабинеты. К кому они попадали, как и что доказывали – мы не знаем. Прождали мы их до часу дня, скуки ради изучая этажи, лесенки да стены. В час к нам спустился Иван Семёныч и сказал, что они не могут попасть к «главному». Сейчас обед начнётся, возможно после обеда повезёт. А нас с собой привезли зря. Значит мы можем погулять по городу и вернуться к машинам часов в пять вечера. А чего ради гулять по городу впустую?

«Пошли в кино», – предложил Шурка. «А где оно?» – спросил Васька. – В кинотеатре». – «Да я знаю, что не в бане. Кинотеатр-то где?» – «Спросим». – «А какое кино-то?» – спросил Федька. «А вон реклама – выбирай».

Мы подошли к афишам и стали разбираться, что и в каком кинотеатре идёт, и какие сеансы, чтобы нам успеть вечером к машинам. Выбрали какую-то Американскую картину в кинотеатре «Сатурн» и стали спрашивать у прохожих, где этот кинотеатр находится. Оказалось надо ехать на «седьмом» автобусе до конца.

«А я есть хочу, – заявил Федька. – Пошли сначала в магазин. Что-нибудь пожевать купим». Возражать никто не стал. Продовольственный магазин оказался совсем недалеко от горисполкома. Мы вошли в магазин и стали разглядывать витрины с продуктами. Магазин большой, не то, что наша Кокошинская лавка. Естественно, нам было всё интересно – и содержимое витрин, и оформление. Федька ткнул меня в бок. «Ты чего?» – спрашиваю. – «Читай». Он указал пальцем на «предупреждение» в молочном отделе – «Молоко следует пастеризовать». – «Это как, – говорю, – «пастеризовать?»» – Он пожал плечами. Васька с Шуркой заметили нашу озадаченность, поинтересовались в чём дело. – «А вот, читайте?» – показал Федька. Шурка прочитал, посмотрел на нас и на Ваську. – «С сахаром что ли? Или без сахара?» – «У продавщицы спроси», – посоветовал Васька. Но наш разговор услышала стоявшая у прилавка старушка и подсказала: «Кипятить. Пастеризовать – это значит кипятить». Шурка засмеялся. – «Несуразица какая! Пастеризовать – значит кипятить». – «И что в этом смешного?» – удивилась бабушка. – «А разве это не смешно?» – удивился Шурка. Мы тоже рассмеялись. Рассмеялись скорее над ответом Шурки, а не над словом «пастеризовать». Бабушка, глянув на нас непонимающе, отошла к следующему прилавку.

«Пришло в сельсовет распоряжение: «окиуетить дорогу!», – немного артистично произнёс Шурка. – Это в смысле вырыть вдоль дорог сточные борозды или канавы. А разве нельзя было сказать «оканавить» или «обороздить»? Ведь слово «кювет» в переводе на русский язык означает «лохань». Выходит «окиуетить» значит – «олоханить». «Молоко следует пастеризовать». Это в смысле – кипятить. Я вспоминаю, как-то читал, кажется у Помяловского, молодой человек, желая показать свою образованность, приветствовал девушку словами – «паштет вам!..» Паштет, пастель, пастила, паста – это слова-братья. И вот – «пастеризовать молоко»? То есть – кипятить. А нельзя пастеризовать ботинки? В смысле подбить каблук. Окаблучить, порусски говоря. «Окаблучить» – нехорошо звучит, близко к слову «выкаблучиваться». В смысле «выпендриваться». Мне кажется правильнее было бы говорить не «пастеризовать молоко», а «выпендривать молоко». Ведь каждый знает, что при кипячении молоко даёт пенку».

Тут мы рассмеялись на весь магазин. Особенно громко и дольше всех смеялся Федька. Люди смотрели на нас неприязненно, холодно, по чужому. Мы отошли к другому прилавку, купили себе всяких пряников, потому что больше покупать было нечего, и поспешили из

магазина. Нашли автобусную остановку, где «семёрка» останавливается, стоим, жуём пряники, ждём автобус. И тут на остановке разыгралась неприятная сцена. Стояла молодая пара – муж и жена. Подошёл к ним пьяный мужик, неприятный такой верзила, стал приставать, оскорблять то одного, то другого. Естественно, оскорбление трудно стерпеть, и муж хотел что-то предпринять, защитить достоинство жены. А та схватила его за руки и закричала: «Витя, Витя, отвяжись от него, убьёт ведь, давай от него уйдём. Ну его к чёрту!»

Витя пытался освободиться от рук жены, но та снова и снова хватала его. Она не понимала, что Витины руки нужны не только для драки, но и для самозащиты. Она цеплялась за руки мужа, забегая вперёд, стараясь отделить собой мужа от верзилы. И чем больше она цеплялась за руки мужа, тем больше он старался от них освободиться. А верзила, улучив момент, с размаху нанёс Вите сильный удар по левому виску. Тот на глазах у жены разом обмяк и стал оседать. Жена не сразу сообразила, что случилось, продолжала его держать. А тому уже не только присесть захотелось, но и прилечь. Она плаксиво заголосила: «Витя, Витя, Витенька! Миленький! Он убил тебя? Витенька!» А потом вдруг, как ужаленная заорала на всю улицу – «А-а-а-а-а-а-а!!!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.